ISSN 1829-0485

Вестник
Российско-Армянского Университета

гуманитарные и общественные науки

(10)

Издательство РАУ

N 1/2011

Российско-Армянский (Славянский)
университет

Печатается по решению
Ученого Совета РАУ

Вестник РАУ

(серия: гуманитарные и общественные науки)

(10)

Издательство РАУ

N 1/2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ В ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ ОСВАЛЬДА ШПЕНГЛЕРА

Мирумян Р.А., Монета М.Г.

> Наследие Шпенглера явственно распадается на силы, чрезвычайно разнящиеся по мыслительной фактуре ... Но и единственное, замкнутое в себе сочетание («Закат Европы») ... при ближайшем рассмотрении расслаивается на эксперимент исторического прогнозирования, на политическую теорию тоталитаристского толка и на философскую в собственном смысле...
>
> *С.С. Аверинцев*

Освальд Шпенглер – немецкий мыслитель XIX–XX веков, один из основоположников западно-европейской философии культуры, создатель принципиально новой философии истории – «морфологии» и вместе с тем автор философско-политической концепции, основные теоретико-методологические принципы которой изложены в его фундаментальной двухтомной работе «Закат Европы». Интерес к наследию О. Шпенглера постоянно возрастает, о чем свидетельствуют не только новые публикации его работ, но и современные исследования его творчества, акцент в которых ставится на разработанную им теорию цивилизационного развития. Анализу идей О. Шпенглера посвятили свои работы А. Коктанек, Э. Штуц, Ж. Мерлио, Й. Петцольд, Д. Фарренкопф, Д. Фелкен, М. Тхондль, Ф. Лантинк, С. Хантингтон, Ф. Фукуяма и другие западные исследователи, которых объединяет интерес к представленному О. Шпенглером цивилизационному подходу к изучению мировой истории. Д. Фелькен, в частности, отмечает, что в западных странах интерес к О. Шпенглеру концентрируется главным образом вокруг его философии культуры, в то время как его политические идеи практически не рассматриваются[1]. Большое внимание к наследию О. Шпен-

глера уделяется в работах и российских исследователей (А.Н. Чумаков, К.С. Гаджиев, А.С. Панарин, С.Г. Киселев, И.А. Василенко и др.), которые анализируют преимущественно возможности использования предложенной О. Шпенглером методологии исторического и политического анализа для осмысления современных международных проблем. Данный подход к наследию О. Шпенглера кажется более правомерным, поскольку многие его политические идеи (о фюрерстве, элите, прусском социализме, власти силы, праве Германии на чужие земли) были сформулированы уже в «Закате Европы».

Целью настоящей статьи является выявление в мировоззрении О. Шпенглера историологических и культурологических оснований его философско-политической доктрины.

Будучи одним из сторонников цивилизационного подхода периодизации истории, О. Шпенглер рассматривал ход всего исторического развития через призму функционирования исторических субъектов, под которыми им понимались не отдельные народы и государства, а обширные объединения их, в качестве цементирующего фундамента которых выступала общность духовной культуры. Стержневой в теории цивилизационного развития О. Шпенглера является проблема соотношения культуры и цивилизации. И хотя в истории западной философско-исторической мысли автор «Заката Европы» не был первым, кто вычленил данную проблему в качестве самостоятельной исследовательской проблемы, его взгляд на этот вопрос весьма оригинален. В рамках западной философско-исторической мысли предшественниками О. Шпенглера были Г. Риккерт, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше и другие известные мыслители, а в рамках русской – Н. Данилевский. Однако, в отличие от своих западноевропейских и русских предшественников, немецкий мыслитель абсолютизирует развиваемую им идею уникальности и неповторимости каждой культуры, рассматривая их гибель как фатальную неизбежность по аналогии с биологической смертью живого организма.

Прежде чем приступить к анализу соотношения таких теоретических конструктов, как «культура» и «цивилизация», О. Шпенглер обращается к выявлению природы и отличительных черт отдельно взятых культур. Он подчеркивает уникальность исторической судьбы каждой культуры, проявляющуюся уже на этапе первоначального «складывания» ее и предопределяющую специфику всего ее дальнейшего пути, вплоть до окончательного распада. Сами культуры рассматриваются им в виде неких изолированных друг от друга организмов – «коллективных личностей». Подобно отдельно взятым людям, они обладают некой символической «душой», «генетическим кодом». Культуры, подобно другим живым организмам, развиваются, расцветают, стареют и гибнут. Помимо «души», каждая культура имеет свою «физиогномику», то есть меняющееся выражение «лица» и «жестов», отражающих в ходе исторического развития своеобразие этой «души». Данное своеобразие проявляется в специфике организации жизни принадлежащих к этой культуре народов.

О. Шпенглер считает, что каждая культура имеет не только свое искусство, но и свое собственное «естествознание», и даже свою уникальную природу, так как природа воспринимается человеком через культуру. Когда О. Шпенглер говорит о природе, он имеет в виду не физическую природу, а нечто непосредственно не наблюдаемое, воспринимаемое исключительно интуитивно и составляющее сущность всего. О. Шпенглер обращает особое внимание на вопрос о соотношении культуры и природы, природы и истории: «Каждой культуре свойственен строго индивидуальный способ видеть и познавать природу, или, что то

же, у каждой есть ее собственная своеобразная природа, каковой в том же самом виде не может обладать никакой другой вид людей. Точно так же у каждой культуры, а в пределах отдельной культуры, с меньшими отличиями, у каждого отдельного человека, есть свой совершенно особый вид истории, в картине и стиле которого он созерцает, чувствует и переживает общее и личное, внутреннее и внешнее, общеисторическое и биографическое становление»[2]. Собственно говоря, природа, культура и история представляются им в виде детерминирующих друг друга явлений.

Кроме того, мыслитель выдвигает идею, согласно которой культура есть сообщество людей, наделенных общей ментальностью. Каждое из таких сообществ обладает определенным набором характерных черт, называемых им «стилем». «Стиль» культуры определяет способ существования культуры в пространстве. Под «стилем» культуры О. Шпенглер понимает мысли и поступки людей, их нравы и умонастроение, выбор видов искусств и форм общения. Все эти культурные формы составляют единую целостность, которая пронизана определенной «идеей». Культуры совершенно не детерминируются внешними факторами, то есть влиянием другой культуры, их судьба сводится к «саморазвертыванию» души, что придает всем ее элементам характер символов, имеющих особый смысл. Эти системообразующие элементы, отличающие одну культуру от другой, подлежат не познанию, а «чувствованию». Культуры замкнуты и непроницаемы для посторонних, но их своеобразие можно ощутить в их разных проявлениях. Немаловажным является тот факт, что именно попытка выявления и систематизации проявлений культур подвела О. Шпенглера к созданию им классификации самих этих культур как единиц мирового исторического процесса.

Как таковая культура по-разному трактовалась различными мыслителями XIX века. Н. Данилевский, к примеру, выделял двенадцать автономных цивилизаций или историко-культурных типов: египетский, китайский, ассиро-вавилоно-финикийский или древнесемитский, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, новосемитический или аравийский, германо-романский или европейский, мексиканский, перуанский[3]. Предложенная Н. Данилевским типология культур, а также положенные в основу этой типологии основные методологические установки, стали исходными принципами, послужившими основой для дальнейших исследований в этой области. Эти принципы сводятся к следующему: во-первых, каждая культура представляет своего рода архетип, построенный по оригинальному плану; во-вторых, жизнь каждой культуры имеет свой предел, и одна культура сменяет другую; в-третьих, сравнительное изучение частных и общих характеристик культур в дальнейшем приведет к более глубокому пониманию логики всемирно-исторического процесса[4].

В отличие от Н. Данилевского немецкий мыслитель выделяет восемь культур: египетскую, индийскую, вавилонскую, китайскую, греко-римскую, майя, магическую (византийско-арабскую), фаустовскую (западноевропейскую). Эти культуры он оценивает как «завершенные», поскольку полагает, что они уже исчерпали весь свой потенциал. В качестве девятой культуры он называет зарождающуюся русско-сибирскую культуру, специфика которой им не раскрывается. О. Шпенглер строит свою типологию культур, исходя из идей существования некоей ведущей характеристики, придающей каждой культуре соответствующую специфику. У каждой из культур в период ее активной фазы существует полная взаимосвязь между всеми составляющими ее элементами. У «завершенных» же культур взаимосвязь между этими элементами разрушается.

По О. Шпенглеру существование культур в разных исторических временах и пространствах отнюдь не свидетельствует о единстве и однонаправленности

мирового исторического процесса. В противовес известным концепциям ряда западно-европейских мыслителей XVIII–XIX веков (Гегель, Сен-Симон, О. Конт и др.), представлявших историю как процесс восхождения человечества по ступеням исторического прогресса, О. Шпенглер видел в истории лишь совокупность «биографий» отдельных культур. Вслед за немецким историком Г. Риккертом и русским мыслителем Н. Данилевским О. Шпенглер предлагает признать в качестве действительных носителей исторической жизни несколько обособленных «естественных» групп – замкнутых дискретных сверхнациональных общностей – культур. Для О. Шпенглера все культуры равноправны; каждая из них уникальна и не может быть осмыслена с позиции другой культуры: «Явления других культур говорят на другом языке. Для других людей есть другие истины. Для мыслителя они должны иметь значение все или ни одна»[5]. Самобытность культур обусловлена тем, что они черпают содержание своей жизни из особенностей своей духовной природы и внешних условий жизни, хотя и реализуют это содержание не с одинаковой полнотой. Это означает, что начала одной культуры не наследуются народами другого типа. Каждый тип сам определяет эти начала при определенном (бóльшем или мéньшем) влиянии предшествовавших или современных ему культур. В данном случае влияние одной культуры на другую ограничивается лишь использованием технических достижений[6]. Вследствие этого определяющее воздействие чуждых каждому типу начал мыслитель полностью отрицает. Новая культура впитывает из опыта прошлого лишь то, что отвечает ее внутренним потребностям.

Теоретическим основанием указанной позиции немецкого мыслителя является модель исторического процесса, в котором многообразие отдельных форм и богатство локальной специфики обогащаются результатами достижений других культур. Однако подобное обогащение не сводимо к простому заимствованию и перенесению культурных начал с одной «культурной реальности» на другую. Этим, возможно, объясним тот факт, что ни одна культура не может быть понята другой культурой, не говоря уже о возможности благотворного перенесения с одной культуры на другую инородных ценностей.

Сущность своей концепции сам О. Шпенглер определял следующим образом: в том, что различные формы культуры представляют собой постоянно меняющиеся проявления и выражения единой культуры, находящейся в центре жизни, и ни одна из них не занимает преимущественного положения: все это отдельные миры становления, все они имеют одинаковое значение в общей картине истории. Он приводит примеры, свидетельствующие о неверном понимании предшествующих эпох современными мыслителями, которые пытаются включить ценности предшествующих культур в контекст своей культуры. Так, стремясь выявить смысл чисел, он раскрывает всю глубину той пропасти, которая лежит между античной и современной ему математикой, и показывает, как понятия, перенесенные из Эллады на почву Запада, приобретают совсем иное значение. Так, Античная культура, базирующаяся на конечности, телесности числового ряда, противоположена цивилизации современного ему Запада, основанной на идее бесконечности. О. Шпенглер таким образом подчеркивает локальность культур и слабость связей между ними. Исходя из этого, он указывает на опасность попыток анализа прошлых эпох на основе современных критериев.

Сформулировав принцип непередаваемости культурных начал и ценностей в качестве исторического закона, О. Шпенглер тем самым опровергает просветительскую идею о единой линии развития человечества и ранжирование культурных типов по уровню их развития и, соответственно, представление движения

истории «по прямой». Он полагает, что каждая культура, являясь сложным природно-социальным организмом, проходит, как и все живое, полный витальный цикл – детство, зрелость, старость и погибает, уступая место следующему, более молодому типу. Для обоснования этого положения О. Шпенглер использовал основной постулат органической теории, согласно которому культуры, подобно живым организмам, проходят в своем развитии через определенные фазы. На основе этого он выводит, что каждая культура в своем развитии проходит следующие фазы: мифосимволическую (ранней культуры), метафизико-религиозную (высокой культуры) и цивилизационную (поздней культуры).

Под мифосимволической фазой О. Шпенглер понимает такое время протекания культуры, когда в ней господствует религиозное миросозерцание. Все явления культурного порядка, в том числе государство и право, рассматриваются им как результат действия сверхъестественных сил, когда в политических процессах стремятся обнаружить «силу» реализации воли богов. В результате подобного миросозерцания складывается теократическая политическая система, в которой жрецы осуществляют не только идеологические, но и собственно политические функции. Духовная и светская формы власти находятся в некоем единстве. Политическая культура и вся политическая жизнь проникнуты духом завоеваний, экспансии и насилия. Поэтому на политической арене на первый план выдвигаются военные вожди, конкурирующие со жрецами в борьбе за государственную власть. Этой стадии развития культуры соответствует общество военного типа. Типичной формой государства является наследственная монархия. На смену данной фазе приходит метафизико-религиозная, характеризующаяся крушением феодальной и теологической систем и установлением буржуазного миропорядка. Человеку этой системы свойственно стремление объяснить все явления, в том числе и политико-правовые, с помощью метафизических абстракций. Цивилизационная фаза или фаза поздней культуры характеризуется мыслителем крайне негативно, так как на данном этапе происходит лишь «расходование» всего того, что было наработано на предшествующих фазах. Опираясь на весьма богатый исторический материал, О. Шпенглер стремился выявить «параллельно-одновременный» характер происхождения, развития и угасания культур, в обязательном порядке проходящих через эти отмеченные стадии. Тем не менее мыслитель не отказывается от идеи прогресса, понимаемого им не как движение в одном предзаданном направлении, а как разнонаправленное движение. Подобное толкование идеи прогресса, по сути, сводится к отрицанию причинно-следственной связи между различными историческими этапами человечества. Несмотря на это, О. Шпенглер признает наличие в истории цели, определяемой им как движение «во всех направлениях» культурной деятельности всех или одного культурного типа.

Отказавшись от концепции единого «всемирного» исторического процесса, единой линии эволюционного развития человечества, вбирающего в себя последовательные этапы развития, оказывающейся, при всех своих отклонениях, периодах застоя или упадка в целом поступательным движением, определяемым как прогресс, О. Шпенглер обосновывает идею отсутствия определенных этапов исторического развития, наивысшей точкой которого выступает европейская цивилизация, аккумулировавшая все предшествующие достижения культуры. Во всемирной истории немецкий философ увидел картину вечного образования и изменения, чудесного становления и умирания органических форм[7]. Тем самым О. Шпенглер развенчивает идею европоцентризма, сутью которой является рассмотрение развития истории Западной Европы как кульминации всего исторического процесса.

Мыслитель обосновывает точку зрения о том, что европоцентристская позиция сводится к тому, что любая из культур, предшествовавших европейской, расценивается как находящаяся на более нижней ступени и потому является незавершенной. Исходя из подобной характеристики идеи европоценризма, мыслитель заменяет Птолемееву схему «европоцентристской» истории (Древний мир –Средние века–Новое время) схемой Коперника, согласно которой все отмеченные им восемь культур рассматриваются как постоянно меняющиеся проявления единой био-социальной жизни, и ни одна из них не занимает преимущественного положения в отношении другой.

По мнению О. Шпенглера, в традиционной схеме периодизации истории за основу принималось чисто внешнее начало и конец там, где в более глубоком смысле нельзя говорить ни о начале, ни о конце. По этой схеме страны Западной Европы являются неким полюсом, вокруг которого всего лишь вращаются мощные тысячелетия прошлого и «далекие огромные культуры». Сторонники линейно-прогрессистских воззрений рассматривают человечество как нечто единое, а европейское общество – как наиболее важную его часть. При этом они говорят об огромных, неисчерпаемых перспективах развития европейского общества, прогнозируя его благополучное будущее. Автор «Заката Европы» возражает сторонникам этой точки зрения следующим образом: «Во всех других областях живой природы мы допускаем право выводить из каждого отдельного явления тот образ, который лежит в основе его существования... Только в вопросах, касающихся самого человека, мы без всякого дальнейшего исследования принимаем когда-то давно установленную историческую форму его существования и к этой предвзятой теме подгоняем подходящие и не подходящие факты»[8]. Он отказывается от тенденции сведения всего культурно-исторического процесса к одной логике, пронизывающей всю историю и находящей свое завершение в некоей высшей точке. Отсюда он выводит положение о том, что преувеличение роли одних культур соседствует с пренебрежительным отношением к другим. Он отрицает мысль о том, что некоторые культуры никак не участвовали в построении всемирной истории. Европоцентризм преодолевается им путем признания равноценности всех культур. Те же из них, которые кажутся незавершенными, не сумевшими реализовать весь свой потенциал, на самом деле, как полагает он, стремились совсем к иному, чем представляется стороннему наблюдателю этих культур. Это, по сути, означает, что в истории нет никакой преемственности.

Таким образом, развитие человечества О. Шпенглер характеризует как «разноместное» и разнонаправленное движение, благодаря которому проявляются различные стороны его культурного существования: религиозная, научная, промышленная, художественная, политическая и социально-экономическая. Каждая культура реализует свой духовный потенциал в одной из этих сфер, что и обусловливает ее специфику, вектор развития, историческую миссию, а также вклад в духовную сокровищницу всего человечества.

Этим можно объяснить тот факт, что ранжирование истории на Древнюю, Среднюю и Новую мыслитель считает правомерным лишь в рамках отдельно взятых культур, а не в границах так называемой всемирной истории. Тем самым в основе всемирного исторического процесса он ставит культуру как структурный элемент всего мироустройства. Сама же культура для О. Шпенглера – это отличающее эпоху, превращающее ее в целостность определенное единство парадигм мышление эпохи, выраженное в экономической, политической, духовной и религиозной жизни. Анализ единства этих форм – основной способ рассмотрения О. Шпенглером истории.

На основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что одной из

важнейших идей в философии истории и философии культуры О. Шпенглера является идея *полицентризма исторического процесса.*

Данная идея в несколько ином срезе раскрывается и при рассмотрении мыслителем духовной составляющей культуры, а именно – символа. В духе романтизма немецкий мыслитель стремится выявить в мире «всеобъемлющую символику». Он сводит специфику каждой культуры к ее первоначальному символу (прасимволу) и даже выводит ее из этого символа, определяя сущность культуры своеобразным выражением этого символа. Именно прасимвол – одно из центральных понятий шпенглеровской философии – лежит в основе каждого исторического и культурного организма и внутренне скрепляет его единство. О. Шпенглер считал возможным дать универсальное объяснение целой эпохе путем указания на прасимвол, лежащий у истоков культуры и определяющий последующее ее развитие и расцвет. Выявление символического строя для немецкого мыслителя есть прежде всего способ смысловой организации эпохи (тысячелетнего периода). Так, для античного мира таким символом является «тело», а символом западноевропейской культуры – «пространство». Мыслитель выявляет взаимосвязь самых разнопорядковых явлений одной культурной эпохи – экономических, политических, социальных, художественных, технических и, в итоге, выделяет немногие, предельно обобщенные черты, представляющие «физиогномию», то есть историческую неповторимость культуры. «Физиогномика» культуры есть не столько метод «интуитивной концентрации», выделения, обособления главного, сколько исходный пункт построений О. Шпеглера. Значимость использованного им метода морфологического анализа истории или «морфологии» истории заключается в воссоздании облика культуры в ее целостности. В учении О. Шпенглера особенно ярко выражена попытка синтеза системного и структурного подходов при анализе культур. Однако провозглашенные им принципы морфологического анализа – метода, определившего специфику его культурологического подхода, им самим иногда игнорировались. Так, чтобы доказать полную «повторяемость» некоторых ключевых моментов истории, О. Шпенглеру приходилось становиться на путь формализации культурных эпох, заниматься однотипной периодизацией, а структурные, как он их называет, «срезы» целиком переносить из тысячелетия в тысячелетие, применяя одну и ту же хронологическую таблицу к Индии и к Западной Европе, к Греции и к Китаю....

По схеме О. Шпенглера все способы человеческого познания суть «морфологии». Морфология природы — это «обезличенная систематика», то есть математический способ познания законов природы, а морфология истории — есть «физиогномика», направленная на выявление отличительных черт каждой культуры или «портрета культуры». Постижение культурных форм в корне противоположно абстрактному научному познанию и основано на непосредственном «чувстве жизни». Проявления той или иной культуры объединяет не только общая хронологическая и географическая особенность, но, прежде всего, тождество стиля, которое обнаруживается в искусстве, политике, экономической жизни, научном видении мира и предопределяет специфику «души» каждой культуры.

В восприятии О. Шпенглера логика, как, впрочем, и искусство, наука, политика, всегда вторичны по отношению к этой «душе». А сама культура понимается им как символически выраженная система, в которой реализует себя соответствующая душа: «Человеческая культура, как итог ставшего и чувственного выражения души, как тело ее, смертное, преходящее, подвластное закону, числу и причинности; культура, как исторический феномен, как образ в мировой картине истории, как подобие и совокупность символов: таков язык, единствен-

ный, при помощи которого душа может выразить, чем и как она страдает»[9]. Обоснование О. Шпенглером того, что в основе каждой культуры лежит душа, а культура – это символическое тело, жизненное воплощение этой души, используется им и в качестве аналогии с живым организмом. Подобно живым организмам, рождающимся с целью реализации своих душевных сил и, пройдя через витальный цикл, умирающей культуры, пройдя отведенный им срок, уходят в небытие.

В контексте рассматриваемой в настоящей статье проблемы немаловажное значение имеет и то, какой смысл у О. Шпенглера приобретает выражение «душа» применительно к каждой отдельно взятой культуре. Для мыслителя «душа культуры» есть яркое и в то же время точное выражение того, что основание культуры несводимо к разуму, к разумной природе человека. У каждой культуры есть своя собственная «душа», реализующаяся во множестве индивидуальных жизней. Душа каждой культуры уникальна и не может быть до конца выражена рациональными средствами. Поэтому, полагает он, так трудно вникнуть во внутренний мир людей иной культуры (если это вообще возможно), понять природу их символов, чувств, верований: «... каждая из великих культур обладает тайным языком мирочувствования, вполне понятным только тому, чья душа принадлежит к этой культуре»[10]. Указывая на важность исследования характерных особенностей, стиля или души каждой конкретной культуры, немецкий мыслитель придает особое значение понятию прафеномена, определяемого им следующим образом: «Прафеномен, как решительно утверждает Гете, есть чистое созерцание идеи, а не познание понятия»[11]. Следуя гетевской традиции, под прафеноменом О. Шпенглер понимает выделенную из стиля какой-либо культуры идейную основу, которую можно воспринять, но нельзя проанализировать, разложить на части. Выделить прафеномен культурной формации – значит определить ее внутренние возможности, которые далеко не всегда находят свое полное воплощение, «чувственное проявление в картине мировой истории».

Особый акцент О. Шпенглер ставит на рассмотрение трех культур: античной, европейской и арабской. Им, согласно логике мыслителя, соответствуют три «души» – аполлоновская, избравшая в качестве своего идеального типа чувственное тело; фаустовская, символом которой является беспредельное пространство, динамизм; арабская, символом которой является магическая душа, выражающая постоянную дуэль между душой и телом, магические отношения между ними. Содержание каждой из них характеризуется им определенной системой мироощущения. Несколько более подробно немецкий мыслитель обращается к характеристике аполлоновской и фаустовской душ. Для аполлоновской души характерно геометрическое восприятие пространства. Эта душа стремится к завершенности и гармонии. Что касается восприятия времени, то она довольствуется настоящим. Символом этой культуры является статуя или дорийская колонна как нечто завершенное, законченное. Фаустовская же душа характеризуется стремлением к бесконечности. Для нее свойственно состояние постоянного беспокойства. В ней бурно развивается археология, присутствуют бесконечные сумерки, исторические хроники и искусственные парковые развалины.

Сконцентрировав свое внимание не на логике, а на «душе» культуры, О. Шпенглер определил своеобразие европейской души, образом которой является душа гетевского Фауста – мятежная, стремящаяся преодолеть весь мир своей волей. Душа европейской культуры отождествляет себя с безграничным пространством, ее принцип – устремленность вдаль, погружение в бесконечность. Символ бесконечности находит себе подтверждение во всех сферах деятельности европейцев. Человек, игнорируя настоящее и прошлое, обращен в

будущее. Символом такой души в искусстве является фуга. Если аполлоновская культура пребывает в состоянии вечной юности, то фаустовская культура даже в момент своего зарождения уже отягощена зернами будущего старения. Тем не менее, как уже было отмечено ранее, каждая культура проходит все возрастные ступени подобно отдельно взятому человеку: детство, юность, зрелость и старость: «Чем более приближается культура к полудню своего существования, тем более мужественным, резким, властным, насыщенным становится ее окончательно утвердившийся язык форм, тем увереннее становится она в ощущении своей силы, тем яснее становятся ее черты. В раннем периоде все это еще темно, смутно, в искании, полно тоскливым стремлением и одновременно боязнью... Наконец, при наступлении старости, начинающейся цивилизации, огонь души угасает. Угасающие силы еще раз делают попытку, с половинным успехом – в классицизме, родственном всякой умирающей культуре – проявить себя в творчестве большого размаха; душа еще раз с грустью вспоминает в романтике о своем детстве. Наконец, усталая, вялая и остывшая, она теряет радость бытия и стремится – как в римскую эпоху – из тысячелетнего света обратно в потемки перводушевной мистики, назад в материнское лоно, в могилу...»[12].

Как уже было отмечено выше, рассуждая о стадиях развития культуры, О. Шпенглер проводит параллели современной ему Европы с греко-римской античностью и Древним Египтом. Для него не подлежит сомнению тот факт, что мир Запада уже давно является миром цивилизации, что «душа» этого мира находится на стадии завершения. Исходя из этого, он формулирует тезис о неизбежной гибели Запада. Этот тезис формулируется им, в частности, в работе, посвященной анализу работы Э. Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи». В результате этого анализа О. Шпенглер приходит к выводу о том, что существует определенная аналогия между распадающейся Римской империей и «движущейся навстречу гибели Европой». Рассматривая причины упадка и разрушения Римской империи, О. Шпенглер, подобно Э. Гиббону, ставит вопрос о судьбе современной ему западно-европейской цивилизации. Аналогии, проводимые О. Шпенглером, выявляют в современном ему мире те явления, которые предшествовали исчезновению великих культур древности. Свою задачу мыслитель сводит к доказательству «повторяемости» судеб исторических культур и неизбежность гибели Западной Европы через последний «взлет» на стадии жестко организованной, бюрократической, технически организованной цивилизации. Происходящее для него было неким подобием эллинизма как стадии хаотического смещения, распада, перерождения чистых элементов культуры греческого мира. По мнению О. Шпенглера история предопределила для Запада прохождение того пути, который был пройден эллинским миром, миром чувственного, гармонического, уступившего в конце этого пути свое место жесткому практицизму римского духа. В качестве образца будущего Запада О. Шпенглер использует пример Германии, прошедшей через диктатуру, авторитет сильной власти к новому объединению на основе мощной военно-политической организации и технического прогресса.

Содержание работы О. Шпенглера «Закат Европы» «страдает» двойственностью: с одной стороны, в нем царит безнадежный пессимизм, всеобщая предопределенность, гармонирующая с упадочным послевоенным мироощущением капиталистического общества. С другой стороны, в этом труде прослеживаются оттенки уверенности в благополучном исходе событий для Германии при условии обращения ее к своим истокам, основой которых является пангерманизм. В работе «Годы решений. Германия и всемирно-историческое развитие»

немецкий мыслитель выражает надежду на возрождение Германии, рассматриваемой им в качестве духовного центра европейской цивилизации, в которой еще сохранились утраченные в западной культурной традиции консервативные тенденции. Именно сохранение консервативных тенденций, по мнению мыслителя, будет способствовать более крепкому объединению составляющих западную культуру элементов.

О. Шпенглер не объясняет истоки и причины рождения культур, не дает развернутой характеристики зрелого этапа развития культуры. Он акцентирует свое внимание на фазе перехода от культуры к цивилизации, что объясняется злободневностью этой проблемы в современном мыслителю мире. На определенном этапе культура и цивилизация могут сосуществовать: «При всей их антагонистичности ... наступление эпохи цивилизации – момент органический, момент, несмотря на превращенность форм, продолжения жизни. Происходит последовательное неизбежное обеднение жизненных содержаний эпохи культуры, их упрощение, омассовление, демократизация. Это не просто последняя стадия существования культуры, но и новая жизнь, с собственным содержанием, во всякую эпоху охватывающая по меньшей мере два столетия»[13]. Кризис в культуре наступает тогда, когда ее душа осуществляет всю совокупность своих возможностей, проявляющихся в жизни народов, их языке, религиозных учениях, искусстве, государстве и в науках. Вследствие этого культура вновь возвращается в «объятья первобытной души». Однако протекание и развитие культуры не является плавным и спокойным процессом. Это живое бытие есть «глубоко внутренняя, страстная борьба за утверждение идеи против внешних сил хаоса и внутренней бессознательности, где угрожающе затаились эти противоборствующие силы»[14].

Смерть культуры есть исчерпание ее души, когда ее смыслы уже не вдохновляют людей, обращенных теперь не к осуществлению культурных ценностей, а к утилитарным целям и благоустройству жизни. Этот период, и есть, по мысли О. Шпенглера, период цивилизации: «Цивилизация есть неизбежная судьба культуры. Будущий Запад не есть безграничное движение вперед и вверх, по линии наших идеалов. Современность есть фаза цивилизации, а не культуры. В связи с этим отпадает ряд жизненных содержаний как невозможных. Как только цель достигнута и вся полнота внутренних возможностей завершена и осуществлена вовне, культура внезапно коченеет, она отмирает, ее кровь свертывается, силы надламываются – она становится цивилизацией. И оно, огромное засохшее дерево в первобытном лесу, еще многие столетия может топорщить свои гнилые сучья»[15]. Немецкий философ говорит о «гибели Запада» тогда, когда очевидной угрозы Западу еще не наблюдалось. Но О. Шпенглеру необходимо было внушить европейскому общественному сознанию мысль о том, что происходящее – это судьба, и что эта судьба присуща не только его времени, но и всем историческим эпохам.

Очевидно, что под цивилизацией немецкий мыслитель понимает итог, завершение и исход всякой культуры. О. Шпенглер называет цивилизацией «одряхлевшую» культуру, реализовавшую свои цели, подошедшую к концу своего существования.

Культура и цивилизация «разводятся» немецким мыслителем прежде всего по религиозному и политическому признаку. Безрелигиозность современной ему эпохи выступает для О. Шпенглера в качестве симптома наступления фазы упадка культуры и перехода к цивилизации, что сопровождалось формированием мирового города: «Культура – религиозна по своей основе, цивилизация – безрелигиозна. Культура происходит от культа, она связана с культом предков, она

невозможна без священных преданий. Цивилизация есть воля к могуществу, к устроению поверхности земли. Культура – национальна. Цивилизация – интернациональна. Культура – органична. Цивилизация – механична. Культура основана на неравенстве, на качествах. Цивилизация проникнута стремлением к равенству, она хочет обосноваться на количествах. Культура – аристократична. Цивилизация – демократична»[16].

Отмечая демократичность цивилизации, мыслитель, тем не менее, не принимает демократию как форму организации политической жизни, предпочитая ей традиционную форму участия народа в собственной судьбе через поддержку тех, кто стоит у власти. Народное единство является для него сутью любого правления. Демократия же, на его взгляд, убивает культуру и разрушает отечество. Будучи противником как либерализма, так и марксизма, О. Шпенглер обосновывал необходимость обращения к консерватизму, идеологии, на основе которой возможно образование мощной империи, но и нахождение ориентиров для дальнейшего развития с учетом особенностей своей культуры и традиций. Однако немецкий мыслитель указывает на невозможность следования традициям при цивилизации.

По мысли О. Шпенглера цивилизация, охватывающая последние 200-300 лет существования культуры, характеризуется бесцельностью и окостенением, отсутствием «живых» форм организации политической жизни. В качестве примера мыслитель указывает на антагонизм мирового города и провинции. Для первого характерен космополитизм, для второй – чувство родины. Город ставит понятие «общество» выше понятия «государство», в нем формируется новый тип человека, внутренне чуждого культуре. Переход от культуры к цивилизации в сфере политической организации жизни сопровождается появлением трех или четырех мировых городов, которые вобрали в себя все содержание истории и по отношению к которым все остальные образования остались всего лишь на положении отсталой провинции. Ведущим компонентом цивилизации является город, городское общество. В таком виде цивилизация предстает как качество, отделяющее город от окружающей среды и нецивилизованных обществ на основе усиления разделения труда, формирования государственно-политической власти и военно-политических отношений между городами-государствами. В городах наблюдается законченное воплощение цивилизации, определяемой как пагубное окостенение культуры: «Мировой город – это означает космополитизм вместо «отечества», холодный практический ум вместо благоговения к преданию и укладу, научная иррелигиозность в качестве окаменелых остатков прежней религии сердца...»[17]. Житель мирового города не признает традиций, борьба с которыми есть борьба с культурой. Цивилизация означает конец науки, искусства, философии, творчества. Немецкий мыслитель утверждает, что искусства и философия в современную ему эпоху истощены и бесплодны: «... в наши дни изобретатели, дипломаты и финансисты больше философы, чем все те, кто занимается плоским ремеслом экспериментальной психологии»[18].

Различия между культурой и цивилизацией О. Шпенглер объясняет потребностью человека расширить перспективы исторического видения, включения в объект теоретического исследования те сферы материальной жизни, которые не укладывались в традиционные рамки анализа философии культуры. Реализацией данного подхода является, на наш взгляд, сопряжение мыслителем политики и культуры, объясняемое его стремлением придать политике некий смысл, одухотворить ее: «Культура здесь – это не культы и обычаи, а структуры смысла, с помощью которых люди придают форму своему опыту, а политика – не пере-

вороты и конституции, а одно из основных поприщ, на котором ... структуры публично раскрываются»[19].

В данном контексте необходимо обратить внимание на вопрос о том, почему цивилизация, несущая человеку социально и технически организованную жизнь, вызывает у О. Шпенглера ощущение гибели культуры? Ведь сохраняются прекрасные произведения искусства, научные достижения, мир культурных символов. Стоит отметить, что немецкому мыслителю оказалась доступной более глубокая и неочевидная для многих мыслителей его эпохи сторона указанного вопроса. Для О. Шпенглера очевидно, что культура жива до тех пор, пока она сохраняет глубоко «интимную», сокровенную связь с человеческой душой. Ведь «душа» культуры живет не сама по себе, а лишь в душах людей, живущих ценностями данной культуры. Если культура перестанет притягивать и вдохновлять человеческие души, то она обречена. В этом О. Шпенглер и видит опасность, которую несет с собой цивилизация. Он не видит ничего дурного в благоустройстве жизни, но когда стремление к этому поглощает человека целиком, то на культуру у него уже не остается душевных сил. Мыслитель не возражает против удобств и достижений цивилизации, но он против цивилизации, вытесняющей подлинную культуру. Культура и цивилизация для него – это «живое тело души и ее мумия»[20].

Таким образом, О. Шпенглер не отрицает полностью цивилизацию, но его и нельзя назвать «человеком цивилизации», способным откинуть в сторону старый «культурный хлам» ради того, чтобы уютно и комфортно чувствовать себя в мире обыденных вещей. Этим объясняется двойственность его мироощущения, отмеченная еще Н. Бердяевым: «Своеобразие Шпенглера в том, что еще не было человека цивилизации ... с таким сознанием, как Шпенглер, печальным сознанием неотвратимого заката старой культуры, который обладал бы такой чуткостью и таким даром проникновения в культуры прошлого. Цивилизаторское самочувствие и самосознание Шпенглера в корне противоречиво и раздвоено. В нем нет ... цивилизаторского самодовольства, нет этой веры в абсолютное превосходство своей эпохи над предшествующими поколениями и эпохами. Шпенглер является человеком цивилизации, он – человек старой европейской культуры»[21]. Предчувствуя приближающийся кризис, О. Шпенглер утверждает: «Все сводится к тому, чтобы уяснить себе это положение, эту судьбу, и понять, что, как бы мы ни обманывали себя относительно действительного состояния вещей, мы не можем перешагнуть через него»[22].

На основе вышеизложенного можно утверждать, что в философско-политической доктрине О. Шпенглера выявляются следующие основные установки: критика европоцентризма, господствовавшего в европейской историологии вплоть до XIX века, следствием которой явилась новая формула всемирно-исторического процесса, а также постановка проблемы типологии цивилизаций. Однако считаем необходимым отметить, что стержнем его философско-политической теории является идея противопоставления культуры как творческого начала и цивилизации как процесса окостенения культуры, умирающей, в конце концов, в технике.

В контексте отмеченного необходимо отметить и то, что вопреки довольно устоявшейся в России и на Западе традиции противопоставления философии культуры (философии истории) и политических взглядов О. Шпенглера, мы полагаем, что они являются двумя гранями единого философско-политического мировоззрения немецкого мыслителя. Наблюдаемая в рамках российских и западных исследователей тенденция противопоставления О. Шпенглера-философа

и О. Шпенглера-политика объяснима главным образом стремлением этих исследователей «спасти» немецкого мыслителя от обвинений в формулировке идей, в свое время обслуживающих национал-социализм. Подобные попытки не могут быть оправданы, поскольку, как уже было отмечено в начале статьи, многочисленные идеи О. Шпенглера о фюрерстве, элите, прусском социализме, власти силы, праве Германии на овладение чужими землями были сформулированы еще в «Закате Европы» (I том). В этой своей работе мыслитель уже обозначил основания политического тоталитаризма, определил *политику* и *политическое* как сущностные проявления фаустовской культуры, хотя и не сводил к политике все явления культуры и не сформулировал идею тотальной войны. Это мыслитель осуществил в своих более поздних и собственно политических работах.

Необходимо подчеркнуть, что *тотальность политики* О. Шпенглер рассматривает как разновидность *воли к власти* – главного принципа *фаустовской культуры*[23]. В этом плане все политические феномены эквивалентны «воле к власти». Так, характеризуя социализм, мыслитель отмечает, что социализм преследует империалистическую цель. Он различает *социализм истинный*, прусский, прообразом которого является эпоха Фридриха Вингельма I, и *социализм неистинный, марксистский*, исчерпавший свои возможности уже к концу XIX в. Декларируя смерть марксистского учения о социализме, О. Шпенглер вместе с тем утверждает, что вначале надо перестроить человека, а не общество, что социализм XX в. не должен решать социальные вопросы, поскольку основой его является этика эгоиста. Социализм, таким образом, считается им определенной системой воли к власти.

Во втором томе «Заката Европы» в мировоззрении О. Шпенглера наблюдается тот срез видения истории, от которого он, в принципе, никогда не отказывался. Здесь мыслитель рассматривает процесс выделения человеческой культуры из бесконечного потока жизни, проходящего несколько этапов: от растительного мира, характеризуемого временем, ритмом, душой и судьбой, к животному, наделенному способностью перемещения в пространстве. Человек представляется последним звеном в развитии, специфическим свойством которого является раздвоенность, стремление вернуться в растительный мир. Культура и есть растительная душа объединившегося в народ коллектива. Формирование культуры, как и формирование народа, представляет собой первый этап исторического процесса (предысторию).

Собственно исторический процесс для мыслителя является процессом денатурализации человека. О. Шпенглер представляет этот процесс как движение космической жизни от предыстории к истории, а завершение ее – в постистории. Зарождение истории мыслитель связывает с социализацией человека, сопровождающейся расслоением общества (выделение дворян и священников). Причину этого мыслитель наблюдает в космической первоначальности жизни, в принадлежности дворян и священников к высшей человеческой расе. Естественное возвышение дворян и священников над крестьянами и основанное на единстве крови государство есть, по мысли О. Шпенглера, высшая точка развития культуры.

Нарастание историчности мыслитель связывает с усилением отчужденности, приводящей к выделению четвертого сословия. Начинается политизация истории, когда органическое сменяется организованным, кровные объединения (состояния) – корыстными объединениями (партиями). Параллельно этому осуществляется процесс разворачивания истории как известной космической вражды. Война пронизывает все. Она тотальна. Очевидно, что понятие «война» в рас-

суждениях мыслителя эквивалентно проявлению истории, то есть устремлению космического потока вовне. Именно война делает историю историей. Война есть «первополитика» всего живого. Война и жизнь в своей глубинной сущности одно и то же. В процессе разворачивания истории формируются основанные на расовом единстве культуры. В истории появляется человек как персонифицированный носитель крови.

Кажется закономерным, что в восприятии О. Шпенглера *раса* – это первооснова истории, олицетворяющая извечную борьбу между кровью и почвой. Раса представляется им как носитель движения, связывающего воедино все человечество.

Таким образом, разработанная в I томе «Заката Европы» концепция организма как автономной, саморазвивающейся системы с заданной программой развития во II томе названного труда уступает место истории как науке о будущем. Этим объясняется введение О. Шпенглером понятия «раса». По существу раса представляется им как возможность воздействия на историю, идея, впервые появившаяся в «Прусской идее и социализме», работе немецкого мыслителя, написанной еще до II тома «Заката Европы». Раса – это условие осуществления «истинной истории». Первоначально О. Шпенглер представлял расу как лишенную национальной окраски космическую силу. А после критики им либеральной демократии, провозглашения прусского социализма образцом идеального политического режима, раса приобретает у него конкретные прусские или нордические черты.

На основе вышеизложенного правомерным кажется вывод о том, что философия истории О. Шпенглера подводится под понятие культуры, которая, в свою очередь, определяется как способ осуществления политики.

1. См.: *Фелькен Д.* Освальд Шпенглер. Консервативный мыслитель между кайзеровской империей и диктатурой. http://oswald-spengler.narod.ru/biography.htm
2. *Шпенглер О.* Закат Европы. М., 2000. С. 198.
3. См.: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 2003. С. 92.
4. См.: там же. С. 95–96.
5. *Шпенглер О.* Закат Европы. С. 37.
6. Данное положение *О. Шпенглер* особенно детально рассматривает в своей работе «Человек и техника» (М., 1995.).
7. См.: *Шпенглер О.* Закат Европы. С. 22.
8. Там же. С. 30.
9. Там же. С. 270.
10. Там же. С. 266.
11. Там же. С. 165.
12. Там же. С. 169.
13. Там же. С. 158.
14. Там же. С. 167.
15. Там же. С. 168.
16. Там же. С. 258.

Необходимо отметить, что под мировым городом О. Шпенглер понимает мегаполис, который сосредоточил в себе жизнь целого континента. Политические, экономические и административно-управленческие решения исходят от него.

17. *Шпенглер О.* Закат Европы. С. 50.
18. Там же. С. 67.
19. *Гирц К.* Интерпретация культур. М., 2004. С. 363.
20. *Шпенглер О.* Закат Европы. С. 518.

21. *Степун Ф., Франк С., Бердяев Н., Букшпен Я.* Освальд Шпенглер и Закат Европы http://knigosite.ru/read/25099-osvald-shpengler-i-zakat-evropy-stepun-f-frank-s-berdyaev-n-bukshpan-ya.html
22. *Шпенглер О.* Закат Европы. С. 67.
23. По убеждению О. Шпенглера в *науке* воля к власти проявляется как закон, способ овладения миром; в *социальной теории* — воля к власти олицетворяется в революции, понимаемой как способ овладения обществом; *в технике* — воля к власти выступает как машины, овладевающие временем и пространством; *в этике* — это стремление к переоценке ценностей; *в литературе* — главный герой почти всегда захватчик.

АРМЯНСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ АНТИСОВЕТСКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «КАВКАЗ» (1920–30-е гг.)

Абрамян Э.А.

Советизация Кавказа сыграла важнейшую роль в развитии национально-государственного самосознания у ряда народов, заселяющих многонациональный регион. Планомерное продвижение большевистских сил вглубь кровоточащего региона, дальнейшая его духовно-идеологическая абсорбция и слияние с советской Россией сыграла неоднозначную роль в развитии народов Кавказа, имеющих различные национальные интересы, этнополитические задачи и традиционные межнациональные этно-территориальные противоречия.

Кровопролитная большевизация региона не только стала причиной утраты более или менее независимых государственно-территориальных образований, но и стала причиной массового оттока национальной и религиозно-политической элиты основной части народов Кавказа, принимавших активное участие в построении своих новообразованных государств. Именно представители этнополитических элит, иммигрируя в различные уголки планеты стали основой для создания кавказской антибольшевистской эмиграции в Европе. Необходимо отметить, что, как в период независимости кавказских народов (1918–1921 гг.), так и после советизации Кавказа этнополитические противоречия между кавказскими народами претерпели трансформацию в сфере внешнеполитической деятельности бывших лидеров эмиграции. Иными словами, традиционная этнотерриториальная и идеологическая борьба между народами Кавказа продолжалась в течение всего периода существования кавказской политической эмиграции (1921–1945 гг.).

Именно эти традиционные противоречия стали причиной постоянных расколов кавказских политических объединений и появления различных альтернативных организаций, имеющих свои представления о будущем Кавказа.

В первые годы эмиграции представители бывших кавказских республик начали с создания координирующего политического органа «Совета четырех», которая включала в себя особые дипломатические миссии четырех независимых кавказских республик (1918–1921 гг.) – Грузии, Армении, Азербайджана и Горской конфедерации. Из-за турецкой ориентации трех кавказских республик армянская сторона в конце 1924 года официально вышла из «Совета четырех», который после этого назывался «Советом трех».

Одним из антисоветски настроенных государств Европы, решившим использовать кавказскую эмиграцию в своих политических целях, была давнейшая соперница России – Польша. Официальная Варшава с 1924 года активно работала с различными представителями горской (северокавказской), азербайджанской, грузинской и армянской политической эмиграции, в результате чего в Варшаве в 1929 года была создана организация «Прометей» или так называемый «Клуб Прометей», куда к моменту создания входили представители украинской,

грузинской, азербайджанской, северокавказской, казачьей, идель-уральской, карело-финской и татарской эмиграций. «Прометей» по сути был первым, настроенным против Москвы общекавказским политическим объединением, в которое с конца 1920-х годов начали входить представители ряда других, так называемых ущемленных народов России. На начальном этапе формирования организации Варшава рассматривала четыре основных эмигрантских группы Кавказа в качестве соответствующих правительств своих республик, находившихся в эмиграции.

Отметим, что первыми, кто отказались от сотрудничества с организацией «Прометей», ссылаясь на откровенно протурецкую ориентацию официальной Варшавы в вопросе решения кавказских проблем, была армянская политическая эмиграция, за которой последовали ряд грузинских и северокавказских лидеров. Причиной столь активного привлечения Турции в кавказские дела со стороны ряда европейских государств являлось то, что после того, как на Лозанской конференции западные державы признали территориальную целостность Турции (в ее нынешних границах) этому примеру были вынуждены последовать и ряд северокавказских, азербайджанских и грузинских политических эмигрантов. Они следовали лозунгу – главный враг Кавказа – на севере. Армянская же сторона, потерявшая в результате пересмотра Севрского договора значительные территории, не была согласна с этой формулировкой и требовала объявить врагами Кавказа как Север (Советскую Россию), так и Юг (Турцию). Так как это, по мнению официальной Варшавы, было нереально, и, к тому же, работать против Советской России на Кавказе в то время можно было лишь с территории Турции, часть кавказцев все же приняла позицию Польши. В результате, армянская сторона начала постепенно отстраняться от основных дел «Прометея». Вскоре, из-за атмосферы недоверия, территориальных споров и излишней роли Турции в кавказских делах кавказская часть «Прометея» стала разваливаться, в результате чего один за другим в 1930-х годах начали создаваться различные кавказские политические движения и организации, или критикующие политическую направленность организации «Прометей», или же развивающие альтернативные идеологические принципы.

Одной из эмигрантских организаций, которые фактически создали альтернативные «Прометею» организации, имея цель объединить и скоординировать деятельность кавказских эмигрантских организаций, была небольшая группа северокавказских (горских) эмигрантов, которые с конца 1920-х создали Народную партию горцев Кавказа.

Эта организация с 1930 года в Варшаве издавала журнал на русском языке под названием «Горцы Кавказа». Из-за переориентации «Народной Партии горцев Кавказа» на Варшаву-Анкару (1931 г.) в начале 1930-х годов из состава «Прометея» вышла организация северокавказского лидера Г. Баммата, который в 1934 году создал объединение «Кавказ». Члены этой организации считали, что после освобождения Кавказа территориальных претензий и вопросов быть не должно. Они являлись горячими сторонниками признания Московского и Карского договоров и считали границы кавказских государств неизменными, то есть в вопросе границ придерживались принципа «status quo». По мнению Г. Баммата, организация «Кавказ» должна была играть функцию объединителя тех кавказских политических кругов, которые не раз направляли деятельность других кавказских организаций. На начальном этапе в группу вошли грузинские и азербайджанские эмигранты, такие, как генерал грузинской армии Георгий Квинтадзе, Зураб Авалишвили, Кантемир, Барасби Байтуган, офицер деникинской армии

Тамбий Елекхоти. Примечателен тот факт, что некоторые члены группы, вплоть до 1935–36 годов, числились в организации «Прометей» (Г. Баммат, грузин Владимир Ахметели, азербайджанец Джиад Азери). Одновременно из-за идеологических особенностей руководящий орган группы «Кавказ» был против навязывания партийных принципов и задач ряда кавказских эмигрантов, пытающихся примкнуть к группе. Дело в том, что Г. Баммат и его соратники конечным политическим достижением на Кавказе после ее освобождения считали восстановление, вернее, воссоздание Кавказской конфедерации, забыв о горьких последствиях 1917 года. Именно это стало причиной идеологического противопоставления себя не только большевикам, но и меньшевикам, дашнакистам и мусаватистам. Считалось, что именно эти национальные партии не только развалили основы Кавказской конфедерации, но и из-за постоянных конфронтаций друг с другом усилили этнополитический антагонизм между народами Кавказа[1].

Из-за своей идеологической своеобразности и общественной активности Организация «Кавказ» сразу же заинтересовала ряд европейских стран, в особенности Германию и Францию. В 1934 году бывший министр иностранных дел республики горцев Северного Кавказа, видимо, в надежде на финансовую поддержку ряда заинтересованных стран и политических деятелей, в Париже начинает издавать свой печатный орган на русском языке под заголовком «Кавказ – орган независимой национальной мысли». Через несколько месяцев он стал издаваться на французском, грузинском и тюркском языках.

Касаясь территориальных претензий народов Кавказа, Г. Баммат писал: «...сколько бы мы не желали иметь собственную национальную политику, нельзя забывать, что наш «кавказский дом» состоит из четырех «комнат», которые связаны между собой, если мы не хотим, что бы наш «дом рухнул», похоронив всех нас собой, то все комнаты должны быть равномерно «освещены» и «просторны», чтобы все кавказские граждане чувствовали себя везде уютно и свободно». Относительно территориальных претензий армян к Турции Г. Баммат здесь же пишет: «...Отказываясь от каких бы то ни было территориальных притязаний к Турции и к Ирану, и ограничивая Армению в кавказских границах, мы конечно понимаем, что такая постановка вопроса не может не вызывать болезненной реакции сотен тысяч армянских эмигрантов, особенно тех, кто считает своей родиной не кавказскую Армению, а восточные вилайеты Турции.

Однако мы не хотели питать многострадальный армянский народ несбыточными иллюзиями, что привычная для армянской политической мысли концепция Объединенной Армении может найти симпатии и поддержку кавказских соседей Армении.

Рискуя вызвать обиду, горечь и разочарование наших армянских друзей, мы сказали на страницах наших изданий всю горькую правду»[2].

Конечно, Г. Баммат отлично знал об Армянском вопросе и имел ряд причин высказывать эти мысли. Во-первых, Г. Баммат ни под каким предлогом не хотел ссориться с Турцией, понимая желания своих кавказских «братьев»-азербайджанцев; он также знал о традиционных претензиях Турции ко всему Кавказу и опасался всяких столкновений с ней, даже во внешней политике. Скорее всего, Г. Баммат надеялся на помощь Анкары и Тегерана в информационно-разведывательном плане. Своими высказываниями относительно «претензии к Ирану» он в то же время мягко дал понять и некоторым азербайджанским лидерам. Кроме того, Г. Баммат понимал, что любое территориальное приобретение со стороны одной из четырех сторон (т.е. кавказских государственных образований) сразу же приведет к цепной реакции у других и, в конечном итоге, все кавказские народы

втянутся в войну друг против друга. Идеология организации «Кавказ» основывалась на так называемом «кавказском национализме», то есть была против любого попечительства со стороны одной из держав и считала что, сплотившись, кавказцы вполне могут защитить собственный дом. Для достижения этих целей, как уже было отмечено, Г. Баммат питал надежды на благосклонность Анкары к идеям свободного Кавказа.

Турция же в свою очередь, в 1938–1939 годах делает ряд резких шагов в направлении ликвидации кавказских эмигрантских центров, не подчиняющихся спецслужбам страны и ведущих открытую антисоветскую деятельность.

Одним из таких акций, ставших причиной разочарования Г. Баммата в отношении Анкары, стал декрет турецкого руководства. 6-го сентября 1938 года турецкое правительство распространило декрет, согласно которому некоторые кавказские эмигранты пытались «сделать нашу страну основой пропагандистской компании и революционной организации, направленной против дружеской державы (СССР – Э.А.)». После этого было приказано арестовать и выслать членов разведывательно-экспедиционной группы, подчиняющейся организации «Кавказ». Группа планировала перейти советско-турецкую границу и действовать в Грузии. Узнав об этом, Г. Баммат и его соратники направили шквал критики в адрес турецкого руководства, называя ее «агентурным», «антинародным» и «предательским». В одной из своих статей Г. Баммат заявил следующее: «...некоторые представители турецкого руководства, представляющие несуществующую «Коммунистическую партию Турции», в свое время ехали в Москву попросить для них материальную и моральную поддержку для Турции, большая часть которой была опустошена той же Москвой во время войны. Другие же представители турецкого правительства сегодня являются теми, которых раньше называли «бандитами» и «авантюристами» и которых [турецкий] народ обвинял в том, что они работают «в интересах и в пользу другой страны» – страны, которая была их самым опасным врагом два столетия (имеется в виду Россия)»[3]. Таким образом, кавказцы были крайне оскорблены подобной деятельностью Турции. В дальнейшем «турецкая политика» организации «Кавказ» начала претерпевать серьезную трансформацию, особенно на фоне нарастания давлений с армянской стороны.

В конце октября 1938 года Армянская Революционная Партия Дашнакцутюн начинает переговоры с организацией «Кавказ», пытаясь тем самым склонить Г. Баммата к изменению своих позиций относительно армянских территориальных вопросов. Известно, что переговорщиком от АРФ Дашнакцутюн был Ашот Арцруни, известный в то время парижский бизнесмен. Арцруни удается максимально дискредитировать Турцию в глазах Г. Баммата, однако в вопросе территориальных претензий подвижек было крайне мало. Дело в том, что Арцруни требовал от Баммата заявить об отказе признания Московского и Карсского договора, а также подписанных в 1921–1923 годах между советскими республиками Кавказа договоров о взаимном признании границ. Баммат в итоге исключил на данном этапе любое сотрудничество с Анкарой, однако в вопросе территориальных вопросов его позиция осталась неизменной. В частности, он заявил, что армяне все-таки должны отказаться от Турецкой Армении хотя бы на начальном этапе. Заявив, что и горцы будут вынуждены «из соображений политического реализма» согласиться на исправление и сокращение своих северных границ, «пойти на большие территориальные жертвы»[4]. Таким образом, несмотря на временные контакты АРФ Дашнакцутюн и организации «Кавказ», отношения между ними остались в общем контексте недружелюбными[5].

Несмотря на противоречия с основными общественно-политическими силами армян, организация «Кавказ» практически постоянно пыталась наладить

контакты с некоторыми армянскими группами, дабы обобщить состав кавказской организации. Баммат также пытался показать некоторым потенциальным союзникам, что, в отличие от попыток «Прометея», «Совета Четырех» и других организаций, которые не отличались своей сплоченностью, «Кавказ» имеет в своих рядах представителей исключительно всех народов региона, которые на основе северокавказской идеологии и взаимоуважения, считают сугубо кавказские межнациональные вопросы второстепенными и мирно сосуществуют и действуют совместными силами во благо всеобщих интересов.

В состав организации «Кавказ» до 1935 года входили лишь некоторые северокавказцы и представители грузинской эмиграции. Впоследствии в нее вступили азербайджанские и армянские эмигрантские группы. К примеру, сам Г. Баммат, В. Ахметели, Дж. Азери считались костяком объединения. Другие, в частности, северокавказские эмигранты А. Кантемир и К. Хасмамедов, грузинский князь Ш. Амиреджиби, примкнули к организации из-за идеологических принципов. Руководство «Кавказа» понимало, что, как говорил Баммат, «трех стен» для нормального развития организации и ее идей недостаточно, и после вступления в «Кавказ» грузинской группы, ее члены всячески пытались наладить контакты с армянской стороной. Больше всех подходили некоторые лидеры партии Рамкавар, члены которой также эмигрировали из Армении в период советизации. Эта партия имела социал-демократическую направленность, однако в 1935 году наиболее националистически настроенная группа во главе с Суреном Бегзадяном откололась от нее. В декабре 1938 г. С. Бекзадян, бывший рамкавар Гайк Аристакесян, бывший дашнак Киракос Ростомян и редактор парижской газеты Виген Шант создали организацию «армянских патриотов Кавказа «Азг» («Нация»)[6]. В январе 1939 года группа «Азг» официально вошла в состав объединения «Кавказ».

Новая армянская организация сразу же заявила о себе, сделав ряд резких заявлений в армянских и кавказских СМИ Европы. Активисты «Азг»-а пытались склонить на свою сторону в первую очередь армянскую эмигрантскую молодежь, всячески обвиняя традиционные общественно-политические организации и центры в бездействии или в неспособности реально оценивать политическую ситуацию. В одном из таких заявлений активисты «Азг»-а четко представляют свою позицию: «Убеждение, что кавказские народы должны сформировать объединенный фронт в борьбе за их независимость, постоянно продвигаются среди кавказских эмигрантов. Необходимость в таком объединенном действии была подчеркнута в этих колонках с первого выхода нашей газеты, и мы никогда не переставали объяснять, что продолжение борьбы в одиночку за национальную независимость является утопической и бессмысленной затеей. Соответственно, все кавказцы должны согласованно принять общую кавказскую платформу если они намерены преследовать честную национальную политику»[7]. Одновременно, в вопросе Армении сторонники «Азг» придерживались взгляда, согласно которому вопрос границ для Армении на данном этапе истории являлось второстепенным, важно то, что борьба за освобождение Кавказа уже началась. Руководители организации были уверены, что поднятие вопросов турецкой Армении запутает единый кавказский фронт, а вопросы Карабаха, Нахичевана и Джавахка лишь в очередной раз испортят отношения армян с соседями, в результате чего армянская сторона будет полностью отстранена, а процессы будут развиваться вразрез армянским интересам. «В этом причина, почему мы, настоящие представители Армении должны решиться выбрать правильную политику и стать инициаторами в организации объединенного фронта между Арменией и другими национальностями, борющимися за свободу кавказского дома»[8].

Несмотря на подобные высказывания, «Азг» являлась по своей сути националистической организацией, и лишь в начальном этапе борьбы исключала территориальные вопросы, несмотря на то, что при вступлении в объединение «Кавказ» она дала официальное согласие по признанию межгосударственных границ по Карсскому и Московскому договорам, а также договоров между советскими республиками Кавказа. Однако «Азг» в дальнейшем, то есть после восстановления армянской государственности не исключала территориальных претензий к Турции, а вопрос кавказских территориальных претензий и вовсе отпадал, поскольку окончательное политическое преобразование кавказского региона объединение «Кавказ» видела в его полной федерализации.

Через полтора месяца после официального вступления армян в ряды организации «Кавказ» (в феврале) газета «Азг» была переименована, и началось издание ежемесячного журнала «Кавказ» уже и на армянском языке под редакцией Вигена Шанта[9]. В связи с публикацией первого номера журнала, один из лидеров организации «Кавказ» осетин Тамбий Елекхоти воодушевленно заявил, что армянская сторона всегда была важнейшей частью кавказского сообщества. Относительно Армянского вопроса организация «Кавказ» всегда имела «честный подход»: не пытаться всеми способами перетянуть армян на свою сторону обещаниями, которых организация не сможет выполнить. Крайне положительные заявления сделал и руководитель «офиса кавказских эмигрантов» в Берлине Владимир Ахметели. Вместе с тем он в очередной раз заявил о важности союза с Турцией и Ираном, исходя из географической и политической близости, заключив, что эта позиция выгодна также и армянской стороне[10].

Являясь малочисленной и идеологически неконструктивной, не имея поддержки у армянской эмиграции в Европе, руководство «Азг» согласилось вступить в состав организации «Кавказ». Вступление армян в организацию порадовало многих членов организации, иными словами, «четвертая стена» была построена, а это означало, что ряд заинтересованных в развале СССР государств, в частности Германия или Япония, стали бы относиться к организации серьезнее. Несмотря на это, основная часть кавказской эмиграции относилась к организации крайне негативно. Одной из многих причин являлось то, что значительную часть организации составляли политически неподготовленные люди, которые, не раз меняя свои идеологические позиции, все же выбрали так называемый «кавказский националистический» путь.

Организации и национальных деятелей, не принявших идеи объединения «Кавказ» можно разделить на две части:

Первые – прометеевцы, возглавляющие различные национальные эмигрантские центры, в основном представители меньшевиков Грузии и мусаватистов Азербайджана, то есть бывшие руководители национальных республик 1918–1921 годов. Среди них можно выделить бывшего премьера Грузии Нойя Жордания и его помощника – лидера грузинских эмигрантов во Франции Чхенкели. При создании организации «Кавказ» шквал критики и обвинений в «дисконструктивности» в первую очередь был предпринят со стороны Жордания. Поводом для критики «Кавказа» являлась ее либеральная направленность по вопросам территориальных претензий. Иными словами, подверглась критике политика «status quo», идею которой развивала организация.

Жордания попытался уговорить другие грузинские центры подчиниться ему, начал вести работу с центрами азербайджанцев и северокавказцев для создания оппозиции организации «Кавказ». Кроме того, он попытался внести

раскол в ряды армянской эмиграции Восточной и Западной Армении. Политику и деятельность объединения «Кавказ» подвергал резкой критике и бывший председатель Меджлиса Азербайджанской Демократической Республики, один из лидеров мусаватистов Мамед Эмин Расул-Заде, создавший в 1930 году движение за освобождение «Куртулуш» («Свобода»)[11]. Расул-Заде, как и Жордания, являлся активным участником клуба «Прометей», и пытался склонить на свою сторону видных северокавказских деятелей.

Вторые – члены политических партий, такие как АРФ Дашнакцутюн и грузинские социал-демократы, которые во время усиления объединения «Кавказ», создали в мае 1936 года совместную организацию – «Армяно-грузинский» Унион (союз). Они являлись оппозицией как объединению «Кавказ», так и клубу «Прометей». Руководителями Армяно-грузинского союза являлись Аршак Джамалян и грузинский князь, социал-демократ Давид Вачнадзе. Вачнадзе представлял ту политическую часть грузинской эмиграции, которая была горячей сторонницей союза с Арменией и делила опасения армянской стороны касательно Турции. Одновременно, Вачнадзе являлся убежденным защитником независимости Грузии и горячим сторонником Конфедерации Кавказских свободных народов. Он как и АРФ Дашнакцутюн негативно относились к политике организации «Кавказ», особенно в вопросе роли Турции в геополитических планах Кавказа. Он, в частности, считал, что дело независимости Кавказа, кроме советской России, которая собственно и считалась оккупантом региона, в первую очередь находилась под прямой угрозой Турции. Вачнадзе, в частности, говорил: «Турция вместо того, чтобы поощрять и оказывать свою дружественную помощь кавказским народам в их стремлении к свободе и независимости, предпочитает преследовать свою прежнюю политическую линию, а именно: завладеть Кавказом. Одновременно, еще более сильны туркофильские настроения среди азербайджанских татар, которые по своему племенному происхождению и культуре связаны с Турцией»[12]. На эти высказывания Г. Баммат дал жесткий ответ, что можно считать началом конфронтации между Унионом и организацией «Кавказ». Баммат, в частности, заявил, что национальное самоопределение кавказских народов целиком находится в зависимости от возрожденной сильной Турции, что реальные условия политической деятельности сегодняшнего Кавказа диктуют быть туркофилами и опираться на тесную дружбу Турции[13].

Лидеры армяно-грузинского Униона считали, что в случае войны и отхода советских сил из Кавказа регион сразу же займут турецкие войска. Опасения со стороны Униона укрепились после подписания между Турцией, Ираном, Афганистаном и Ираком Саадабадского пакта 8 июня 1937 года.

В частности, между Анкарой и Тегераном было достигнуто тайное соглашение, по которому во время войны в случае выхода русских войск из Кавказа, последний будет оккупирован, а затем разделен между Турцией и Ираном. Таким образом, реальным соперником Турции оставалась лишь фашистская Италия, имеющая имперские амбиции. Уже с июня 1936 года взаимоотношения между Италией и Турцией начали постепенно ухудшаться. Это в первую очередь было вызвано тем, что Турции во время конференции в Монтре удалось установить свой суверенитет в отношении проливов Босфора и Дарданеллы. Рим на это соглашение отреагировал крайне негативно.

Противоречия между Италией и Турцией постепенно усиливались, чем и попытались воспользоваться сторонники армяно-грузинского Униона, тем более, что Италия исторически рассматривалась армянской стороной в качестве есте-

ственного противовеса Турции в Средиземноморье. Таким образом, армяно-грузинский Унион имел четкую итальянскую направленность.

Г. Баммат, являясь горячим сторонником создания Кавказской конфедерации, после дебольшевизации региона, на протяжении 15 лет активной деятельности также пытался наладить взаимоотношения и контакты с некоторыми антисоветски настроенными странами, в частности, с Японией и Германией. Он всячески пытался уговорить японцев и немцев, что лишь конфедерализация региона под патронажем ближайшей соперницы России – Турции, обеспечит долгожданный мир и спокойствие. Активность Турции в вопросах Кавказа Баммат представлял под своеобразным политическим углом, заметив, что лишь турецкий союз с Кавказской конфедерацией спасет кавказцев от будущих посягательств и захватнических планов России.

Японцы сразу же проявили заинтересованность в деятельности организации «Кавказ» и с 1934 года начали активную работу с ее руководством. Интерес японской стороны в первую очередь был связан с фактором противостояния на Дальнем Востоке с Советским Союзом, который усиливал свое влияние в противовес Японии. Кроме того, Япония после овладения китайской провинции Синцзян в дальнейшем планировала вторжение в Среднюю Азию.

Посольство Японии в Париже с 1934 года одновременно с начатым переговорным процессом с организацией «Кавказ» начало частичное финансирование ее публицистической деятельности, о котором подробнее говорилось выше[14]. Несмотря на крайнюю заинтересованность в разведывательно-подрывной деятельности организации в кавказском регионе, японская сторона по всей вероятности не придавала значения территориально-политическим вопросам будущего Кавказа. Бамматовцы же неоднократно поднимали вопрос будущего статуса и надеялись на всевозможную поддержку.

В качестве примера того, что конфедерализация народов Кавказа не имеет альтернативы, Баммат и его соратники, в частности Алихан Кантемир[15], во время встреч с японскими представителями в Париже (1937 г.), заявил о готовности народов Кавказа к совместному восстанию, и что локальные восстания в регионе в 1930–33 годах лишь способствуют более крупному выступлению. Баммат относительно реальных основ для сотрудничества народов Кавказа приводил пример 1920 года, когда в момент большевизации Кавказа северокавказцы и азербайджанцы создали Азербайджано-Северо-Кавказский объединенный комитет. Тогда руководство Грузии сразу же признало легитимность деятельности комитета и объявило всеобщую мобилизацию граждан, подчиняющихся комитету, находившихся в этот момент на территории, подконтрольной грузинским меньшевикам. «Это доказывает, – писал Баммат, – что концепция конфедерации, по-настоящему не принятая кавказскими политиками, слишком занятыми идеей национального государства, становится возможной под давлением печальных событий»[16]. Однако все чаяния и утверждения о грядущей независимости Кавказа мало интересовали японскую сторону. Японцев, в частности, интересовали возможности осуществления диверсий на бакинских нефтепромыслах. Несмотря на сиюминутные цели Японии, связанные в первую очередь с дестабилизацией на Кавказе, представители МИД во время встречи с делегатами объединения «Кавказ» прямо заявили, что первое же, хорошо подготовленное восстание на Кавказе даст возможность создать кавказское правительство, которое незамедлительно будет признано Японией. За это время бывший министр иностранных дел республики горцев Северного Кавказа два или три раза побывал в Турции для налаживания связей с эмигрантами, проживающими там, систематической работы по Кавказу на турецкой территории.

Одновременно японцы во время контактов с активистами «Кавказ»-а неоднократно давали понять, что при срыве конфиденциальности Токио приостановит процесс сотрудничества. Более того, японцы просили Баммата понять, что если его сотрудничество с японцами станет известно советской стороне, то турецкие власти будут вынуждены пойти на демонстративные запретительные меры[17]. Это означало, что в вопросе работы с «Кавказом» Токио и Анкара совместно планировали свои действия, однако решение турецкого руководства 6 сентября 1938 года в отношении экспедиционной группы косвенно дало понять как Баммату, так и Токио, что Советский Союз раскрыл тайные переговоры и Турция не сможет оказать содействия в отторжении Кавказа от СССР. После этого контакты японцев с организацией «Кавказ» постепенно сошли на нет.

Одновременно с началом спада активности японцев Баммат резко активизировал свои контакты с немецкой стороной. Германия еще с середины 1930-х годов внимательно наблюдала за политическим развитием различных организаций кавказской эмиграции. Немецкая служба внешней разведки – Абвер и МИД страны также наблюдали за работой с кавказцами со стороны Рима, Варшавы, Токио и, в первую очередь, Анкары. После Мюнхенских соглашений 1938 года Германия постепенно активизирует работу с эмигрантскими организациями и центрами Кавказа, Средней Азии и России. Начинается активная работа и с организацией «Кавказ». Известно, что первый визит Баммата в Германию для переговоров с немецкой стороной состоялся в марте 1939 года. В дальнейшем объединение «Кавказ» в переговорах с немцами представляют Ахметели и Амиракджиби, проживающие в то время в Берлине и руководящие германским отделом организации. Немцы сразу же дали понять, что, кроме дальнейшего содействия расчленению СССР, Германия на Кавказе преследует в первую очередь экономические выгоды. Кроме того, немецкая сторона дабы подчеркнуть важность переговорного процесса с объединением пригласила делегацию Баммата на Нюрнбергский съезд национал-социалистов. Подобное приглашение, безусловно, воодушевила активистов организации, и журнал «Кавказ» начал публиковать откровенно прогерманские материалы, своих авторов, которые пророчили скорое освобождение Кавказа. Однако столь резко начатое сотрудничество между Германией и объединением «Кавказ» столь же резко и завершилась в августе 1939 года, когда после подписания советско-германского пакта о ненападении деятельность организации «Кавказ» была запрещена. Это, по сути, был первый широкий опыт германской стороны использования в своих геополитических целях кавказские эмигрантские организации. «Кавказ», как показала история взаимоотношений, имела ряд недостатков, одним из которых являлось то, что возможности организации и активистов во многом часто завышались именно представителями организации. Это, как правило, сказывалось на достигнутых договоренностях, как с японцами, так и с немцами. Кроме того, излишняя амбициозность некоторых лидеров, а также частые утечки информации в конечном счете снизили интерес к объединению. Кроме того, организация все-таки не стала общекавказским общественно-политическим органом из-за непопулярности идей и различных противоречий в эмигрантской среде народов Кавказа. Пытаясь объединить под своим началом большую часть кавказской политической элиты, именно «Кавказ» стала своеобразной причиной для создания различных союзов и объединений, относившихся к ней как к идеологической оппозиции.

С началом войны с СССР в августе 1941 года руководство Германии продолжило активную работу по привлечению кавказских эмигрантских групп, но уже разрабатывая своеобразный механизм взаимоотношений и политики с от-

дельными народами Кавказа. Что касается организации «Кавказ» и ее идей, то со временем, в период активного сотрудничества с военно-политическими институтами Третьего Рейха, уступил свое место новым структурам и новым идеологическим принципам о дальнейших планах общественно-политического благоустройства государственных образований кавказского региона.

1. Подобная интерпретация развала Кавказской конфедерации по сути своей является крайне субъективной. Ошибочным является тезис обвинения национальных политических партий закавказских народов касательно конфликтов друг с другом. Партии, по сути, представляли политическую волю всего общества и национальные интересы, что глубоко осознавали активисты организации «Кавказ», но не придавали этому фактору соответствующего внимания.
2. “Le Caucase” (Covkas), 11/03/1939, N2, p. 3., личный архив автора (копия).
3. “The Caucasian Quarterly”, 1938-39, October-December, January-March. Berlin, 1939, pp. 12—16.
4. *Тадевосян И.* Национальный вопрос на Кавказе (1939 г.). Ер., 2007. С. 21.
5. «Հայկական ազգայնականներն ու «Կավկազ»-ը (Армянские националисты и «Кавказ»), Париж-Берлин, 9 января, 1939 г.
6. Название организации «Азг» было позаимствовано у одноименной парижской газеты Вигена Шанта, которая до середины 1930-х гг. находилась под идеологическим влиянием АРФ Дашнакцутюн. Видимо, из-за серьезных противоречий между работниками газеты и некоторыми членами партии газета была закрыта в конце 1936 г., а в 1937 г. снова начала печататься, но теперь уже как независимая, оппозиционная АРФ газета.
7. “Le Caucase” (Covkas), 11/03/1939., N2, p. 16., личный архив автора (копия).
8. «Հայկական ազգայնականներն ու «Կավկազ»-ը (Армянские националисты и «Кавказ»), Париж-Берлин, 9 января, 1939 г.; “The Caucasian Quarterly”, 1938—39, October-December, January-March. Berlin, 1939, pp.12—16.
9. “Le Caucase” (Covkas), 10/02/1939, N1, p. 11.
10. Там же.
11. С 1933 г. в Берлине выпускался одноименный журнал на тюркском языке.
12. “Hayrenik”, 15/08/ 1938, Boston. N8, p. 32.
13. “Le Caucase”, 10/11/1936, N 11, p. 4.
14. *Manvelishvili A.* “Bammatiada”, p. 28—29, сборник статей, Тбилиси, 1991 г.
15. Алихан Кантемир в течение 1919 г. являлся послом Горской республики в Азербайджанской Демократической Республике.
16. *Bammate H.* “Le Caucase et la revolution russe”, Paris, 1929, p. 36.
17. *Соцков Л.*, Неизвестный сепаратизм. М., 2003. С. 98—99.

СУЩНОСТЬ ФОРМУЛЫ К. КЛАУЗЕВИЦА О ВЗАИМОСВЯЗИ ВОЙНЫ И ПОЛИТИКИ

Барнашов О.В.

Прусский военный деятель и теоретик **Карл фон Клаузевиц** (1780–1831) был и выдающимся политическим мыслителем своего времени. Практическая деятельность в качестве военного способствовала выработке его собственной политической концепции. Клаузевиц успешно нанизал военную теорию на стержень своих политических взглядов. В результате появилась целостная концепция о политическом содержании войны. Война и политика отличны в ряде случаев, но в большинстве своих проявлений они имеют схожие характеристики. Поэтому война есть не что иное, как продолжение той же политики, но другими средствами[1]. Данное положение является основой формулы Клаузевица.

Говоря о войне как продолжении политики иными средствами, Клаузевиц имел в виду, что стратегия не может иметь рациональной основы до тех пор, пока четко не очерчены цели, которых необходимо достигнуть. Эти цели выдвигаются политикой. Войну же политика использует в качестве средства для достижения целей, однако в том лишь случае, если сама не способна достичь этих целей. Поэтому война – это крайнее средство достижения целей политики, она вытекает из политики только в крайнем случае. Данное соотношение войны и политики является сутью формулы Клаузевица. Автор раскрывает свою формулу посредством различения абсолютной (абстрактной) и действительной войны. «Под абсолютной войной он [Клаузевиц – авт.] подразумевает такую форму борьбы, которая не ограничивается никакими нормами»[2]. Под «действительной» войной Клаузевиц понимал такую форму борьбы, которая ограничивается политикой, благодаря чему она и становится продолжением политики иными средствами.

Логическое продолжение основной идеи формулы Клаузевица (война есть продолжение и инструмент политики) позволяет сделать вывод о том, что любая война должна окончиться миром, ибо она – порождение политики. Политика (политический процесс) протекает в атмосфере мира. В войну политика перетекает по стечению обстоятельств.

Клаузевиц был свидетелем политической обстановки в Европе конца XVIII–начала XIX века. Он сознавал необходимость преобразования государственного строя Пруссии, в том числе армии как неотъемлемой части государственного организма. Его военно-политическое наследие отличается новизной. На смену механистическим теориям военного искусства приходит качественно новая теория Клаузевица с присущим ей учетом моральных факторов в войне, новых способов ведения войны, новой трактовкой тактики и стратегии. Клаузевиц сумел подметить необходимость трансформации способов ведения войны и построить на этой основе отвечающую требованиям времени теорию войны, поскольку смог выявить сущность войны, связанную с проводимой перед войной политикой.

Политические взгляды Клаузевица послужили фундаментом и одновременно толчком к формированию его теории войны. В отличие от традиционных

военных теорий своих предшественников, он считал, что каждая война обладает своей спецификой в зависимости от политических тенденций эпохи и каждой страны в отдельности. Он ставил войну в зависимость от пространственно-временных особенностей. Модель его теории стала классической; основные ее постулаты сохраняют актуальность по сей день. При этом не стоит путать «классицизм» теории, сохраняющей актуальность на протяжении веков, с догматизмом и схематизмом.

Новаторский дух теории Клаузевица внесен не только в детали, но и в фундаментальные вопросы: о войне и политике, народной войне, моральных факторах, новой стратегии массовых армий, ударной тактике. В ходе изложения он делает ряд обобщений, касающихся передового массового военного опыта своего и предшествующего времени. Помимо этого, Клаузевиц объединил лучшие элементы прежних и современного ему этапов развития военно-политической мысли.

Формула Клаузевица обращает внимание на то, что качественным измерением политики выступает мир. В то же время при проведении политики допустимы некоторые приемы, присущие ведению военных действий — к примеру, таких, как оборона и наступление, внезапность и хитрость, правильный расчет времени, благоприятствующий достижению эффективных результатов, заключение договоров с учетом интересов государственной безопасности.

Сущность политики по отношению к сущности войны может проявляться диаметрально противоположным образом. С одной стороны, природа политики так же, как и природа войны конфликтна. Другое дело — какой это конфликт: явно выраженный, достигший крайности (война) или скрытый (борьба политических партий за власть). В то же время ряд присущих войне и политике признаков выступают в качестве компонентов, определяющих политическое содержание войны (стремление к господству, гегемонии, достижению интересов, «государственнический» характер войны). С другой стороны, война по сути есть крупномасштабное разногласие, приводящее к кровопролитию и жертвам. Война — это межгосударственный или внутригосударственный конфликт, здесь главный действующий субъект — государство. Политика — это тоже сфера деятельности государств. Но, в отличие от войны, политика имеет целью согласование межгосударственных и внутригосударственных интересов. Как таковая, политика выступает в качестве противоположности войне, и направлена на примирение сторон. Особенно ярко это проявляется во время войны, когда нейтральные и участвующие в войне государства пытаются дипломатическими средствами воздействовать на ситуацию и остановить военные действия. Учитывая диалектику войны и политики, уместно отметить, что как война является продолжением политики, так и политика и дипломатия могут выступать продолжением войны другими средствами. Достижение сторонами компромисса выступает переходным этапом от войны к качественно новому состоянию — миру, который и является качественным измерением послевоенной политики. Таким образом, формула Клаузевица дает основание для вывода о том, что война и политика (протекающая в мирных условиях) — это диалектически сменяющие друг друга качественные состояния жизнедеятельности общества.

Диалектика мышления Клаузевица просматривается на протяжении всего его учения. Так, с одной стороны, он противопоставлял войну и политику, теорию и практику, тактику и стратегию, цель и средства ее достижения, наступление и оборону, моральные и материальные факторы, с другой — рассматривал эти дихотомии во взаимосвязи. Иными словами, Клаузевиц в своем исследова-

нии придерживается диалектического закона о единстве и борьбе противоположностей. Американские исследователи Л. Кеннет и Дж. Дэвисон отмечают, что диалектика противоположных, но взаимосвязанных концептов у Клаузевица являются результатом философского типа мышления того времени. «Платоновская дихотомия мысленного, идеального мира и его несовершенного, приземленного отражения явилась достоянием мыслителей начала XIX века и вдохновляла их на определенный стиль аргументации, которая заключалась в мысленном конструировании логических абсолютов, с которыми должна была соизмеряться реальность»[3].

Клаузевиц различает критическое изложение исторического события и его описание. При этом описание, в отличие от критического изложения, практически не касается причинных связей. Диалектика войны и политики строится на том, что в одном случае война может выступать причиной, порождающей определенный расклад политических сил, а с другой стороны, она – результат определенных политических событий. То же самое верно в отношении политики.

Подобная схема указывает на то, что правильнее рассматривать соотношение войны и политики в виде цепочки «война – продолжение политики», «политика – результат войны».

Политическая концепция Клаузевица просматривается и в его стратегических взглядах. Он выступал за восстановление принципа концентрации сил на главных направлениях. Он также выдвинул положение об ударе по центру тяжести, что явилось результатом развития мысли о концентрации сил. Нужно отметить, что идея удара по центру тяжести была устремлена на перенос теоретических конструкций в реальность, чтобы на практике показать возможность таких действий, которые препятствовали бы уничтожению целого. По сути, стратегия нацеливалась на выявление наиболее важного звена военных действий и выяснение главного объекта удара. Способом нанесения такого удара считалось генеральное сражение как решающий акт войны. «Лишь крупные бои общего характера дают крупные результаты; самые крупные результаты достигаются тогда, когда бои объединяются в одно большое сражение»[4]. Из этих положений автор выводил следующий закон: уничтожение боевых сил неприятеля следует преимущественно искать в больших сражениях; главная цель больших сражений должна заключаться в уничтожении неприятельских вооруженных сил. Поскольку позитивную цель (завоевание) преследует наступающая сторона, то генеральное сражение является по преимуществу ее средством.

С позиций достижения намеченной цели идея Клаузевица о генеральном сражении несла в себе крупный положительный заряд. Он считал, что война – это стихия, пропитанная множеством препятствий к достижению поставленных политикой целей, которых можно достичь только путем ударных, насильственных мер. Поэтому генеральное сражение – это своеобразная теоретическая конструкция, которая показывает, что крупных целей можно достичь серьезными средствами. Практическое значение генерального сражения заключается в том, что при соответствующих условиях атаковать неприятельскую линию расположения на нескольких пунктах сразу не выгодно, ибо в таком случае победа не

будет одержана повсеместно. Поэтому нужно стремиться к достижению победы на главном пункте – по центру тяжести всей неприятельской линии обороны или по важнейшим объектам неприятеля[5]. Вместе с тем, на практике не всегда бывает удобно использовать генеральное сражение. Абсолютизация генерального сражения неверна потому, что в ряде случаев удар по второстепенным направлениям может быть более благоприятным[6].

Клаузевиц считал, что война по своей сути – это бой. Бой относится к войне как частное к целому. Для ведения боя необходимы средства: технические, экономические, моральные и другие. Следовательно, военное искусство в узком смысле – это искусство использования данных средств. Однако военное искусство включает также деятельность по созданию вооруженных сил. Отсюда следует, что ведение войны есть расстановка сил и ведение боя. Отсюда же Клаузевиц выводит два различных вида деятельности: 1) организация отдельных боев и ведение их; 2) увязка их с общей целью войны. Первую он называет тактикой, вторую – стратегией. «Итак, согласно нашему делению, тактика есть учение об использовании вооруженных сил в бою, а стратегия – учение об использовании боев в целях войны»[7]. Стратегия должна ставить такую цель, которая соответствовала бы смыслу войны.

Английский теоретик Б. Лиддел Гарт определяет стратегию как «искусство распределения и применения военных средств для осуществления целей политики»[8]. Он вводит понятие «большой стратегии» и помещает его между понятиями «военная стратегия» и «политика». Апеллируя к учению Клаузевица, Гарт выявляет в нем некоторые недостатки. По его мнению, определение стратегии Клаузевица охватывает сферу политики, которая является делом правительства, а не военных, используемых правительством для руководства военными действиями.

Дело в том, что Клаузевиц, считая, что политика и война как сферы деятельности в своих очертаниях подобны, но от этого не переставшие действовать по своим собственным законам, в то же время считал, что для достижения успеха в военном деле полководец и политик должны совмещаться в одном лице. При этом полководец действует «силой», а политик – «разумом». А военные действия, ведущиеся сообразно разуму, смягчают войну, переводя ее из абстрактного состояния в состояние реальное, в результате чего война становится продолжением политики, сменившей «перо на меч». Политические отношения самой войной не прекращаются, не преобразуются в нечто совершенно другое, но по существу продолжаются, какую бы форму ни принимали используемые средства. Политика влияет на войну вплоть до заключения мира.

Гарт полагает, что Клаузевиц позволяет военным перешагнуть за пределы своей компетенции и подчинить политику военным действиям. Из сказанного логически следует, что Клаузевиц якобы предписывал военным определять ход политики. Однако это является заблуждением, Клаузевиц неоднократно утверждал, что политические цели указываются исключительно правительством, а военные действия всегда подчинены политическим целям. Клаузевиц подчеркивал, что именно политические, а не военные руководители способны реализовывать политические решения, и если политические лидеры вмешиваются в военные действия, то последующие политические решения ведут военные действия по худшему сценарию.

Клаузевиц считал, что даже использование тактических приемов должно быть нацелено на достижение крупных целей. «Создавая план для боя, надо

иметь в виду достижение крупной цели ... Задаваясь мелкой целью, в то время как неприятель имеет в виду цель обширную, мы, очевидно, останемся в проигрыше, ибо мы ставим на карту рубли против копеек»[9].

Достижение цели боя возможно путем победы. Однако победа еще не решает вопросов о ее размерах и значении. Эти вопросы зависят от величины тех масс, над которыми она одержана, и от количества взятых трофеев. Поэтому над небольшим отрядом большой победы одержать нельзя. Значение победы зависит и от того, насколько была важна достигнутая при помощи нее цель. «Занятие важной позиции может придать крупное значение победе, ничтожной самой по себе»[10]. Исходя из положений Клаузевица, бой по отношению к победе можно мыслить так же, как средство по отношению к цели.

Для адекватного восприятия военных средств правительством и для предупреждения государственных деятелей от неправильного их использования, Клаузевиц рекомендовал сделать военного руководителя членом правительства во время войны. Советы последнего смогут воспрепятствовать использованию военных средств вопреки политическим намерениям со стороны политических руководителей. «Большинство хорошо проведенных войн велось только при помощи субъективных убеждений полководцев и до сих пор мало распространены ясные представления о ведении большой войны. Безусловно необходимо, когда какой-нибудь орган в государстве, помимо полководца и вне театра военных действий, намерен оказывать регулярное влияние на ведение войны, поскольку он может рассматривать вещи только с объективной точки зрения»[11].

В определении войны Клаузевица, указаны ее цели и средства[12]. Однако намерение победить противника в ходе войны заслоняет политическую цель войны. Последняя выдвигается на первый план постольку, поскольку крайнее намерение будет ослабевать, то есть война постепенно будет переходить из абстрактного состояния в свою реальную форму. Тем не менее политическая цель является первоначальным мотивом войны и служит мерилом как для цели, которую необходимо достигнуть с помощью войны, так и для определения объема необходимых усилий. Ведь чем меньше требуется от противника, тем меньше его сопротивление. В таком случае политическая цель не будет требовать слишком больших усилий, а, следовательно, от нее легче отказаться. Когда в результате анализа ситуации выясняется, что требуется затрата сил, превышающая ценность политической цели, от последней стоит отказаться.

Иногда военная цель совпадает с политической целью, когда, к примеру, речь идет о завоевании определенных областей. Но в большинстве случаев политическая цель становится решающей по мере того, как ослабевает натянутость в межгосударственных отношениях. Иначе говоря, война из своего абстрактного состояния переходит в действительное, «смягчается» из-за более четкого осознания требований, предъявляемых политикой.

Тем самым война – это политический акт, поскольку всегда вытекает из политического положения и вызывается политическими мотивами. Раз политика – это разум олицетворенного государства, то война, ведущаяся государством, протекает в соответствии с разумом, поскольку политика диктует необходимость войны. Война принимает очеловеченный характер с помощью ярко выраженного в ней политического оттенка. С этим вопросом и связана концепция абсолютной (абстрактной) и действительной войны Клаузевица.

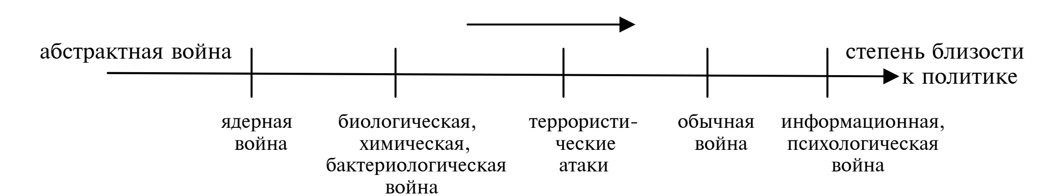
Абсолютная война – это акт насилия, в применении которого нет предела. Она нацелена на сокрушение противника, на абсолютное лишение его возможности сопротивляться. В такой войне политика не оказывает никакого воздей-

ствия на ход военных действий, так как цель политики и цель военных действий сливаются. Война представляется чисто военной, менее политической[13]. Между тем идею абсолютной войны нужно рассматривать как попытку Клаузевица выявить внутреннюю, сущностную закономерность действительной войны. Дело в том, что война вообще обладает собственной объективной закономерностью. В соответствии с этой закономерностью, война как процесс неумолимо развивается до предела. Это развитие невозможно умерить какими-либо регламентациями со стороны государственных органов. Развитие войны протекает стремительно, ожесточенно, с крайним напряжением сил. Поэтому применение радикальных на сегодняшний день средств борьбы (например, ядерное оружие) невозможно ограничить и, как следствие, бессмысленно говорить об ограниченной ядерной войне. Таким образом, абсолютную войну не нужно мыслить как идеальное явление, противоположное и оторванное от реальной войны. Абсолютная война – это концептуальная конструкция, позволившая Клаузевицу выявить сущность и тенденции действительной войны.

Действительная война, в отличие от абсолютной, является лишь частью политических отношений, и лишь политика обусловливает большее или меньшее приближение действительной войны к ее абсолютной форме. Клаузевиц рассматривает действительную войну как более или менее искаженную форму абсолютной войны, приземленную к конкретной исторической реальности.

Проведенный анализ позволяет ввести в оборот особую градационную шкалу типов войны. Данная шкала помогает выявить степень напряжения различных типов войны, в зависимости от степени «мягкости» протекания или приближенности к политике. Исходя из концепции Клаузевица, все типы войны можно «измерять политической мерой», а значит, выявлять степень ожесточенности каждого типа войны. Таким образом, чем ближе война стоит к политике, тем менее она представляется ожесточенной.

Градационная шкала вполне применима к анализу типов войн и в современных условиях. Если выделить наиболее общие типы войн современности, по степени «мягкости» ведения их можно изобразить в следующем виде.

Наиболее ожесточенной является ядерная война, которая характеризуется уничтожением не только врага, но и всего живого на земле, включая себя самого. Она совмещает в себе элемент кровопролития, а в случае угрозы подобной войной – также психологический эффект. Тогда как группа войн информационных и психологических не сопровождается кровопролитием, поэтому стоит ближе к политике, а в современном мире выступает весьма эффективным инструментом достижения политических целей.

Ключевым элементом формулы Клаузевица является рассмотрение вопросов стратегии и тактики. Автор не только разграничивает стратегию и тактику, выявляя специфику каждого, но и объединяет в одной мыслительной конструкции. В учении Клаузевица чувствуется, что стратегия и тактика – это различные этажи мышления, относящиеся к одной и той же постройке, что стратегия явл-

яется надстройкой над тактикой. Над стратегией имеется еще один этаж – политика. Если тактика является только инструментом стратегии, то последняя представляет собой лишь инструмент политики.

Таким образом, в определениях тактики и стратегии Клаузевица можно обнаружить проблему соотношения войны и политики, которая красной нитью проходит через весь его труд «О войне» и является основой его политической концепции. Ценность этой мысли заключается в том, что в ее основу положен принцип цели как начала более глубокого и всеобъемлющего. Эта мысль свободна от поверхностных суждений типа «больше-меньше», «хуже-лучше», распространенных в эпоху господства механистических представлений. В определениях тактики и стратегии видно внешнее разделение этих элементов. Однако в глубине своей стратегия и тактика соединяются в сфере устремлений в одно целое, что дает возможность идейно связать их с политикой. Учение Клаузевица о стратегии и тактике содержит в себе зачатки мысли о том, что война есть продолжение политики, но лишь иными средствами.

Через тактику, стратегию и политику Клаузевиц проводит различие между наступлением и обороной. Для армии, стремящейся к полной победе, Клаузевиц считал необходимым применение наступательной стратегии в войне. Однако для этого необходимы объективные условия. К числу последних относится наличие достаточных для наступления сил. Наличие ограниченных сил является императивом для постановки соответствующей цели, ибо средства и цели в войне должны быть соразмерны. Это одно из тех правил, которые нужно считать общими на войне, несмотря на то, что в большинстве случаев военные действия невозможно подогнать под универсальные законы. С этих позиций Клаузевиц подчеркивает ошибочность наполеоновской стратегии в войне 1812 года. Мысль Клаузевица о величии успеха соприкасается с мыслью об обеспеченности этого успеха при наличии необходимых на то средств. Данная дихотомия позволяет лучше вникнуть в специфику двух различных способов ведения войны. При этом наступательная стратегия нацелена на быстрое решение, сопровождающееся кровопролитием, оборонительная стратегия – на интегрирование незначительных успехов через выигрыш времени и выдержку. Сочетание энергии с мудрой умеренностью в достижении намечаемых целей Клаузевиц считал положительным качеством полководца[14].

Клаузевиц был сторонником самого стремительного наступления, максимально развиваемого в соответствии с возможностями при общем взаимодействии всех сил. Анализируя поход Наполеона в Италию 1796 года, Клаузевиц отмечает: «Когда с двумя армиями переходят в наступление, которое должно привести к окончательному решению, оставаться с третьей армией в праздном бездействии было бы главной, основной ошибкой, потому что одновременное напряжение всех сил является первейшим принципом всякого стратегического наступления»[15].

Более тщательно Клаузевиц разрабатывал вопросы обороны. Он отмечает, что не наступление, включающее в себя момент внезапности, которая, однако, дает себя чувствовать лишь в течение ограниченного времени, а оборона является сильнейшей формой ведения войны. Исходя из необходимости следить за соразмерностью целей и средств, Клаузевиц отмечал, что легче отражать наступление, чем атаковать. Он выявляет убывающую силу наступления. В то же время он понимал, что оборона, в отличие от наступления, не способна достичь полной победы над противником, поэтому ее задачи нужно ограничивать.

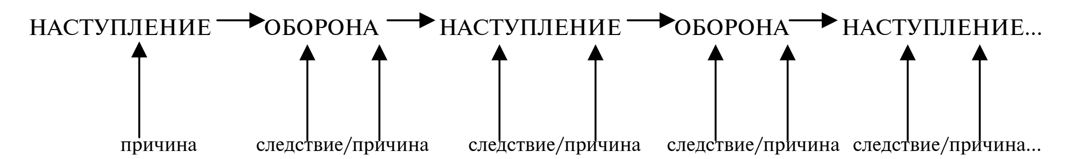
Клаузевиц оперирует двумя понятиями: положительная цель сражения и

отрицательная цель сражения. Первая означает сокрушение, а то и уничтожение противника, вторая означает сопротивление противнику. Соответственно, оборона является сильнейшей формой ведения войны, но ведущей лишь к достижению отрицательной цели, а наступление – слабейшая форма с положительной целью[16]. Под обороной он понимал не бездействие, а выжидание первого удара со стороны неприятеля, на который должен последовать возможно более сильный ответный удар обороны. «Никогда нельзя ограничиваться чистой обороной, нужно всегда носиться с мыслью о нападении на врага»[17]. Здесь речь идет о наступательном акте в оборонительной войне.

Политически оборонительной войной мыслитель называет войну, ведущуюся в целях отстаивания своей независимости. Стратегически оборонительная война – это кампания, в которой конкретная сторона ограничивается борьбой с неприятелем на подготовленном для достижения поставленной цели театре военных действий[18]. Если стратегическая оборона пытается достигнуть политической цели войны отчасти косвенным образом (преследуя лишь отрицательную цель – удержание), то стратегическое наступление непосредственно приступает к достижению политической цели, ибо оно непосредственно направлено на разрушение неприятельских сил. Поэтому принципы наступления уже содержатся в общих принципах стратегии[19]. Разумным поведением на войне считалось сочетание оборонительных и наступательных приемов.

Мысль Клаузевица о преимуществах обороны нашла яркое подтверждение в 1812 году. Однако ее формирование в сознании мыслителя началось гораздо раньше. Последующие после поражения Пруссии в войне с Францией годы, необходимость обдумать оборонительные ресурсы прусского государства углубили эту мысль. Он изучал шансы на успех в предстоящем столкновении Наполеона с Россией, и 1812 год закрепил у него идею обороны как наиболее сильной формы борьбы.

Вопрос о соотношении наступления и обороны мыслитель поставил в рамки закона единства и борьбы противоположностей. Более того, в рамках данного диалектического закона проблема соотношения наступления и обороны логически подводила к проблеме соотношения политики и войны – главной идее творчества Клаузевица. Наступление, достигнув кульминационной точки, с падением энергии обращалось в оборону. Однако последующий оборонительный способ борьбы не стоит абсолютизировать, считая его необратимым. При создании благоприятных условий обороняющаяся сторона вновь могла начать наступление.

Точно так же война есть форма, перетекшая из предшествующей ей иной формы – политики. Война завершается тогда, когда начинаются мирные переговоры, заканчивающиеся утверждением нового расклада политических сил.

В общем контексте военно-политических взглядов Клаузевица большое методологическое и практическое значение имеет различение им понятий «логика» и «грамматика» войны. Сам Клаузевиц не давал четких определений этим понятиям. Исходя из военно-политических взглядов мыслителя, попытаемся дать

собственные определения этим понятиям. Так, *грамматика войны – это совокупность принципов, механизмов и правил оценки сложившейся на войне ситуации, осуществления отдельных военных кампаний, нацеленных на выполнение отдельных тактических задач для достижения общих стратегических целей. Логика войны – это совокупность механизмов и норм ведения войны, продиктованных предшествующей войне политической действительностью.*

В практическом плане концепция «логики» и «грамматики» войны имеет большое значение в смысле развития дипломатических и иных отношений между враждующими государствами. Зачастую их отношения продолжают оставаться напряженными, несмотря на окончание военных действий. Это связано с тем, что часто невозможно полностью искоренить причину конфликта; взаимная неприязнь продолжается на дипломатической арене. В таком случае даже политические отношения развиваются в соответствии с прежней военной логикой. Стороны прибегают к «мягкой» форме борьбы (без кровопролития) – информационной, психологической атаке, взаимным угрозам, с целью сокрушить противника.

Исследование Тридцатилетней войны (1618–1648) привело Клаузевица к убеждению, что величие лозунгов, за которые идет борьба, и оценка моральных факторов являются непременным условием высоких проявлений военного искусства всех времен. Поэтому никакие материальные факторы (условия местности, погода, степень вооружения) не могут позволить не считаться с моральным элементом.

Моральные факторы – это способности и внутренние силы, заложенные в человеке: смелость, твердость, разум и воля к действию. Война полна неопределенных, не поддающихся учету факторов. Возникая в процессе войны, эти факторы создают трение. Если армия и все, что к ней относится – это военная машина, то трение – это возникающие на войне трудности, препятствующие нормальному действию машины. Поэтому решающими в деле преодоления этих трудностей являются моральные величины, которыми может обладать войско, полководец.

Согласно Клаузевицу, основными моральными потенциями являются талант полководца, воинская доблесть армии и дух народа. Из этого следует, что война – это не нечто однородное, а сложное образование. Более того, война заключает в себе три элемента: 1) насилие, порождаемое ненавистью и враждой; 2) вероятность и случайность, которые делают ход войны непредсказуемым; 3) подчиненность войны политике, благодаря чему война становится достоянием непосредственного рассудка. Каждая из этих трех составляющих войны имеет своего носителя – народ, полководца и правительство, соответственно.

В европейской военно-политической мысли XVIII–XIX вв. Клаузевиц стал проводником идеи влияния духовных потенций военных деятелей на исход войны. Разрабатывая данную проблему, он сделал шаг в направлении выяснения условий победы: максимально превосходить противника в использовании не только технико-экономических, организационных, но и морально-политических возможностей народа. Методологическое значение учения Клаузевица о моральных факторах заключается в том, что он выдвинул теоретически обоснованные рекомендации по эффективному осуществлению не только военных кампаний, но и предприятия мер в политической практике. Схема клаузевицианской трактовки приложима в равной степени как к области войны, так и области политики. Моральные факторы характеризуют психологический портрет не только военного деятеля, принимающего решения на войне, но и политика, действующего для достижения намеченных целей в условиях мира и спокойствия.

Сущность политической концепции Клаузевица в наиболее обобщенном виде можно представить как результат исследования им политического содержания войны. Последнее ярко выражается в его формуле о взаимосвязи войны и политики.

Соотношения войны и политики выражаются в ряде связей и зависимостей, которые вытекают из общего учения Клаузевица.

1) **Причинно-следственная связь.** Войны начинаются тогда, когда агрессивная политика в той или иной форме приводит к военному конфликту, а противодействующие политические силы не могут его предотвратить. При этом противоборствующие стороны вступают в войну вследствие неспособности достичь реализации своих интересов в условиях предшествующей войне политики дипломатическими средствами.

2) **Онтологическая связь.** При исследовании проблемы войны необходимо учитывать ее социальный, исторический и культурный контексты, а также сущностные характеристики. Необходимо учитывать смысл войны, в зависимости от проводимой в пространстве и времени конкретной политики. В зависимости от степени агрессивности политики возможно определить характер и степень напряженности войны.

3) **Функциональная связь.** Политика направляет войну, мобилизует ресурсы на достижение долгосрочной победы (политической цели). При этом характер политической цели имеет решающее влияние на ведение войны. Центральным звеном здесь является определяющая роль политического руководства по отношению к военной стратегии. Поскольку политика является «разумом олицетворенного государства», то она задает цель, а средством к ее достижению становится война, однако в том лишь случае, если этой цели невозможно достичь мирными средствами.

4) **Институциональная связь.** Война как социальный феномен невозможна в безгосударственном состоянии. Лишь социализированный человек может осознавать столкновение, сопровождающееся насилием, как войну, в отличие от других видов конфликтов. Социализированный человек, в свою очередь, не может существовать в негосударственном состоянии, ибо социализация человека наступает с возникновением государства. С другой стороны, война направляется государственной политикой, а политика также не может проводиться в негосударственном состоянии человеческой жизни. Политика может реализовываться только в условиях государства, а государство в своей сущности политично, ибо является формой политической организации общества. «Раз есть государство, есть война как его орудие; с другой стороны, если есть война, есть созданное, потрясенное или разрушенное государство как ее результат. Говоря серьезно и всесторонне о войне, нельзя не углубиться в вопрос о государстве, исторический смысл первой объясняет исторический смысл второго; человечность и этика войны стоят в строгой зависимости от человечности и этики государства»[20].

Другим основанием институциональной связи между войной и политикой является то, что война представляет собой организованное насилие и подчиняется нормам и директивам как отдельных государств, так и международного права. Последние, в свою очередь, разработаны на уровне политического руководства стран и соблюдаются при проведении отдельными странами внутри- и внешнеполитического курса.

Еще одним основанием институциональной связи выступает государственный контроль и участие в обеспечении обороноспособности страны. Возможность войны как постоянно наличествующая предпосылка побуждает государства

поддерживать способность адекватно отвечать на военные вызовы и угрозы, эффективно функционировать с учетом возможной войны и в условиях войны. С этой целью формируются специальные институты, органы и учреждения, непосредственно занимающиеся вопросами обороны и безопасности страны. Со временем они образуют важнейшую часть правительственного аппарата в каждой политической системе.

5) **Телеологическая связь.** Война является продолжением политики насильственными средствами, и в конечном счете, выступая инструментом политики, нацелена на достижение политических целей. В то же время любая политика обусловлена стремлением ее субъектов властвовать, преобладать. Попытки дать краткую формулировку основного вопроса политики так или иначе сводятся к власти. Так как война является продолжением государственной политики, то основным вопросом всей военной деятельности также является вопрос власти. Как следствие, если тот или иной вид организованного насилия не является политически мотивированным и не ставит вопрос власти, то его нельзя называть войной.

6) **Обратная связь войны и политики.** Политические реалии конца XX–начала XXI вв. служат наглядным примером того, что сама война, явившаяся следствием проводимой до нее политики, выступает причиной, порождающей новый расклад политических сил. Одной из особенностей сферы межгосударственных связей становится появление «ограниченных» видов войн – психологических, информационных, осознание мировой общественностью возможности воплощения в жизнь ядерной войны, а также появление «войны с невидимым противником» – терроризмом. Во всех случаях война представляет собой инструмент политики. Осознание угрозы ядерной катастрофы стимулирует субъектов на проведение такой политики, которая не привела бы к возможной ядерной войне. Последняя выступает инструментом политики постольку, поскольку служит руководящим началом в межгосударственных отношениях, побуждающим к проведению осторожной и конструктивной политики.

Приведенные подходы позволяют выявить компоненты политического содержания войны и ответить на вопрос, почему войну нужно всегда характеризовать с учетом ее политической сущности. Политическое содержание войны составляют интересы, преследуемые субъектами войны. Интересы определяют суть, направленность, принципы как политики, так и войны. Интересы выступают реальной причиной социальных действий, событий, свершений. Согласно Гегелю, «ближайшее рассмотрение истории убеждает нас в том, что действия людей вытекают из их потребностей, их страстей, их интересов... и лишь они играют главную роль»[21]. Интересы служат основой для формулирования целей. Во имя последних велось бесчисленное множество различных войн: захватнических, освободительных, гражданских и так далее. Достижение целей осуществлялось, однако, не только посредством войн, но и военными угрозами, демонстрацией военной силы без прибегания к ней.

Поскольку война представляет средство достижения определенных политических целей, то политическое заключено не в самой борьбе, а в четком определении и оценке складывающейся ситуации, врага, против которого эта борьба ведется. Какими техническими средствами ведется борьба, какая существует организация войска, насколько значительны устремления к победе на войне, здесь безразлично, пока политически единый народ готов бороться за свое существование и свою независимость и в силу собственного решения определяет, в чем состоит его независимость и свобода. Война как продолжение политики насиль-

ственными средствами означает, что война начинается на основе и в соответствии с политическими решениями, воюющие стороны преследуют в ней те же цели, которых они добивались до войны мирными средствами, а по результатам войны устанавливается мир, закрепляющий изменившуюся политическую ситуацию.

Поле власти создает специфическую среду общения, вхождение в которую — один из важнейших мотивов политической деятельности. Здесь также формируется чувство исключительности, приобщенности к чему-то более важному и значимому, чем повседневные интересы.

Власть самым тесным образом связана с насилием. Зачастую она являлась результатом военной победы, узурпации, государственного переворота или какого-либо другого незаконного деяния. Приходится признать и то, что все важнейшие атрибуты современной демократии и правового государства, такие как национально-государственный суверенитет, верховенство права и закона, разделение властей, прошли испытание насилием, являлись объектами острых политических конфликтов.

Политическая сущность войны выражается в том, что ее субъектом выступает государство как единственный институт, имеющий легитимное право на насилие. Кроме того, государство — это главный политический институт. Только за государством международное сообщество закрепляет право в определенных случаях и определенных целях самостоятельно принимать решение о применении оружия. Что касается повстанческих и других антиправительственных сил, то они обретают статус воюющей стороны после международного признания их руководящих органов, распространяющих на определенной территории свою власть, которая фактически выступает как государственная власть. Война ведется от имени государства, и государство выступает как минимум одним из ее субъектов. Данное положение справедливо как в отношении межгосударственных войн (ставших продолжением внешней политики), так и в отношении внутригосударственных войн (когда речь идет о восстании политических группировок против правящего режима).

Война, порядок и правила применения вооруженных сил, а также отношения между воюющими государствами регламентируются международным правом и национальным законодательством. Уже в «примитивных» обществах война постепенно обставляется все большим количеством запретов и правил, вплоть до того, что сводится к ритуальному поединку между двумя представителями воюющих племен[22]. Как отмечает А. Соловьев, «в новейшей истории «право войны» трансформировалось в «право в войне», то есть в совокупность международных норм, регламентирующих правила ведения войны и имеющих своим назначением гуманизацию средств и методов ведения войны»[23]. Действительно, международное гуманитарное право ограничивает воюющие стороны в выборе средств и способов ведения военных действий. К тому же Устав ООН предусматривает возможность пресечения актов агрессии силами мирового сообщества; в порядке реализации этой нормы предпринимаются акции по принуждению к миру силой[24].

Весьма интересна точка зрения Г. Радбруха, который считает, что выражение «война есть продолжение политики иными средствами» заключается не столько в том, что сущность войны определяется политикой, сколько в том, что сущность политики определяется войной[25]. С этой точки зрения, политика относится к войне, как угроза насилия — к насилию, и должна даже против воли политиков неизбежно привести к войне с той же необходимостью, с какой даже неосуществленная угроза становится насилием. Политика при определенных

условиях перетекает в войну против воли политиков, поскольку обладает логикой «самораскручивания». Как только настает момент перетекания в войну, происходит необратимая реакция: политика перестает быть политикой, начинается война. Далее действует описанный Клаузевицем процесс развития внутренней закономерности войны, которая не подчиняется никаким регламентациям (идея об абсолютной войне).

Приведенный анализ показывает, что исследование соотношения войны и политики предполагает выявление связей между данными элементами, а также тех общих основ, которые связывают войну и политику. В системе подобных исследований классическое учение Клаузевица занимает приоритетное положение.

1. См. *Клаузевиц К.* О войне. В 2-х т. Т. 1. М., СПб., 2002. С. 47.
2. *Фабиан Ф.* Перо и меч. Карл Клаузевиц и его время. М.: Воениздат, 1956. С. 8.
3. *Kenneth L., Davison Jr.* Clausewitz and the Indirect Approach. Misreading the Leader // Airpower Journal. Winter, 1988. http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/apje.html
4. *Клаузевиц К.* О войне. В 2-х т. Т. 1. М., СПб., 2002. С. 375.
5. См.: *Клаузевиц К.* Швейцарский поход Суворова 1799 года. М., 1939. С. 148.
6. См.: *Клаузевиц К.* Итальянский поход Наполеона Бонапарта 1796 года. М., 1939. С. 20.
7. *Клаузевиц К.* О войне. В 2-х т. Т. 1. М., СПб., 2002. С. 122–123.
8. *Лиддел Гарт Б.Х.* Стратегия непрямых действий. М., 1957. С. 369.
9. *Клаузевиц К.* Важнейшие принципы войны // *Клаузевиц К.* О войне. В 2-х т. Т. 2. М., СПб., 2002. С. 491.
10. *Клаузевиц К.* Учебное пособие для обучения тактике, или учение о бое // *Клаузевиц К.* О войне. В 2-х т. Т. 2. М., СПб., 2002. С. 516.
11. *Клаузевиц К.* Швейцарский поход Суворова 1799 года. М., 1939. С. 235.
12. См.: *Клаузевиц К.* О войне. В 2-х т. Т. 1. М., СПб., 2002. С. 23.
13. См.: там же. С. 48.
14. См.: *Клаузевиц К.* О войне. В 2-х т. Т. 1. М., СПб., 2002. С. 421.
15. *Клаузевиц К.* Итальянский поход Наполеона Бонапарта 1796 года. М., 1939. С. 101.
16. См.: *Клаузевиц К.* О войне. В 2-х т. Т. 2. М., СПб., 2002. С. 8.
17. *Clausewitz Carl von.* Strategie. Berlin, 1911. С. 78.
18. См.: *Клаузевиц К.* Важнейшие принципы войны // *Клаузевиц К.* О войне. В 2-х т. Т. 2. М., СПб., 2002. С. 502.
19. См.: там же. С. 505.
20. *Снесарев А.* Философия войны. М., 2003. С. 189.
21. Цит. по: Общая и прикладная политология: учебное пособие / Под общ. ред. *В.И. Жукова, Б.И. Краснова.* М., 1997. С. 150.
22. См.: *Морозов Е.* Предисловие комментатора // *Месснер Е.* Всемирная мятежевойна. М., 2004. С. 3–12.
23. Политология: лексикон / Под ред. *А.И. Соловьева.* М., 2007. С. 20.
24. См.: Устав Организации Объединенных Наций. С. 42–45 // Проект «Консультант-Плюс», серия 200. Международные правовые акты (запись на DVD-диске).
25. *Радбрух Г.* Философия права. М., 2004. С. 220.

ИЗ ИСТОРИИ АРМЯНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

ՄԱՂԱՔԻԱ ՕՐՄԱՆՅԱՆԻ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ՓԻԼԻՍՈՓԱՅՈՒԹՅԱՆ ՀԻՄՆԱՀԱՐՑԵՐԸ

Սարվազյան Լ.Ս.

Մաղաքիա Օրմանյանի քաղաքական խնդրակարգը ներառում է հասարակության քաղաքական կազմակերպման, իշխանության ծագման ու ձևերի, պետական կառուցակարգի, կառավարման եղանակների և այլ հիմնահարցեր: Մտածողի նպատակն է տեսական-քաղաքական գիտելիքի միջոցով արթնացնել տնական հպատակության վիճակում ընդարմացած հայ ժողովրդի քաղաքական մտածողությունը, ընդլայնել աշխարհայացքը, զարգացնել իրավագիտակցությունը: Այս նպատակի իրագործումը ենթադրում է մեթոդաբանական որոշակի հիմք և կողմնորոշիչներ: Նրա տեսական մտակառուցումների մեթոդաբանական ելակետը **ազգն է, ազգի կեցութային հիմքերը**:

Ըստ Օրմանյանի՝ հասարակության քաղաքական կազմակերպումը բնական օրինաչափություն է, որը դրսևորվում է մարդկային համակեցության բնական վիճակից օրինականին (պետաքաղաքականին) անցումով: Հասարակության օրինականացման շարժընթացում ձևավորվում են քաղաքական և իրավական հարաբերություններ, որոնց գործառնության արդյունքում կազմավորվում է իշխանություն՝ անհատների բնական իրավունքները, անվտանգությունը, հասարակական ներդաշնակությունն ապահովելու նպատակով. «Ամէն օրինական մարմին կամ ամէն կազմակերպեալ ընկերութիւն չի կրնար լինիլ առանց իր մասերը ի մի զօդող պայմանի մը, որ առաջնորդէ դէպի նպատակը, պահպանէ գոյութիւնը եւ պաշտպանէ իրաւունքները ընկերական մարմնին»[1]:

Ավանդական հայեցակետով իշխանությունը բաժանվում է երկու՝ աշխարհիկ ու հոգևոր ձևերի: **Աշխարհիկ** իշխանությունն Օրմանյանը սահմանում է որպես «ձիրք կամ կարողութիւն օրէնքները դնելու անդամներուն յարաբերութեանց համար եւ կարգադրութիւններ ընելու ընկերութեան պահպանութեան եւ պաշտպանութեան համար»[2]: Ակնհայտ է, որ աշխարհիկ իշխանության էությունը դրսևորվում է օրինաստեղծման, վարչաիրավական և դատավարական գործառույթներով: **Հոգևոր** իշխանությունը (կամ նվիրապետությունը) «զանազան դասէ աստիճանաւորաց կարգ մըն է, և նուիրական պետութիւն կամ իշխանութիւն մըն է, որ աստուածային և հոգևորական կանոնօք կը վարուի»[3]:

Օրենսդրական, վարչական ու դատական իրավասություններով օժտված եկեղեցական իշխանությունը կոչված է սահմանել կանոններ, հսկել դրանց գործադրությունը, պաշտպանել ու համախմբել ժողովրդին, պահպանել հոգևոր արժեքները, իրականացնել պաշտոնական ծիսակարգ և այլն:

Օրմանյանը բացատրում է երկնային ու երկրային իշխանավարությամբ դրսևորվող ներքին (հոգևոր) և արտաքին (քաղաքական) իրավասությունների տարբերությունը. «Երկինքի մէջ է այն իշխանութիւնը որ խիղճի ներքին ատեանին մէջ կը գործածուի, և որուն վճիռները նաև առաջի Աստուծոյ զօրութիւն ունին, և մարդուն հոգին կը ծանրաբեռնեն: Իսկ երկրի վրայ իշխանութիւնը արտաքին ատեանին մէջ կը գործածուի, և որուն վճիռները արտաքին կարգաց և բարեկարգութեանց վրայ կը տարածուին, և առաջի մարդկան պարտք և պատասխանատուութիւն յառաջ կը բերեն»[4]:

Իշխանության ծագման հիմնահարցն Օրմանյանը քննում է քրիստոնեական իրավափիլիսոփայության, եկեղեցական իրավունքի և ազգային քաղաքական տեսությունների հիման վրա: Քաղաքական իշխանության աղբյուրը նույնպես Աստվածն է, «որովհետեւ չ'կայ իշխանութիւն որ չէ Աստուածանից. եւ ներկայ իշխանութիւններն Աստուածանից են կարգուած» (Հռովմ., Գլ. ԺԳ, 1-2): Այստեղից նա բխեցնում է, որ իշխանության իրավունքները նախասահմանված են հավասարապես բոլոր ազգերի համար: Բնական է, որ ազգային յուրաքանչյուր համակեցության մեջ «ուրոյն և սեփհական կազմակերպութիւն մը տիրէ, որ իրեն մասնաւոր կացութիւն մը շնորհէ և իր ներքին գործունէութեան ներքին շարժմամբը զարգանալու դիւրութիւն ընծայէ»[5]:

XIX դարավերջի քաղաքական կեցությունը հայ մտածողներին պարտադրում էր մեկնաբանել ազգային պետականության բնական հիմքերը, փաստարկել այն ճշմարտությունը, որ եթե իշխանաշնորհումն ի սկզբանե նախասահմանված է աստվածային օրենքներով, ապա երկրային կյանքում կառավարումն իրականանում է ազգային իրավունքներով: Ազգերի քաղաքական ինքնակազմակերպման իրավունակությունը դրսևորվում է պետության օրինական լինելիությամբ: Մարդկության պատմությունը վկայում է, որ «կան, եղած են եւ կրնան լինիլ ընկերութիւններ, որոնց հանգամանքները հաստատուած են կամքովը ընկերութիւնը կազմողին (այսինքն՝ ազգի. – Լ.Ս.)՝ որ օրէնսդիր կը կոչուի, վասնզի հեղինակն է ընկերութեան օրինական օրէնքին»[6]: Օրմանյանի հայեցակետով՝ գերագույն սահմանադիր կամ օրենսդիր իշխանությամբ օժտված իրավասուբյեկտն ինքնին պետական կամ ազգային ինքնիշխանության կրողն է:

Ինքնիշխանության գաղափարի համանման մեկնաբանություններ առկա են իրավափիլիսոփայական ու քաղաքագիտական այլ տեսություններում: Հատկանշական է հիմնախնդրի արիստոտելյան մեկնությունը: Արիստոտելը կառավարման եղանակը դիտում է որպես պետական ինքնիշխանության դրսևորում. «Քանի որ պետական յուրաքանչյուր կառույց կամ պետության ցանկացած սահմանադրություն պետական իշխանությունների և առաջին հերթին՝ գերագույն իշխանության կազմակերպման կարգ է, ուստի՝ ով կառավարում է պետության մեջ, նա էլ ինքնիշխանության կրողն է»[7]:

Մ. Պաղուացու հայեցակարգում շեշտվում է ժողովրդական ինքնիշխանության գաղափարը. պետական իշխանության աղբյուրը, գերագույն օրենսդիր իշխանության սուբյեկտը ժողովուրդն է՝ քաղաքացիների ընդհանրությունը[8]: Իսկ Ժ. Բոդենը և Հ. Գրո-

թիուսը հիմնավորում են, որ ինքնիշխանությունը՝ բացարձակ ու մշտական իշխանությունը, պետության էական հատկանիշն է[9]:

Հեգելի հետևորդները պետական ինքնիշխանությունն արժեվորում են որպես իրավունքի բարձրագույն արտահայտություն: Ինքնիշխան պետության գաղափարը տարաբնույթ մեկնաբանություններով արծարծվում է նաև եվրոպական պետությունների սահմանադրական տեսություններում: Դեննիս Լլոյդը հավաստում է, որ ներկայում առավել ընդունելի սահմանմամբ՝ «ինքնիշխանը (սուվերենը) այն անձը կամ մարմինն է, որը բարձրագույն օրենսդիրն է տվյալ պետության մեջ: Հենց օրենքը փոփոխելու իր լիազորություններով՝ օրենսդիրը պետության բարձրագույն լեգիտիմ իշխանության կրողն է, որին ենթարկվում են... իշխանության մյուս՝ գործադիր և դատական ճյուղերը»[10]: Ինքնիշխանի բացառիկ իրավունքն է լուծել պատերազմի ու խաղաղության, մահապատժի դատավճռի, միջազգային պայմանագրերի կնքման կամ լուծարման և այլ հարցեր:

Հաշվի առնելով հայ ազգի առկա կեցությունը՝ Մ. Օրմանյանը ինքնիշխանությունն արժեվորում է ոչ միայն իբրև պետության ատրիբուտ, այլև որպես ազգի բնական իրավունք և ազգային անկախության հիմնապայման: Այս համատեքստում առավել շեշտվում է **ազգային,** ոչ թե պետական ինքնիշխանությունը, որովհետև քաղաքական օրակարգում ազգային ինքնավարության հարցն էր, իսկ պետականության վերականգնումը՝ ռազմավարական նպատակ:

Ազգային համակեցությունների ինքնակառավարման գլխավոր պայմանը **ազգի ինքնիշխանությունն է,** որը քաղաքականապես մարմնավորում է պետությունը, իսկ հոգևոր առումով՝ եկեղեցին: Օրմանյանի մեկնությամբ՝ ինքնիշխանությունը յուրաքանչյուր ազգի քաղաքական անկախության բնական հիմքն է, և «ամէն իշխանութիւն սեփական պէտք է լինի այն ընկերութեան, որուն պահպանութիւնն ու պաշտպանութիւնը կը դիտէ ինքը. որովհետեւ եթէ ընկերութիւն մը չունի իր սեփական իշխանութիւնը, այլ կը կառավարուի ուրիշ ընկերութեան մը սեփական իշխանութեամբը, ուրիշին տիրապետութեան ներքեւ կը համարուի»[11]: Պետականության բացակայության պայմաններում ազգային ինքնիշխանության քաղաքական պատասխանատուն դառնում է եկեղեցին՝ օժտված լինելով ազգային շահերն ու իրավունքները պաշտպանելու իրավասությամբ: Այս իրողությունը փաստարկելիս Օրմանյանը հանգամանորեն վերլուծում է հոգևոր իշխանության էությունն ու առանձնահատկությունները:

Ինչպես քաղաքական, այնպես էլ հոգևոր իշխանության ակունքը աստվածային սահմանադրությունն է: Մտածողը հերքում է եկեղեցական վարչության սկզբնավորման ու գոյության օրինականությունն առարկող կամ մերժող տեսակետները: Ըստ նրա՝ վերջինները բխում են դրանց հեղինակների քաղաքական նպատակներից ու գաղափարախոսությունից: Այսպես, եկեղեցական իշխանավարության սկզբունքը մերժելով՝ լյութերականները հայտարարում են, որ բոլոր քրիստոնյաներն ազատ են, և ոչ ոք իրավունք չունի իշխել նրանց: Թեև Անգլիկան եկեղեցու հետևորդներն ընդունում են հոգևոր իշխանության գոյությունը, բայց այն ենթարկում են քաղաքական իշխանությանը, առանց որի եկեղեցին իբր չի կարող ինքնակառավարվել: Իսկ որոշ նոր աղանդներ պետական հրամանները ընդունում են իբրև օրենքներ՝ քաղաքական իշխանությանը հաճոյանալու և հովանավորվելու ակնկալիքով:

Օրմանյանը տարբեր փաստարկներով հիմնավորում է եկեղեցու Քրիստոսադիր իշխանության լինելիությունը, որը տարածվում է ոչ միայն դավանության, բարոյականության, խորհուրդների ու ծեսերի, այլև արտաքին՝ քաղաքական բարեկարգման վրա: Նա հաստատում է.

Ա. Ըստ եկեղեցու բնության և կազմության փաստարկի՝ եկեղեցին կազմավորվել է օրինական հիմքի վրա՝ որպես որոշակի կառույցով հասարակական մարմին, հետևաբար՝ «չի կրնար ըլլալ առանց սեփական իշխանութեան՝ որ կատարէ անոր պահպանութեան եւ պաշտպանութեան բոլոր անհրաժեշտ պարագաները»: Իշխանության սուբյեկտն օժտված է օրենսդրական ու վարչական իրավունքներով, որոնք ենթադրում են հնազանդության պարտավորություն: Վերջինը չի կարող կատարվել առանց պատժի կամ հատուցման իրավազորության և արդարադատություն իրականացնող օրինական դատական ատյանի: Եվ այդպես՝ «իշխանութեան բոլոր պահանջները ինքնին յառաջ կու գան Եկեղեցւոյ հաստատութենէն»[12]:

Բ. Եկեղեցական իշխանության գոյության գլխավոր փաստարկը Քրիստոսի վկայությունն է՝ առաքյալներին փոխանցված իշխանության վերաբերյալ. «Ամեն իշխանութիւնն ինձ տրուեցաւ երկնքումն եւ երկրումս. Ուրեմն գնացէք բոլոր ազգերը աշակերտեցէք... Նորանց սովորեցնելով, որ ամեն ինչ որ ձեզ պատուիրեցի՝ պահեն» (Մատթ., Գլ. ԻԸ, 18-20):

Գ. Հոգևոր իշխանության գոյությունն ապացուցվում է նաև առաքելական իշխանության գործադրության փաստերով, օրինակ՝ Պողոս առաքյալի օրենսդրական գործունեությամբ, ինչի արդյունքում հաստատվեցին ամուսնական օրենքներ, անհավատներին պատժելու հրամաններ, օրենքներ եկեղեցականների համար, պաշտոնակարգման կանոններ, հնազանդության պատվիրաններ և այլն:

Դ. Ավանդության ու եկեղեցական պատմության փաստարկներով հաստատվում է, որ բոլոր պատմաշրջաններում եկեղեցին ունեցել է ժողովրդին համախմբող, ուսուցանող, օրինադրող, կարգադրող և բարեկարգող իշխանություն:

Անդրադառնալով եկեղեցու վարչական ինքնությունը առարկող տեսակետներին՝ Օրմանյանը շարադրում է իր հայեցակետը **պետություն-եկեղեցի** հարաբերակցության, իշխանության գործառույթների և այլ հիմնահարցերի վերաբերյալ:

1. Կայսերական իշխանության գերակայության սկզբունքով՝ մինչև Կոստանդիանոս կայսեր կառավարումը եկեղեցին չի ունեցել անկախ վարչություն, և միայն քաղաքական իշխանության զորությամբ է կազմվել հոգևոր իշխանություն: Խնդիրը տարբեր հարթությունների վրա քննելով՝ Օրմանյանը հաստատում է, որ եթե այս համոզմունքով ձգտում են շեշտել քրիստոնյա կայսրերի՝ հոգևոր իշխանությանը պաշտպանելու քաղաքականությունը, որով եկեղեցին ազատ գործունեության իրավունք ստացավ հալածանքներից հետո, ապա այն կարելի է ընդունել: Իսկ եթե քաղաքական իշխանությունից անկախ հոգևոր իշխանության գոյությունը չեղյալ է հայտարարվում, այս տեսակետը միանշանակ պետք է հերքել, քանզի «արտաքին եւ բարեգործական այն օրէնսդրութիւնները զորս առաքեալք պատուիրեցին եւ սահմանեցին, Եկեղեցին ինքն էր որ հաստատեց առանց քաղաքական իշխանութեան միջամտութեան»[13]: Հետևաբար՝ եկեղեցու վարչական ինքնությունը վիճարկելի չէ:

2. Հրեական առարկությամբ՝ Քրիստոսը ձգտում էր անփոփոխ թողնել Հին Օրենքը, ուստի չէր կարող քաղաքական ատյաններից անկախ նոր իշխանություն ձևավորել իր եկեղեցում: Բանն այն է, որ առաքյալներին իշխանաշնորհելու պահին Քրիստոսը պատվիրեց պահպանել քրիստոնեական օրենսդրությունը, ինչով վերջ դրվեց հին քահանայապետական իշխանությանը: Խնդիրն առավել պարզաբանելու նպատակով Օրմանյանը պահանջում է քննել Հին Օրենքը, որում «քաղաքական կամ թագաւորական իշխանութիւնը բոլորովին զատ էր կրօնականէն կամ քահանայապետականէն, որովհետեւ Մովսէս իշխան ղրկուեցաւ ժողովուրդին, իսկ Ահարոն՝ քահանայապետ»[14]: Ուրեմն՝ կարող ենք եզրակացնել, որ ի սկզբանե նախասահմանված էր իշխանության բաժանումը հոգևորի և աշխարհիկի: Այս կարգը պահպանվեց «Դատաւորաց» և «Թագաւորաց» ժամանակներում ևս: Հին Օրենքին հետևելով ու Նորին համապատասխան՝ ազգերը սովորեցին ոչ թե միավորել, այլ բաժանել իշխանության աշխարհիկ ու հոգևոր գործառույթները:

3. Պատմաքաղաքական փաստերից բխեցվող առարկությամբ՝ հիշատակվում են այն դիպվածները, երբ եկեղեցական ժողովներն ու հայրապետները դիմում էին քաղաքական իշխանությանը՝ օժանդակելու եկեղեցական կանոնների գործադրությանը և արգելելու կեղծ քարոզչությունը: Այս իրողությամբ էլ փորձում են հաստատել այն անհիմն կարծիքը, թե «Եկեղեցին անգամ ճանչած եւ ընդունած է քաղաքական իշխանութեան իրավասութիւնը՝ կրօնական գործերու վրայ»[15]: Այս կարծիքն Օրմանյանը հերքում է՝ բացատրելով, որ իշխանության գործառույթներում անհրաժեշտ է հստակ տարբերակել օրինաստեղծումը և օրենքների գործադրությունը:

Կրոնադավանական խնդիրներ լուծելու բացառիկ իրավասությամբ օժտված են եկեղեցական ժողովները և հայրապետները, հետևաբար՝ որևէ որոշում չի կայացվել միայն քաղաքական իշխանության կամքով: Բայց ժողովներում վավերացված որոշումները գործադրելիս երբեմն ծագել են դժվարություններ՝ հակառակորդների կամ աղանդների ըմբոստության պատճառով: Ու քանի որ հոգևոր իշխանությունը չի իրականացնում պատժիչ գործառույթ, այս պարագայում արդարացվում է պետական մարմինների միջամտությունը: Ուստի՝ հոգևոր առաջնորդները «դիմած են աշխարհականութեան բազուկին, որ կարող է արտաքին բռնադատութեան միջոցներով գործադրել տալ օրէնքներն ու հրամանները»[16]: Երբեմն էլ աշխարհիկ իշխանությունն է «խոհական նախատեսութեամբ» գործակցել հոգևորականության հետ՝ ապահովելու ներպետական կամ ներազգային ներդաշնակություն:

Իշխանության ձևերի հարաբերակցության խնդրի Օրմանյանի փաստարկումներում ակնհայտ են նրա նպատակները. ա) պաշտպանել հոգևոր իշխանության իրավասությունները և ինքնօրինությունը, բ) պաշտպանել Հայ եկեղեցու անկախությունն ու իրավունքները, գ) պատմաքաղաքական փաստարկներով հաստատել հայ ժողովրդի ազգային-հոգևոր իրավասությունների վավերականությունն ու անօտարելիությունը օտար տիրապետության ներքո:

Օրմանյանը քննում է նաև հոգևոր ու աշխարհիկ իշխանությունների հարաբերակցության շուրջ օտար դիրքորոշումները: Մասնավորապես քննադատում է լատինական եկեղեցու քաղաքականությունը, որով շահարկվում է հռոմեացի հայրապետների՝ քաղաքական բազմադարյա իշխանությամբ օժտվածությունը: Դրանով եկեղեցին ձգտում

էր վարչական այնպիսի իրավակարգի, որը բացարձակ լիներ ոչ միայն կրոնական որոշումներում, այլև քաղաքական այն գործընթացներում, որոնք կարող էին ինչ-որ կերպ նախընթաց, համընթաց կամ հետընթաց առնչություն ունենալ կրոնական որևէ խնդրի հետ: Օրմանյանի դիտարկմամբ՝ այս սկզբունքի անընդմեջ գործադրման հետևանքով քաղաքական իշխանության ու ժողովրդի մոտ ձևավորվեց սխալ կարծիք. «ինչ որ կրօնական էր կամ եկեղեցական՝ այդ իսկ պատճառաւ կարծուեցաւ հակաքաղաքական ըլլալ, որովհետեւ քաղաքական օրէնքները ըստ ինքեան սկսան անմասն լինիլ եկեղեցական օրինաց հետ առնչութիւն ունենալէ. եւ... հետզհետէ... երկու իշխանութեանց միջեւ իրարու դէմ հակառակութեան մշտատեւ դրութիւն մը ստեղծուեցաւ»[17]:

Խնդրի իրավական հարթությունն առնչվում է քաղաքական աստվածաբանության սկզբունքներին: Հռոմեացի աստվածաբանները հիմնվում են IV դարի հայրաբան Ոպրադոս Մելիվացու այս դրույթի վրա. «Ոչ թէ հանրապետութիւնն է յեկեղեցւոջ, այլ եկեղեցին է հանրապետութիւն»: Օրմանյանի բացատրությամբ՝ **հանրապետություն (re-publicus)** հասկացությունը հին լատիներեն բառիմաստով նշանակում է «ամէն քաղաքական ընկերութիւն եւ ոչ թէ որոշ ձեւով կառավարութիւն մը»[18], այսինքն՝ հասարակության քաղաքական կազմակերպում՝ անկախ կառավարման ձևից: Դեռևս Կիկերոնը հանրապետություն ասելով՝ նկատի ուներ **պետությունը,** ավելի ճշգրիտ՝ «Հռոմում իրականացված պետականությունը»[19]: Ըստ Օրմանյանի՝ ողջ դժվարությունը ծագում է այն սխալ համոզմունքից, թե «եկեղեցական ընկերութիւնը պէտք է իշխէ քաղաքական ընկերութեան վրայ, կամ թէ եկեղեցականը պէտք է լինի ոչ միայն ազատ, այլ նաեւ զատ»[20], ինչը բնականաբար ընդունելի չէ, քանի որ հակասում է երկրային կեցության իրավահաստատումներին:

Քաղաքական և հոգևոր իշխանությունների իրավասությունները, գործառույթները, գործունեության բնույթն ու սահմանները նույնական չեն: Բայց երբ քաղաքական, մշակութային կամ այլ խնդիրների լուծման նպատակով անհրաժեշտ է դառնում երկու իշխանության միասնականությունը, նրանք պետք է համագործակցեն փոխհամաձայնությամբ ու ներդաշնակությամբ: Բացի այդ, մեկ պետության մեջ կարող են լինել կրոնական տարբեր միություններ, և այս պատճառով անտրամաբանական չէ ընդունել, որ եկեղեցական հաստատությունը ներառվում է քաղաքական հասարակության մեջ, թեև եկեղեցական հաստատություններն էլ կարող են հոգևոր հաղորդակցությամբ կազմել քաղաքականից առավել ընդարձակ կրոնական ընկերակցություն:

Այդպիսով՝ Օրմանյանը մերժում է հոգևոր ու աշխարհիկ իշխանությունների թե՛ միաձուլման, թե՛ բացարձակ տարանջատման հայեցակետերը: Հիմնահարցի լուծման բանալին իշխանությունների էության, իրավասությունների, խնդիրների ու գործառույթների ճշգրիտ տարբերակումն է, դրանց հարաբերակցության ներդաշնակությունը:

Ինչ վերաբերում է իշխանություններին քաղաքացիների հպատակությանը, ապա ելնելով Աստվածաշնչյան ճշմարտությունից՝ Օրմանյանը հաստատում է. «ծառայ մը չկրնար երկու ներհակ տէրեր միանգամայն գոհացընել... այսպէս ալ մարդ չկրնար միանգամայն գոհացընել զԱստուած և զաշխարհ, իրարու ներհակ նշանակութեամբ առնուած, բայց եթէ հպատակեցընելով աշխարհի գործերը աստուածային ուղղութեան»[21]:

Հայոց պետականության առկայությամբ երկու իշխանության միջև հպատակության ընտրության խնդիր չի ծագել: Ժողովուրդն ընդունել ու գնահատել է ազգանպաստ քաղաքականություն վարող հոգևոր ու աշխարհիկ կառավարիչներին, ինչպես գահընկեց արել դավաճաններին ու բռնակալներին: Մինչդեռ քաղաքական անկախության կորստի հետևանքով փոխվել է իշխանությունների հարաբերակցությունը: Սակայն հայերը երբեք չեն հանդուրժել օտար հոգևոր հպատակությունը:

Պատմաքաղաքական վերլուծության արդյունքում կարող ենք հաստատել, որ Քիստոնեության պաշտոնականացումից ի վեր հոգևոր ազատությունն ընկալվել է որպես ազգային ինքնության պահպանման հիմնապայման, որը դրսևորվել է որպես գիտակցված կողմնորոշում և ազգային քաղաքականության չափորոշիչ: Այս առումով է Օրմանյանը նշում, որ «Կրօնական պատերազմներ ընելը Հայոց պատմութեան յատկանիշ պարագաներէն մէկն է», և քրիստոնյաների հալածանքները Հայաստանում զանգվածային բնույթ չկրեցին, «վասնզի Հայոց բանակը իւր ծանօթ քաջութեանը կը միացնէր քրիստոնէական եռանդը»[22]: Հոգևոր-գաղափարական անկախության անօտարելիությունը հայ հոգևոր իշխանությունը հռչակեց որպես **ազգային ինքնորոշման հենք:** Այս իրողությունը բազմիցս ապացուցվել է միջպետական-միջեկեղեցական բանակցություններում: Ընդ որում՝ դիվանագիտական բանակցություններում կրոնի ազատությունը միշտ եղել է քաղաքական պայմանագրերի կնքման պարտադիր պահանջներից մեկը[23]: Ուստի՝ անհիմն է այն կարծիքը, թե «Հոգևորականութեան այդ եռանդուն գործունէութեանը միանգամայն խորթ էր ազգային գաղափարը: Հէնց այդ գաղափարի բացակայութեամբ էլ հասկանալի է, թէ ինչու այնպիսի անտարբեր վերաբերմունք ցոյց տվեց հայ յիերոկրատիան երկրի քաղաքական անկախութեան ոչնչացմանը Արշակունեաց տան անկումով»[24]: Հակառակը, հոգևոր իշխանությունն ազգամետ գործնական քաղաքականությամբ կարողացավ հնարավորինս փոխարինել պետական իշխանությանը:

Օրմանյանն արժեվորում է աշխարհիկ ու հոգևոր այն գործիչներին, ովքեր քաղաքական բանակցություններում ազգի կեցութային հիմքերը երբեք չեն դարձրել հարկադրական զիջումների օբյեկտ՝ լինելով «Հայ քագաւորութեան և Հայ եկեղեցւոյ **հայկական տիպարը** պահելու աշխատող (ընդգծումը. – Լ.Ս.)»[25]: Հույժ կարևոր էր նաև նրանց իրավական քաղաքականությունը, որի շնորհիվ դարեր շարունակ ներազգային իրավահարաբերությունները կարգավորվել են ազգային (աշխարհիկ ու կանոնական) օրենքներով: Հոգևոր իշխանությունը մի կողմից օժանդակել է տեղական իշխանապետությունների ինքնավարությանը, մյուս կողմից՝ պաշտպանել «կենտրոնական» իշխանության գերակայության գաղափարը՝ չեզոքացնելով որոշ սուբյեկտների կենտրոնախույս ձգտումները, ինչպես «բաժանեալ իշխաններու միաբանական կապը պահելով, և պատշաճ խրատներով զիրենք քաջալերելով»[26]: Իսկ Հայաստանի քաղաքական բաժանումից հետո «կաթողիկոսներն էին, որ երկու մասերը քաղաքական և արտաքին յարաբերութիւններով իրարու կցելու միջնորդներն էին»[27]: Նրանցից ոմանց նույնիսկ հաջողվել է օտար կառավարություններից մղել քաղաքացիական որոշ ազատությունների շնորհման քաղաքականության: Հայտնի է նաև ազգային-ազատագրական պայքարին հայ հոգևորականների մասնակցությունը: Որպես նշված պայքարի գաղափարախոսներ՝ նրանք հիմնավորել են

օտար զավթողականության դեմ ազգային ապստամբության անհրաժեշտությունը, օրինականությունը և արդարացիությունը:

Օրմանյանը քննարկում է պետության՝ որպես հասարակության քաղաքական կազմակերպության ձևի, կառավարման ձևերի ու եղանակների, իշխանության միասնականության ու բաժանման սկզբունքները: Պետության ձևը պայմանավորված է նրա ծագման ու կայացման պատմական որոշակի պայմաններով, ազգաբնակչության կազմով, ազգային ավանդույթներով և այլ գործոններով: Պետության ձևը բնութագրում է պետական կառույցը, կառավարման ձևը և պետաիրավական վարչաձևը: Օրմանյանի բնորոշմամբ՝ յուրաքանչյուր հասարակություն կազմակերպվում է բարոյական ու քաղաքական կապակցություններով, որոնք կենտրոնանում են «կէտի մը վրայ՝ որուն կը յանգին յարաբերութեան բոլոր ճառագայթները: Երբ այդ կեդրոնը միակ է եւ անոր... կը յանգին ուղղակի բոլոր յարաբերութիւնները, **պարզ** կը կոչուի այդպիսի կեդրոնի մը շուրջ կազմուած ընկերութիւնը»[28]: **Դաշնային** (ֆեդերատիվ) պետությունը բարդ ամբողջություն է, որի վարչատարածքային միավորները որոշակի իշխանությամբ օժտված պետական կազմավորումներ են. «եթէ անմիջական կեդրոնները, իբր երկրորդական կեդրոններ, կը միաւորուին ուրիշ եւ գլխաւոր կեդրոնի մը շուրջը, այն ատեն ընկերութիւնը կը կոչուի **բաղադրական,** ինչպէս են մեծագոյն պետութիւն մը կազմելու համար դաշնակցային դրութեամբ միաւորուած պետութիւնները, եւ գլխաւոր կեդրոն մըն ալ՝ ընդհանուր եւ արտաքին վարչութեան համար»[29]:

Ըստ Օրմանյանի՝ եկեղեցին նույնպես «բաղադրական ընկերութիւն» է, քանի որ «Իւրաքանչիւր ազգի կամ աշխարհի մասնաւոր եկեղեցիներն ալ ունին իրենց սեփական կեդրոնները՝ որոնք են հայրապետութիւնները, եւ ունին Քրիստոսի Եկեղեցւոյն միութեան ընդհանուր կեդրոնը՝ որ բովանդակ Եկեղեցիներու Տիեզերական Ժողովն է»[30]: Իհարկե, Հայ եկեղեցին որպես այդպիսի կենտրոն ընդունում է միայն առաջին երեք Տ.Ժողովների հեղինակությունը:

Օրմանյանը հաստատում է կառավարման ձևերի **պատմականությունը,** դրանց հաջորդափոխությունը՝ պարզագույն ձևից մինչև իրավական պետություն. «հայրական իշխանութիւնը կամ զօրութիւնը ընդարձակուելով նահապետական դարձաւ, նահապետականը իշխանականի փոխուեցաւ, իշխանականը թագաւորական եղաւ, թագաւորականը պայմանադրականի անցաւ, պայմանաւորականը օրինական կազմակերպուեցաւ... և այսօր մարդկային ընկերութեանց մէջ օրէնքը գերագոյն զօրութիւն եղաւ»: Իրավական պետության էական հատկանիշը օրենքի առջև բոլորի հավասարությունն է, «որով ոչ միայն անհատ անհատի, հանրութիւն հանրութեան, ընկերութիւն ընկերութեան, այլ մինչև իսկ անհատը իր կառավարութեան դէմ օրէնքի զօրութեամբ իրաւունք պահանջելու և խնդիր լուծելու բաց ճանպայ մը ունի իր առջև»[31]:

Հիմնվելով ավանդական և իր ժամանակի քաղաքական տեսությունների վրա ու հետազոտելով տարբեր պետությունների կառուցակարգը՝ Օրմանյանը կառավարման ձևերի **ճիշտ** կամ **սխալ** լինելը հիմնավորում է պետության կայացման օրինականության, հասարակական բարօրության, ժողովրդի ու պետության անվտանգության, կառավարողների բարոյաքաղաքական նկարագրի և այլ սկզբունքների ու գործոնների հաշվառմամբ: Ըստ նրա՝ կառավարման հիմնական ձևերն են **միապետությունը** և **հանրապետությունը,**

որոնց նպատակահարմարությունը որոշվում է պատմական զարգացումներով, ժողովուրդների բնական միտումներով, քաղաքական ու հոգևոր կեցությամբ: Միանշանակ մերժելի են **բացարձակապետությունն** ու **աստվածապետությունը՝** իբրև անխտիր բոլոր ազգերին անընդունելի կառավարման ձևեր, որոնց առկայությամբ ժողովրդի բարօրությունը երբեք չի դիտվում պետության գերագույն նպատակ:

Կառավարման առավել չափավոր ձև Օրմանյանը համարում է **սահմանադրական միապետությունը՝** հիմնված դասային-ներկայացուցչության վրա: Այն կառավարման անցումային ձև է, որին քաղաքական զարգացումների արդյունքում փոխարինում է **ժողովրդական ներկայացուցչական սկզբունքով խորհրդարանական կառավարումը:** Վերջինը բոլոր ձևերից լավագույնն է, քանզի այս պարագայում բացառվում են բոլոր տեսակի խտրությունները, և հնարավոր է դառնում իրական ժողովրդավարությունը: Սակայն կառավարման այս մոդելի իրականանալի լինելը կախված է տվյալ ժողովրդի իրավաքաղաքական մշակույթից, սահմանադրական արժեքների ընկալման աստիճանից և դրանք կենսագործելու պատրաստականությունից: Օրմանյանը իրավամբ հաստատում է, որ կառավարման թեկուզ ոչ կատարյալ եղանակով գործող պետությունը գերադասելի է կեղծ ժողովրդապետությունից, որում բացառվում է քաղաքական որևէ զարգացում, և հասարակությունն ընկնում է խոր ու երկարատև ճգնաժամի մեջ:

Սահմանադրական կառավարման սկզբունքներից գլխավորը **իշխանությունների բաժանման և պետական (կամ ազգային) իշխանության միասնականության պահպանման ներդաշնակ հարաբերակցության սկզբունքն է:** Պետական իշխանության միասնությունը դրսևորվում է կառավարման տարբեր մարմինների՝ միասնական համակարգով իրականացված իշխանությամբ: Առանց դրա հնարավոր չէ լուծել համապետական խնդիրներ: Միասնական իշխանությունը գործառում է երեք ճյուղով՝ օրենսդիր, գործադիր և դատական, որոնք տարանջատված են իրավասություններով, հարաբերական անկախությամբ, բայց փոխկապված են որոշ գործառույթներով ու պատասխանատվությամբ:

Ըստ Օրմանյանի՝ «Օրէնսդրականը այն իշխանութիւնն է, որով մէկը իրաւունք կ'ունենայ կարգադրութիւններ ընելու ընկերութեան նպատակին համաձայն, ընկերութեան անդամներուն վերաբերութեամբ»: Սահմանման մեջ շեշտվում է օրենսդիր իշխանության երկու էական հատկանիշը՝ օրինաստեղծման և հրամայելու իրավունքները, ինչպես նաև օրենսդրական գործընթացի պարտադիր համապատասխանությունը հասարակության (պետության կամ ազգի) համընդհանուր նպատակին: Հաստատելով, որ **պետական ինքնիշխանության գլխավոր սուբյեկտը օրենսդիր իշխանությունն է՝** նա եզրակացնում է. «Օրէնսդրականն է բուն էական կէտը իշխանութեան, վասնզի առանց կարգադրութիւններ ընելու իրաւունքին՝ չի կրնար ըմբռնուիլ իշխանութիւնը»[32]: Այս իրավունքով դրսևորվում է օրենսդիր իշխանության գերակայությունը մյուս ճյուղերի նկատմամբ. օրենսդիրը պատասխանատու է միայն իրեն ընտրող քաղաքացիների առջև, իսկ գործադիր ու դատական գերատեսչությունները՝ օրենսդիրի առջև:

Գործադիր իշխանությունը նույնպես բնորոշվում է ուրույն գործառույթներով. «Բռնադատականը (գործադիր. – Լ.Ս.) այն իշխանութիւնն է, որով մէկը իրաւունք կ'ունենայ այլեւայլ հոգեւոր կամ մարմնաւոր միջոցներով ստիպել իր իրաւասութեանց ներքեւ եղողները՝ ընդունելու իրեն համար եղած կարգադրութիւնները»[33]: Գործադիր

իշխանության էական հատկանիշներն են՝ օրենքները գործադրելու հարկադրանքի ուժը (նյութական միջոց) և համոզմունքի զորությունը (հոգևոր միջոց): Ընդ որում, առաջին միջոցը պետք է կիրառել հույժ անհրաժեշտության դեպքում: Պատժիչ համակարգն առավել հաճախ գործառվում է այն հասարակություններում, որտեղ ցածր է բարոյական ու իրավական գիտակցության մակարդակը:

Օրմանյանը մեկնաբանում է նաև դատական իշխանության գործառույթները. «Դատողականը՝ այն որ իրաւունք ունի քննելու գործոց պարագաները եւ օրինաց ու արդարութեան սկզբանց համեմատ վճիռներ արձակելու»: Դատական ատյաններն օժտված են հատուկ՝ դատաքննչական ու դատավարական իրավասություններով և դատավճռի բացառիկ իրավունքով: Վերջինը միաժամանակ պարտավորություն է՝ հիմնված օրինականության ու արդարության սկզբունքների վրա:

Իշխանության ճյուղերը տարբերվում են դրանց հարաբերական անկախությունը երաշխավորող իրավասություններով, և «այդ եռատեսակ իրաւունքները կը բխին իրական եւ կատարեալ իշխանութեան գաղափարէն», մինչդեռ բացարձակ՝ չտարանջատված իշխանությունն անկատար է, անարդար և ոչ օրինական: Իշխանությունների բաժանման սկզբունքը գործում է նաև հոգևոր իշխանության վարչակարգում, քանի որ «Եկեղեցւոյ իշխանութիւնը կը պարունակէ օրէնսդրական, բռնադատական եւ դատողական իրաւունքները համանգամայն»[34]:

Այդպիսով՝ **սահմանադրական իշխանությունը ենթադրում է ոչ միայն իշխանության առանձին ճյուղերի բաժանում, այլև դրանց փոխկապվածություն, հավասարակշռություն ու ներդաշնակություն:** Այս ամենն ապահովվում է «հակակշիռների ու զսպումների» ճկուն համակարգով: Իշխանության ճյուղերի բացարձակ անկախության պարագայում պետական (կամ ազգային) իշխանությունը կարող է կենտրոնանալ դրանցից մեկի ձեռքում, ինչը կհանգեցնի չարաշահումների: Դրանք կանխելու լավագույն միջոցը պատասխանատվության սկզբունքի, զսպումների մեխանիզմի անխափան կիրառումն է:

Ըստ Օրմանյանի՝ իշխանությունների փոխկապվածության ու ներդաշնակ համագործակցության հիմքը իրավունքների ու պարտականությունների փոխադարձության սկզբունքն է. «Երբ իրաւունք կ'ըսենք, կը հասկնանք փոխադարձ պարտականութիւնները»: Եթե քաղաքացիները կամ հպատակները չունեն օրենսդիրների սահմանած օրենքները կատարելու պարտականություն, ապա «կարգադրութեան իրաւունքը կը դառնայ անգոյ»: Պարտավորությունը ևս երևութական կլինի, եթե չլինեն պարտավորիչ ու հարկադրական միջոցներ. «Ուստի առանց բռնադատական իշխանութեան՝ պիտի չըլլար իշխանութիւն, եւ բռնադատական իշխանութիւնը պիտի չըլլար արդար՝ եթէ չլինէին քննութեան եւ վճռի իրաւունք, որ է դատողական իշխանութիւն»[35]:

Կարելի է եզրակացնել, որ քաղաքական վերոհիշյալ հայեցակետերը համահունչ են Անտիկ դարաշրջանում ձևավորված ու Նոր ժամանակում յուրովի մեկնաբանված իրավական պետության հիմնագաղափարներին:

Օրմանյանի հայեցակարգում առկա են իշխանության սուբյեկտի, նրա իրավասությունների սահմանների, պարտականությունների և պաշտոնավարման սկզբունքների ուշագրավ մեկնաբանություններ: Նրա սահմանմամբ՝ «Իշխանութեան ենթական կամ

իշխանաւոր անձը... կը կոչուի պաշտօնեայ, այն պարտականութեանց համար՝ զորս յանձն կ'առնէ հասարակութեան բարին հոգալու տեսակէտով»[36]: Վերահաստատելով անտիկ փիլիսոփաներից ժառանգած դրույթը՝ «Կառավարումը արվեստ է», նա դրա էությունը բացահայտում է կառավարչի՝ պետությանն ու ժողովրդին հավասարապես և առավելագույնս ծառայելու կարողունակությամբ, եթե անգամ պետաքաղաքական գործող կարգը լավագույնը չէ:

Աշխարհիկ իշխանության իրավասուբյեկտը կառավարող մարմիններն են, իսկ պետականության բացակայության պարագայում՝ ազգային վարչությունը: Պետության գործառնության արդյունավետությունն Օրմանյանը պայմանավորում է կառավարման արվեստին տիրապետող պաշտոնյաների ընտրակարգով, ընտրողների իրավագիտակցության մակարդակով, քաղաքական ակտիվությամբ, ընտրություններին մասնակցության աստիճանով և այլն: Նրա համոզմամբ՝ լավագույնը ժողովրդավարական-սահմանադրական սկզբունքներով գործող ընտրակարգն է, որի օրինականության ու արդարացիության չափանիշն ու երաշխիքը պետական (կամ ազգային) իշխանությանը ժողովրդի առավելագույն մասնակցությունն է[37]: Աշխարհիկ պաշտոնների թեկնածության առաջադրումը, ժողովրդի քաղաքական կամքի արտահայտումն ու ընտրություններին պետական մարմինների միջամտության գործոնը առնչվում են **հանրային** և **քաղաքացիական** իրավունքների հարաբերակցությանը: Պետական (հանրային) իրավունքի սահմանը քաղաքացիական իրավունքներն ու ազատություններն են: Եվ որքան վերջինները պաշտպանված են սահմանադրական իրավակարգով, այնքան նվազ է պետական միջամտությունը հասարակական կյանքին:

Հոգևոր իշխանության սուբյեկտի իրավասությունները «որոշուած են կամքովը ու իրաւունքովը Եկեղեցին Հիմնողին և Հաստատողին, որ է Քրիստոս»: Աստվածային կամքով նաև «հաստատուած է այդ իշխանութեան շարունակութիւնը»: Ելնելով Հայ եկեղեցու ավանդական սահմանակարգից՝ Օրմանյանը նշում է հոգևոր իշխանափոխության ու հաջորդականության պատմական երկու ուղին. ա) **ժառանգական**, բ) **ընտրովի**[38]:

Հարկ է նշել, որ հոգևոր իշխանության սերնդական ժառանգորդումը որպես կանոնական օրենք ընդունված չի եղել Հայ եկեղեցում, սակայն հանուն ազգային շահերի պաշտպանության՝ այն իբրև **սովորութային իրավունք** շուրջ մեկ դար գործառել է Գրիգոր Լուսավորչի որդիների ու նրանց հաջորդող տոհմակիցների հայրապետության ժամանակ և ավելի ուշ՝ Պահլավունի ազգատոհմի իշխանավարության օրոք:

Այս իրողությունը տարբեր կերպ է մեկնաբանվել: Այսպես, Խ. Սամուելյանը իշխանության ժառանգորդման սկզբունքը պայմանավորում է հոգևոր դասի ավատականությամբ, հողային սեփականությամբ, ինչն իբր «հիմք է կազմում հայրապետական ու եպիսկոպոսական աթոռների ժառանգական իրաւունքին»[39]: Ավելին, նրա կարծիքով՝ «կաթողիկոսների ընտրութիւնը տեղի էր ունենում ոչ թէ ընտրական սկզբունքի կամ որևէ Ժողովրդապետական հայեցքների հիման վրայ... այլ լոկ տիրող դասակարգերի քաղաքական շահերի ու հանգամանքների տեսակէտով»[40]: Բանն այն է, որ Սամուելյանը խնդիրը հետազոտում է մարքսիստական սոցիոլոգիական մեթոդաբանությամբ՝ իբրև մեկնակետ ընդունելով դասակարգային պայքարի ու տնտեսական գործոնի առաջնայնության սկզբունքները: Դրա հետևանքով՝ ազգային-քաղաքական շահերն անտեսվում

կամ ստորադասվում են ազգային կեցության մեջ երկրորդական նշանակություն ունեցող խնդիրներին: Իսկ ինչ վերաբերում է եկեղեցապատկան սեփականությանը, հայտնի է, որ այն դարերով ծառայեցվել է կրթամշակութային, բարենորոգչական, բարեգործական և այլ նպատակների:

Հակառակ տրամաբանությամբ, այսինքն՝ ազգային-քաղաքական գործոնի առաջնայնության սկզբունքից ելնելով՝ Օրմանյանն արդարացնում է իշխանության ժառանգորդման ավանդական իրավունքը, որի գործադրման նպատակահարմարությունն ընդունելի էր և՛ ժողովրդին, և՛ իշխող ընտրախավին: Կարևորվում էին նաև կաթողիկոսից պահանջվող օրինական արժանիքները. «Նկատի պէտք է առնել ազգին մէջ տիրացած փափաքն ու կարծիքը, որ Լուսաւորչին արենակցութեան վրայ հիմնած էր արժանաւորության և արդիւնաւորութեան գերագոյն փաստը»[41]: Հատկանշական է նաև Փ. Բուզանդի վկայությունը. առաջնորդ ընտրելիս «Բոլորը միաբան որոշեցին, որ նույն Գրիգորի իշխանության տնից գտնեն մեկին, որ իր հայրերի աթոռը նստի»[42]:

Հոգևոր իշխանության Ժառանգորդման իրավունքը գործող գաղափար դարձավ նաև Պահլավունիների օրոք. Գրիգոր Վկայասերից սկսած՝ հայոց յոթ հայրապետներն այս ազգատոհմից էին, ինչը վկայում է, որ նոր պատմաշրջանում հին սովորույթի վերաօրինականացման անհրաժեշտությունը բխում էր քաղաքական առկա կեցությունից: Ընդ որում՝ ազգատոհմի առավելության սկզբունքը չէր հակասում ընտրվողի արժանավորության պահանջին. բարոյական առաքինությունների անբավարարության պարագայում տվյալ անձի թեկնածությունը մերժվում էր:

Ժառանգորդման սկզբունքից զատ, Օրմանյանն արժեվորում է Հայաստանում կիրառված կաթողիկոսի աթոռակցության սկզբունքը, որի էությունը Մայրաթոռի իշխանության անընդհատությունը պահպանելն էր, հատկապես՝ պետականության անկումից հետո: Այն ենթադրում էր աթոռակալ-փոխանորդների նշանակում. «նոյն ինքն կաթողիկոսներն էին, որ իրենց կամքով աթոռակիցներ կ'որոշէին և կ'օծէին, և անոնց կամքովը միայն կը լրանար նոր կաթողիկոսի ընտրութեան գործը»[43]: Կաթողիկոսի մահվանից հետո ավագ աթոռակիցը ժառանգում էր աթոռակալության իրավունքը:

Աթոռակցության սկզբունքը կարևոր նշանակություն ունեցավ հայոց հոգևոր իշխանության իրավասությունների պահպանման, հայրապետական Աթոռի գործառույթներին օտար կառավարությունների միջամտության բացառման, հայ գաղթօջախների միջև հոգևոր-մշակութային առնչությունների սերտացման և այլ առումներով:

Ազգային կյանքում մեծ դեր է ունեցել նաև Հայ եկեղեցու սահմանած հատուկ **նվիրակության կարգը**, որի համաձայն՝ Մայրաթոռի նվիրակներն իրականացրել են տարբեր գործառույթներ. ա) հոգևոր հարաբերակցության հաստատում հայության՝ քաղաքականապես բաժանված մասերի միջև, բ) ազգային խնդիրների վերաբերյալ տեղեկատվության հավաքում բուն Հայաստանում և հայ համայնքներում, գ) նվիրատվություն, դ) հոգևոր աստիճանների ու պարգևների շնորհաբաշխում, ե) խաղաղարարմիջնորդական գործունեություն՝ ներազգային երկպառակությունները կանխելու կամ դադարեցնելու նպատակով:

Օրմանյանն առավել արժեվորում է հոգևոր իշխանափոխության **ժողովրդավարական ընտրակարգը**՝ սահմանված եկեղեցական իրավունքով: Նա քննում է այն հարցը, թե

հոգևոր պաշտոնյաները պարզապես գործադիր իշխանության ժամանակավոր ներկայացուցիչն են՝ հասարակության մյուս անդամներից չունենալով որևէ տարբերություն, թե կազմում են առանձին դաս: Ըստ նրա՝ սոցիալական հատուկ կեցությամբ ու իրավասություններով հոգևորականությունն էապես տարբերվում է աշխարհիկ դասից, և նրանց գործառույթները նույնական չեն: Նա հոգևոր իշխանության յուրահատկությունը բացատրում է մարդու մարմնի համանմանությամբ. ինչպես որ մարմինը բազմանդամ է, և յուրաքանչյուր անդամ ունի հատուկ գործառույթներ, ու հնարավոր չէ դրանք շփոթել, այդպես էլ տարորոշված են պաշտոնավարման աշխարհիկ ու հոգևոր ձևերը:

Հոգևոր իշխանության տարատեսակներն են՝ ա) առաքելական՝ քրիստոնեության հաստատման ու ծավալման, բ) քահանայական՝ հավատացյալների հոգևոր հաղորդակցության, գ) հովվական՝ եկեղեցու կառավարման համար: Մեկ այլ բաժանմամբ Օրմանյանը նշում է երկու ձև՝ վարչական և ուսուցչական: Վարչականն այն իշխանությունն է, որն օժտված է օրինաստեղծման, հրամայելու, օրենքները գործադրելու և մասնավոր խնդիրներ լուծելու իրավասություններով: Ուսուցչական իշխանության իրավունքը «յատկապէս Եկեղեցւոյ բնութենէն կը բխի, եւ... հաստատուած է անկէ՝ որ հեղինակն է ճշմարիտ յայտնութեան եւ որ աւանդեց տեսական եւ գործնական ճշմարտութիւնները, որոնք կարեւոր են մարդուն համար՝ կատարեալ բարոյականութեան և կրօնականութեան տեսակէտով»[44]: Ուսուցչականը ևս ունի օրենսդրական, գործադրական ու դատական գործառույթներ, որոնք Օրմանյանը կոչում է «վկայական, դատողական և վարդապետական»: Որպես վկա՝ հոգևոր իշխանությունը հաստատում ու պահպանում է աստվածային ճշմարտությունը: Որպես դատավոր՝ վճռում է այն բարդ խնդիրները, որոնք ծագում են գերբնական, բնական, տեսական ու բարոյական ճշմարտություններն ընկալելիս: Իբրև վարդապետ՝ հաղորդում է տեսական ու գործնական գիտելիք և իրականացնում դաստիարակչական աշխատանք:

Օրմանյանը քննարկում է նաև իշխանության անսխալականության հիմնահարցը, որը վերաբերում է իշխանության գործունեության ու հեղինակության հանդեպ ժողովրդի վստահությանը:

Քաղաքական (պետական) կառավարման համակարգում իշխանության անսխալականությունը ենթադրում է, որ «գործերն ու կարգադրութիւնները բացարձակ ուժ ունին մեզի համար՝ որ կը մտածուի թէ ճշմարտապէս սահմանուած են հասարակութեան օգտին համար»: **Դատական** ատյաններում անսխալականությունն ապացուցվում է եռաստիճան կարգով, այսինքն՝ նախաքննիչ ատյանի վճիռը փոխանցվում է վերաքննիչ ատյանին, իսկ բողոքարկման դեպքում՝ վճռաբեկ դատարանին, և «ատով կը դադրին վերաքննութեան շաւիղները, որովհետեւ գործնականապէս կ'ենթադրուի թէ վերջին վճիռը ա՛ն ուղիղ է եւ սխալանքէ զերծ»: Այս կարգը Օրմանյանը անվանում է **իրավական,** այսինքն՝ «անսխալ», մինչդեռ **հոգևոր** իշխանության համար բավարար չէ միայն իրավական անսխալականությունը, քանզի այն պետք է լրացվի **իրական** անսխալականությամբ, «որ է ըսել թէ Եկեղեցին զերծ է սխալանքէ ոչ թէ ենթադրութեամբ, այլ՝ իսկութեամբ»[45]: Եկեղեցի՛ն է քրիստոնեական ճշմարտության ավանդապահը և այն անսխալ ուսուցանողը: Բանն այն է, որ եկեղեցին և պաշտոնյան նույնական չեն. ուսուցչական կամ վար-

չական անսխալ իշխանությունն անձնավորել հնարավոր չէ, ինչպես ձգտում է հռոմեական եկեղեցին՝ միայն պապի անձի մեջ տեսնելով անսխալականությունը:

Հայ իրավաքաղաքական մտքի յուրահատուկ դրսևորումներից է Հայ եկեղեցու վարչական կազմակերպության այն սկզբունքների մեկնությունը, որոնց գործադրությունը հիմք է ստեղծել եկեղեցին անվանել **ազգային ու ժողովրդավարական հաստատություն:** Յուրաքանչյուր ժողովրդի ազգային կեցության մեջ եկեղեցին բնորոշվում է ինքնատիպ որոշարկումներով: Բ. Կյուլեսերյանի համոզմամբ՝ «Հայ ժողովուրդին համար իր եկեղեցւոյն ազգայնացումը եւ ժողովրդականացումը, կը նշանակէ թէ կրօնքը կամ հոգեւոր կեանքը նոյնացած է իր ընկերային կեանքին հետ: Ասիկա երեւոյթ մըն է Հայ Ազգին պատմութեան մէջ, աննման երեւոյթ մը...»[46]: Իրավամբ կարող ենք հաստատել, որ Հայաստանում քրիստոնեությունը վերածվեց ազգային-քաղաքացիական վարդապետության:

Օրմանյանի դիտարկմամբ՝ հայ հոգևոր պաշտոնյաները ժողովրդից զատված չեն եղել: Հայ եկեղեցու ժողովրդավարական էությունը դրսևորվում է կանոնական ընտրակարգով հաստատված սկզբունքներով, որոնք հռչակվել են հայրապետական ընտրությունների նախընթաց օրերին: **Ժողովրդավարությունը ենթադրում է համազգային մասնակցություն ընտրություններին**, ինչն իբրև անխախտ օրենք արտացոլված է հայոց հայրապետի ընտրականոնում. «պարտ եւ արժան է միտ դնել, զի լինիցի ընտրութիւնն ըստ սահմանի կաթուղիկէ Եկեղեցւոյ, մի՛ ինքնագլուխ եւ մի՛ գաղտնագողի ձեռնադրութեամբ եւ մի՛ կաշառօք... Այլ պարտ է առնել զընտրութիւնն համօրէն ժողովրդովք հայաստան ազգիս՝ հանդերձ ամենայն ժառանգաւորօք եկեղեցւոյն մերոյ որ իցեն ընդ ամենայն աշխարհ, ի Տաճկաստան. ի Ռուսաստան. ի Պարսկաստան. ի Հնդիկս եւ ի զանազան կողմանս Եւրոպա եւ Ասիոյ եւ այլոց մասանց աշխարհի»[47]:

Հայ եկեղեցում ժողովուրդն իրավազուրկ տարր չէ, այլ վարչական իրավահարաբերությունների սուբյեկտ է: Սակայն այս իրողությունը միանշանակ չի ընդունվել գերտերություններում: Ռուսաստանում թեմական կամ գավառական վարչության ընտրություններին մասնակցելու իրավունքը վերապահված էր եկեղեցականներին, իսկ աշխարհիկ դասն ընտրելու իրավունք չուներ: Ռուսական կառավարությունը մերժում էր վավերացնել ազգային այն արտոնությունները, որոնց գործադրությունը թույլատրված էր նույնիսկ օսմանյան պետության պետական օրենքներով: Քննադատելով ազգային միասնությունը խաթարող ռուսական պետական քաղաքականությունը՝ Օրմանյանը մերժում է նաև կաթոլիկ հասարակությանը բնորոշ կղերական բացարձակապետությունը և հավաստում. «Աշխարհականներուն եկեղեցական վարչութեան մասնակցելու իրաւունքը Հայոց Եկեղեցւոյ առաջին դարերէն սկսելով կը տեսնուի պատմութեան մէջ, և իւր արմատներն հաստատուած են քրիստոնէութեան ճշմարիտ և նուիրական աւանդութեանց մէջ»[48]: Նրա համոզմամբ՝ Հայաստանում աշխարհիկ ու հոգևոր դասերի համագործակցությունը կանխել է երկու խոշոր վնաս, որոնք Արևմուտքում վտանգել են եկեղեցու հեղինակությունն ու իրավունքները, այն է՝ կղերականությունն ազգային գործերում և անտարբերությունը հոգևոր արժեքների նկատմամբ:

Այդպիսով՝ Հայ եկեղեցին մյուս եկեղեցիներից էապես տարբերվում է գաղափարների ազատամտությամբ, ազգայնական բնությամբ, վարչության կազմակերպման ժողո-

վըրդավարական սկզբունքներով և ազգային գործունեությամբ: Այս հետևությունը հաստատվում է Բ. Բարեյլի կշռադատությամբ. Հայաստանում «Եկեղեցին և Ազգը միևնոյն և միակ հաստատութիւն մը կը կազմեն», և վերջապես՝ «երկու տարրերը այնպէս իրարու խառնուած և իրարու մէջ թափանցած են, որ կարծես թէ Հայ ազգին համար կազմուած է Ազգային Եկեղեցի բացատրութիւնը»[49]:

Հայ եկեղեցու ժողովրդավարական էությունը դրսևորվում է նաև ազգային-եկեղեցական խնդիրներն **ազգային համաձայնությամբ՝** ներկայացուցչական սկզբունքով գումարվող սահմանադիր ժողովներով որոշելու կանոնակարգով: Ընդ որում՝ անհրաժեշտ է հիշել, որ սահմանադրական այս մշակույթը սկզբնավորվել է առաքելական գործունեությամբ և ո՛չ Նոր ժամանակի հեղափոխական-քաղաքական գործընթացներում:

Օրմանյանի քաղաքագիտական փաստարկումներում հատկապես շեշտվում է կաթողիկոսական ընտրակարգին վերաբերող երկու սկզբունք՝ **օրինականության և արդարացիության:** Օրինականը թեկնածուների օգտին քվեարկված ձայների պարզ առավելությունն է: Բայց առավել կարևոր է **արդարացի ընտրությունը,** քանզի հայոց հայրապետն ընկալվում է որպես հայրենիքի, ազգի ու եկեղեցու իրավապաշտպան: Արդարության սկզբունքի գործադրությունը սկսվում է թեկնածուների առաջադրումից: Հաշվի են առնվում ոչ միայն թեկնածուի անձնական արժանիքները, այլև ազգօգուտ գործունեությունը, քաղաքական իմաստնությունը, ազգային իրավունքները պաշտպանելու փորձառությունը, ժողովրդական հեղինակությունը և այլն:

Օրմանյանը ժողովրդին հորդորում է, որ պետք չէ կաթողիկոսական ընտրությունը ենթարկել «քուէից մրցման և միոյ կամ երկու քուէի առաւելութեան տկար յաղթանակին», ինչպես հաճախ լինում է աշխարհիկ պաշտոնյաների ընտրության արդյունքը, և «դժուարին է կաթողիկոսական Աթոռոյն բարձրացնել անձ մը, որոյ անուան շուրջը քննադատութիւններ կը յաճախեն»[50]: Հետևաբար՝ արդարության սկզբունքը ենթադրում է **ազգային համաձայնության** ձևավորում ընտրվող անձի անվան շուրջ, հատկապես ազգի քաղաքական մասնատվածության պարագայում: Ունենալով ձայների առավելություն՝ արևմտահայությունը չպետք է աշխարհի բոլոր հայերին անխոհեմ կամայականությամբ պարտադրի ընտրել իր նախընտրած թեկնածուին: Դրա հետևանքը ներազգային գժտություններն է, ինչից էլ օգտվելով՝ ռուսական գերատեսչությունները քաղաքական ազդեցությամբ կփոխեն ընտրության ընթացքը:

Ժողովրդի ձայնը որոշիչ է նաև հակազգային քաղաքականություն վարող հայրապետներին դատապարտելիս: Բայց այս դեպքում ևս չպետք է խախտվեն օրինականության ու արդարության սկզբունքները: Հայ եկեղեցու պատմությունը վկայում է, որ եղել են մեծարված ու արդարացված, ինչպեսև քննադատված ու պաշտոնանկ արված հայրապետներ: Օրմանյանի հավաստմամբ՝ Հայ եկեղեցին իշխանությունը երբեք չի հանձնել որևէ աթոռակալի «տիրապետական կամքին»: Նրա գործունեությունը քննարկվել է վերահսկիչ իրավասությամբ օժտված Ազգային ժողովներում: Ուստի՝ «ամէն պարագայի մէջ անհրաժեշտ կը նկատենք, որ գահընկէցութիւնը քննութեամբ և վճռով, կանոնական օրէնքով և ժողովական հեղինակութեամբ պէտք է տեղի ունենայ, որպէսզի կաթողիկոսը օրինաւորապէս գահընկէց սեպուի, և տեղը անցնողը հակաթոռ մը չնկատուի»[51]: Ու եթե այս պայմանները խախտվում են, պաշտոնանկությունը դիտվում է ապօրինի՝ բռնության հետևանք:

Քաղաքական իշխանության որոշմամբ հայրապետի գահընկեցությունը կանոնական չէ, և ո՛չ էլ նշանակված կաթողիկոսը՝ օրինական աթոռակալ: Ըստ Օրմանյանի՝ արդարացի չէ «օրինաւոր կաթողիկոսութեան պայմանները ճանչնալ մէկու մը վրայ, որ պետական իշխանութենէն միայն կ'ընդունի իր պաշտօնը և անոր գլուխը կ'անցնի արտաքին բռնութեան ձեռնտուութեամբ»[52]: Առավել ևս օտար կառավարությունները չունեն վարչական ու դատական իրավազորություն՝ որոշելու հայոց հայրապետի իրավունակությունը Մայրաթոռի նկատմամբ:

Ազգային ժողովների օրինականության խնդիրն արդիական հնչողություն ունի: Ժողովի օրինականությունն Օրմանյանը պայմանավորում է հետևյալ նախապայմաններով.

1. Ժողովը պետք է գումարվի օրինաստեղծման, օրենքների փոփոխության, հասարակական հարաբերությունների կանոնակարգման, ազգային անվտանգությանն առնչվող հրատապ հարցերի լուծման, սոցիալական ներդաշնակության հաստատման և այլ նպատակներով:

2. Ժողովում պետք է ապահովվի համազգային ներկայացուցչություն երկու մակարդակում՝ ա) ազգի բոլոր խավերի ներկայություն, բ) Հայաստանի բնիկ և հայաբնակ բոլոր գավառների հայության ներկայացուցչություն:

3. Ժողովի ընդունած որոշումների, օրենքների և կանոնադրությունների վավերացումը պետք է լինի ազգային համաձայնության արդյունք, «որովհետեւ թէ յաջողութեան հիմ և թէ օրինաւորութեան փաստ՝ պէտք էր ըլլար գործին հակառակութեան չհանդիպիլը, և ընդհանուր համակամութեամբ և հաւանութեամբ ընդունուիլը»[53]:

4. Ազգային ժողովներում վավերացված իրավական փաստաթղթերը սահմանադիր նշանակությամբ առաջնային ու հիմնարար են, ուստի՝ քաղաքական, դատական կամ հոգևոր ատյաններում ընդունված մասնավոր օրենքները, վճիռները և հրամանները չպետք է հակասեն դրանց: Նույնիսկ առաջին երեք Տ.ժողովների կանոնադրությունների՝ Հայաստանում պարտավորիչ լինելը հաստատվել ու վավերացվել է Ազգային ժողովներում:

Վերոհիշյալ հիմնապայմանների ու սկզբունքների պատմաքաղաքական ու բարոյաիրավական նշանակությունն արժևորելով՝ Գ. Հարությունյանը հաստատում է. «ծնվում է նոր երեւույթ՝ ի դեմս ազգային եկեղեցական ժողովների, որոնք հետագա հարյուրամյակների ընթացքում վճռական դերակատարություն են ունեցել մեր ինքնության որակների արժեհամակարգային հստակեցումների, հասարակական համաձայնությամբ կյանքի հիմնական կանոններն ու սկզբունքները սանմանելու, դրանց իրականացումը երաշխավորելու գործում»[54]:

1. *Օրմանեան Մ.,* Տեղիք Աստուածաբանութեան. Տեսական Աստուածաբանութիւն, Երուսաղէմ, 1985, էջ 20:
2. Նոյն տեղում:
3. *Օրմանեան Մ.,* Աթոռ Հայաստանեայց, Վաղարշապատ, 1886, էջ 2:
4. *Օրմանեան Մ.,* Համապատում. Չորս Աւետարաններուն պարունակութիւնը շարայարելով եւ համաձայնելով եւ բացատրելով պատմուած, Կ.Պոլիս, 1911, էջ 996:
5. *Օրմանեան Մ.,* Հայ Ազգութիւն (Բանախօսութիւն), Կ.Պօլիս, 1880, էջ 24:
6. *Օրմանեան Մ.,* Տեղիք Աստուածաբանութեան..., էջ 12:
7. Տես *Мирумян К.А.* История политической науки. Эпоха античности. Часть I. Ер., 2004. С. 163.

8. Տես՝ *Միրումյան Կ.*, Քաղաքական ուսմունքների պատմություն, էջ 194:
9. Տես՝ նույն տեղում, էջ 319: *Мирумян К.А.* История политической науки. Средневековье. Возрождение. Реформация. Часть II. Ер., 2005. С. 396.
10. *Ллойд Д.* Идея права. М., 2002. С. 193.
11. *Օրմանեան Մ.,* Տեղիք Աստուածաբանութեան..., էջ 20:
12. Նույն տեղում, էջ 21:
13. Նույն տեղում, էջ 22:
14. Նույնը:
15. Նույն տեղում, էջ 23:
16. Նույնը:
17. Նույն տեղում, էջ 23–24:
18. Նույն տեղում, էջ 24:
19. Տես՝ *Միրումյան Կ.,* Քաղաքական ուսմունքների պատմություն, էջ 104:
20. *Օրմանեան Մ.,* Տեղիք Աստուածաբանութեան..., էջ 24:
21. *Օրմանեան Մ.*, Համապատում..., էջ 178–179:
22. *Օրմանեան Մ.,* Ազգապատում (Հայ ուղղափառ եկեղեցւոյ անցքերը սկիզբէն մինչեւ մեր օրերը յարակից Ազգային պարագաներով պատմուած), Մասն Ա, Կ.Պոլիս, 1912, էջ 107:
23. Տես՝ *Եղիշե,* Վարդանի և Հայոց պատերազմի մասին (Թարգմ. և ծանոթագր. Ե. Տեր-Մինասյանի), Եր., 1989, էջ 81–95: Ղազարայ Փարպեցւոյ Պատմութիւն Հայոց (արտատպ. Գ. Տէր-Մկրտչեանի և Ս. Մալխասեանի 1904թ. Թիֆլիսում հրատարակած օրինակից), ա. տ. և թ., էջ 93–96: Կիրակոս Գանձակեցի, Հայոց պատմություն (Թարգմ., առաջաբանը և ծանոթ. Վ. Առաքելյանի), Եր., 1982, էջ 60:
24. *Սամուէլեան Խ.,* Հայ եկեղեցական-պետական յարաբերութիւնները Հին Հայաստանում, Արօր, Թիֆլիս, 1910 Յունիս- Յուլիս, Թիւ 6-7, էջ 81:
25. *Օրմանեան Մ.,* Ազգապատում, Մասն Բ, Կ.Պոլիս, 1913, էջ 1924:
26. Նույն տեղում, էջ 1954:
27. *Օրմանեան Մ.,* Ազգապատում, Մասն Ա, էջ 734:
28. *Օրմանեան Մ.,* Տեղիք Աստուածաբանութեան..., էջ 13:
29. Նույնը:
30. Նույնը:
31. *Օրմանեան Մ.,* Խոհք եւ խօսք իր կեանքին վերջին շրջանին մէջ, Երուսաղէմ, 1929, էջ 363:
32. *Օրմանեան Մ.,* Տեղիք Աստուածաբանութեան..., էջ 24:
33. Նույնը:
34. Նույնը:
35. Նույնը:
36. Նույն տեղում, էջ 25:
37. Տես՝ նույնը:
38. Տես՝ նույնը:
39. *Սամուէլեան Խ.*, նշվ. աշխ., Արօր, 1910 Մարտ, Թիւ 3, էջ 68:
40. Նույն աշխ., Արօր, 1910 Օգ.-Սեպ.-Հոկ., Թիւ 8-9-10, էջ 144:
41. *Օրմանեան Մ.,* Ազգապատում, Մասն Ա, էջ 126:
42. *Փավստոս Բուզանդ,* Հայոց պատմություն (Թարգմ. և ծանոթագր. Ստ. Մալխասյանցի), Երրորդ դպրություն, ԺԵ, Եր., 1987, էջ 71: Տես՝ նաև Չորրորդ դպրություն, Բ, էջ 109:
43. *Օրմանեան Մ.,* Ազգապատում, Մասն Բ, էջ 2421:
44. *Օրմանեան Մ.,* Էջմիածին, մաս Դ, Արարատ, Ի Վաղարշապատ, 1888 Ապրիլ 30, Թիւ Դ, էջ 29:
45. Նույն տեղում, էջ 30:
46. Տ. Բաբգէն Եպիսկ., Հայաստանեայց եկեղեցի (Բանախօսութիւն), Պոստոն, 1924, էջ 14–15:
47. Կանոն Ձեռնադրութեան եւ Օծման Կաթողիկոսի եւ Հայրապետի Ամենայն Հայոց, Ի Վաղարշապատ, 1876, էջ 3:
48. *Օրմանեան Մ.,* Հայոց եկեղեցին եւ իր պատմութիւնը, վարդապետութիւնը, վարչութիւնը, բարեկարգութիւնը, արարողութիւնը, գրականութիւնը, ու ներկայ կացութիւնը, Եր., 1993, էջ 186:
49. *Օրմանեան Մ.,* Հայոց եկեղեցին, Յառաջաբան, էջ 10:
50. *Օրմանեան Մ.,* Տեղեկութիւնք Ի վերայ Համազգային եկեղեցական ընտրողական Ժողովոյ վասն ընտրութեան Հայրապետին Ամենայն Հայոց (1892), Ստանպուլ, 1995, էջ 24–25:
51. *Օրմանեան Մ.,* Ազգապատում, Մասն Բ, էջ 2043: Տես նաև՝ Մասն Ա, էջ 684:
52. Նույն տեղում, Մասն Բ, էջ 2163:
53. Նույն տեղում, էջ 2100–2101:
54. *Հարությունյան Գ.,* Սահմանադրական մշակույթ. պատմության դասերը և ժամանակի մարտահրավերները, Եր., 2005, էջ 43:

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ МАГАКИЯ ОРМАНЯНА

Сарвазян Л.С.

В статье анализируются проблемы политической философии М. Орманяна (политическая организация общества, возникновение власти, форм правления и др.) Исходной методологической точкой его теоретических конструкций является **нация**, **бытийственные основы нации.**

По Орманяну, политическая организация общества есть результат естественной закономерности, которая провляется в переходе от естественного состояния человеческого общежития к государственно-политическому, когда формируются политико-правовые отношения, власть – с целью защитить естественные права индивидов, их безопасность и политическое единство, обеспечить социальную гармонию.

Орманян делит власть на светскую и духовную. Сущность светской власти он усматривает в ее законодательной, административно-правовой и судебной функциях. Наделенная такими же полномочиями церковная власть призвана принимать правила, контролировать их исполнение, защищать и сплачивать народ, сохранять духовные ценности, исполнять официальные ритуалы и т.д.

Источником власти мыслитель считает Бога, следовательно, право власти, самоуправления определены для всех наций, а не для какой-то “избранной” нации.

Орманян рассматривает суверенитет не только как атрибут государства, но и как естественное право нации. Он подчеркивает, что речь идет о национальном, а не государственном суверенитете, так как на повестке дня стоял вопрос о национальном самоуправлении, а восстановление государственности рассматривалась как стратегическая цель. В условиях отсутствия государственности носителем национального суверенитета становилась Армянская церковь.

Орманян утверждает историчность форм правления: от простейшей формы до правового государства. Основными формами правления он считает монархию и республику. Орманян отвергает абсолютную монархию и теократию, как неприемлемые формы правления для любой нации. Мыслитель наиболее приемлемой считает конституционную монархию, основанную на сословном представительстве. Это переходная форма правления, которую в результате политического развития сменяет парламентское правление с принципом народного представительства. Главным принципом конституционного правления является принцип разделения властей.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА: ПРАВОВОЙ СТАТУС И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Даниелян А.Ж.

Международная организация труда (МОТ) – это межправительственная международная организация, являющаяся специализированным учреждением ООН.

МОТ была создана в 1919 году в результате работы мирной конференции, начавшейся в Париже и закончившейся в Версале, как автономная организация при Лиге Наций. В том же году был принят устав МОТ. Международная организация труда является одной из старейших авторитетных и наиболее крупных международных организаций, которая выдержала испытание временем и на сегодняшний день является одним из учреждений в системе ООН, наиболее эффективно выполняющим свой мандат.

Роль МОТ обусловлена местом труда в жизни общества, признанием того, что в настоящее время едва ли имеется более актуальная проблема, чем проблема труда – основы жизнедеятельности человека, важнейшей общечеловеческой ценности. Ныне в мире трудом занято более 3 миллирда людей, и практика убедительно свидетельствует, что нет ни одной сферы человеческой деятельности, в которой можно было бы достигнуть существенных результатов без труда, мобилизации резервов повышения его эффективности[1].

Труд, как источник достойного существования, является не только основным видом жизнедеятельности человека, способом преобразования природы, но и сферой отношений между людьми. В процессе труда люди объединяются определенным образом для совместной деятельности и обмена этой деятельностью: здесь происходит реализация физических и духовных способностей человека, их развитие и совершенствование.

Регулирование трудовых отношений вырабатывалось многими поколениями в течение длительного времени и от того, как регламентирован труд, в значительной мере зависит его влияние на темпы развития экономики, эффективность общественного производства и, следовательно, на возможности удовлетворения материальных и духовных потребностей людей, достижения социального мира, создания условий для всестороннего развития личности.

Для регулирования трудовых отношений большое значение имеют международные трудовые нормы, которые разрабатываются на основе изучения, обобщения и тщательного отбора наиболее ценных и универсально значимых национальных норм, в столкновениях различных интересов и мнений и нахождения в результате консенсуса компромиссного варианта. Такие нормы представляют собой общечеловеческие ценности, они становятся предметом практического использования многими странами в качестве признанного в цивилизованном мире образца.

Первой, начиная с 1919г., и единственной на основе трехстороннего представительства международной специализированной организацией, осуществляющей нормотворческую деятельность в сфере труда и непосредственно связанных с ним отношениях, была и есть Международная организация труда[2]. В 1946 году МОТ стала первым специализированным учреждением в системе ООН. Правовым основанием этого стало подписание в 1945 году Соглашения между ООН и МОТ.

Начиная с первых дней своего существования МОТ стала проявлять особый, индивидуальный характер, весьма отличный от остальных составляющих частей Лиги Наций – предшественницы ООН в период между мировыми войнами.

В связи с 25-летием деятельности МОТ 10 мая 1944г. на 26-ой сессии Международной Конференции Труда в Филадельфии была принята Декларация о целях и задачах Международной организации труда, которая стала приложением к ее Уставу и его составной частью. В Филадельфийской декларации получили дальнейшее развитие положения Устава и принципы МОТ, деятельности которой был придан больший динамизм, открыты новые возможности в решении проблем улучшения условий труда и жизни людей.

С точки зрения международного права, МОТ обладает всеми необходимыми чертами правосубъектности международных организаций: *создано в соответствии с международным договором, имеет обособленные права и обязанности, обладает способностью участвовать в международном нормотворчестве, имеет собственную организационную структуру, наделено правом на обеспечение выполнения норм международного права, обладает соответствующим членством, имеет право создавать зарубежные представительства и направлять миссии, ведет свою внешнюю и внутреннюю деятельность, обладает привилегиями и иммунитетами.*

Согласно статье 1 Устава МОТ, организация создается для содействия достижения целей, изложенных в преамбуле к Уставу и Декларации о целях и задачах МОТ. Такими целями являются:

- достижения всеобщего мира на основе социальной справедливости;

- улучшение условий труда, влекущих за собой несправедливость, нужду и лишения для большего числа людей и порождающих недовольство, подвергающее опасности мир и согласие во всем мире путем, например: регламентации рабочего времени, включая установление максимальной продолжительности рабочего дня и рабочей недели; регламентации набора рабочей силы; борьбы с безработицей, гарантии заработной платы, обеспечивающей удовлетворительные условия жизни; защиты трудящихся от болезней, профессиональных заболеваний и от несчастных случаев на производстве; защиты детей, подростков и женщин; пенсий по старости и инвалидности; защиты интересов трудящихся, работающих за границей; признания принципа равной оплаты за равный труд; признания принципа свободы объединения; организации профессионального и технического обучения и других мероприятий;

- достижение всеобщего понимания того, что непредоставление какой-либо страной трудящимся человеческих условий труда является препятствием для других народов, желающих улучшить положение трудящихся в своих странах.

Декларация 1944 года уточняет цели и задачи МОТ. В Декларации были вновь определены цели и задачи МОТ путем принятия следующих принципов:

- труд не является товаром;
- свобода слова и свобода объединения являются необходимым условием постоянного прогресса;
- нищета в любом месте является угрозой для общего благосостояния;
- все люди, независимо от расы, веры или пола, имеют право на осуществление своего материального благосостояния и духовного развития в условиях свободы и достоинства, экономической устойчивости и равных возможностей.

Таким образом, впервые *принцип равенства людей был включен в качестве задачи международной организации.*

Кроме того, в Декларации 1944 года определены 10 программных задач МОТ, охватывающих большую часть направлений социального прогресса: полная занятость и повышение жизненного уровня; удовлетворение работой; обеспечение возможностей обучения и передвижения рабочих в целях устройства на работу и поселения; политика в области заработной платы, рабочего времени и прочих условий труда; признание права на коллективные переговоры; расширение социального обеспечения; необходимая защита жизни и здоровья рабочих на всех работах; защиты благосостояния детей и матерей; обеспечение необходимого питания, жилищ и возможностей для отдыха и культуры; обеспечение равных возможностей в области общего и обязательного образования.

Помимо целей, обозначенных в Уставе МОТ и в Декларации 1944 года, Организация за время своей деятельности выработала также *четыре стратегические цели*, которые исходят из самого смысла ее существования. Таковыми являются: развитие и реализация норм и основополагающих принципов и прав в сфере труда; создание более широких возможностей для женщин и мужчин по обеспечению достойной занятости; расширение охвата и повышение эффективности социальной защиты для всех; укрепление трехсторонней структуры и поддержание социального диалога.

Эти цели достигаются следующими путями: разработка международных мер и программ по содействию условий труда и жизни и расширению возможностей для занятости; разработка международных трудовых норм (подкрепляющаяся уникальной системой контроля над их применением), которые служат в качестве руководящих принципов для национальных органов власти при реализации этих мер; всесторонняя программа международного технического сотрудничества, разрабатываемая и осуществляемая при активном партнерстве с учредителями в помощь странам при проведении в жизнь этих мер; подготовительная, учебная и издательская деятельность, способствующая реализации всех этих усилий.

Однако, прежде всего на реализацию этих целей направлена нормотворческая деятельность МОТ, а также вся ее организационно-практическая работа, научно-исследовательская и информационно-издательская деятельность.

Членство в МОТ. В Уставе МОТ как и в учредительных документах практически всех международных межправительственных организаций, члены делятся на первоначальные и на другие.

Первоначальные члены – это государства, участвовавшие в разработке и принятии учредительного акта организации. Для них устанавливаются несколько более льготные условия вступления. В частности, Устав МОТ предусматривает для первоначальных членов автоматический порядок вступления в члены Организации.

Согласно пункту 2 статьи 1 Устава МОТ, первоначальными членами Организации являются те государства, которые являлись членами МОТ к 1 ноября 1945 года. Данная дата указана потому, что 5 ноября 1945 года были приняты поправки к Уставу МОТ, которые касались, прежде всего, порядка приобретения и утраты членства в Организации. В частности, было исключено положение Устава, принятого в 1919 году, относительно взаимозависимости членства в Лиги Нации и в МОТ. После прекращения существования Лиги Наций и создания ООН в 1945 году, необходимо было привести Устав МОТ в соответствие с новыми мировыми реалиями. Таким образом, все те государства, которые являлись членами МОТ на указанный период, автоматически получали членство в Организации, но уже не связанной с Лигой Наций, а связанной с ООН.

Другие государства, не являвшиеся членами МОТ к 1 ноября 1945 года, однако являющиеся первоначальными членами ООН или вступившие в ООН в дальнейшем, имеют упрощенный порядок вступления в члены МОТ. Так, в соответствии с пунктом 3 статьи 1 Устава организации, им не требуется подписывать и ратифицировать Устав МОТ, а достаточно уведомить Генерального Директора Международного Бюро Труда (МБТ) «о своем формальном принятии обязательств, вытекающих из Устава МОТ».

Все остальные государства, не являющиеся первоначальными членами ООН, могут быть приняты в МОТ в усложненном порядке. В соответствии с п. 4 ст. 1 Устава Организации, Генеральная Конференция МОТ может также принимать в члены Организации большинством в две трети голосов делегатов, присутствующих на сессии, включая две трети голосов, присутствующих и голосующих правительственных делегатов. Такой прием вступает в силу с момента, когда правительство нового члена сообщает Генеральному директору МБТ о своем формальном принятии обязательств, вытекающих из Устава МОТ.

Важно отметить, что Устав МОТ не предусматривает вступление в Организацию иных субъектов международного права, кроме как государств. Этим он отличается от ряда других международных межправительственных организаций, членами которых могут быть, в частности, другие международных организации. Так, например, в продовольственной и сельскохозяйственной организации (ФАО) одним из членов является Европейский союз (ЕС)[3].

Порядок прекращения членства в МОТ, предусмотренный в Уставе Организации, предполагает только один из способов прекращения членства: добровольный выход из него. В данном случае основанием такого выхода можно считать принцип суверенного равенства государств, в соответствии с которым любое государство имеет право свободно определять целесообразность и необходимость своего пребывания в той или иной международной организации.

Согласно п. 5 ст. 21 Устава МОТ, ни один член не может выйти из Организации без предварительного уведомления об этом Генерального директора МБТ. Такое уведомление входит в силу через два года после даты получения Генеральным директором и при условии выполнения членом к тому времени всех финансовых обязательств, вытекающих из его членства. Если член Организации ратифицировал какую-либо международную трудовую конвенцию, его выход не освобождает его на период, установленный конвенции, от обязательств, вытекающих из Конвенции или связанных с ней.

Следует отметить, что в отличие от учредительных документов некоторых международных организаций (например, Европейского банка реконструкции и

развития) Устав МОТ не предусматривает варианты приостановления членства в МОТ.

В случае, если какое-либо государство перестанет быть членом МОТ, обратный прием его в члены регулируется положениями п. 3 или п. 4 ст. 1 Устава МОТ, т.е. такое государство может быть вновь принято в члены МОТ либо в упрощенном, либо в усложненном порядке. По состоянию на 1 апреля 2007г., членами МОТ являются 180 государств[4].

Как и любая другая международная организация, ***МОТ имеет все права юридического лица.***

Международная организация не может осуществлять свою международно-правовую деятельность без того, чтобы не быть субъектом хозяйственного оборота – она должна получать от государства пребывания и находящегося под его суверенитетом субъектов услуги связи, энергоснабжения, пользоваться почтовыми, телеграфными, телефонными, железнодорожными, космическими и прочими объектами и предприятиями, так и многими другими благами и институтами повседневной жизни.

Для того чтобы существовать в гражданско-правовых отношениях, международные организации наделяются правами юридического лица. Его образование санкционируется соответствующим правопорядком. Так, *МОТ – юридическое лицо кантона Женева Швейцарской Конфедерации.*

Согласно ст. 39 Устава МОТ, Организация имеет все права юридического лица, в частности: ***право заключать договоры; право приобретать движимое и недвижимое имущество и распоряжаться им; право возбуждать судебные дела.***

Таким образом, МОТ обладает статусом юридического лица – полноправного субъекта гражданско-правовых отношений в национально-правовой сфере конкретного государства – Швейцарии, где располагается штаб-квартира Организации.

Основные направления деятельности МОТ. Исходной основой деятельности МОТ с самого начала ее существования были идеи социального сотрудничества в сфере труда и трудовых отношений, прежде всего в виде двустороннего и трехстороннего сотрудничества, ***бипартизма и трипартизма***.

Бипартизм – это добровольное, основанное на независимости и равноправии сторон тесное взаимодействие (диалог, консультации, переговоры) организаций трудящихся и предпринимателей в ходе создания и применения трудовых норм как национальных, так и международных, а также при разрешении трудовых споров.

Если такое сотрудничество осуществляется с участием трех сторон: организаций трудящихся, предпринимателей и государственных властей, то оно именуется трипартизмом.

Бипартизм и трипартизм не только идеологическая концепция, но и закрепленная в международных правовых стандартах модель поведения участников коллективных трудовых отношений. Она включает нормы о сотрудничестве между предпринимателями и трудящимися на уровне предприятия (Рекомендации N94 и 129), нормы о консультациях и сотрудничестве между государственными властями и организациями предпринимателей и трудящихся в отраслевом и национальном масштабах (Рекомендация N113), и нормы о трехсторонних консультациях для содействия применению международных трудовых норм (Конвенция N144, Рекомендация N152)[5].

На основе трипартизма строится деятельность высшего органа МОТ – международной Конференции труда (МКТ), ежегодно собирающегося в Женеве

для рассмотрения наиболее важных вопросов социально-трудовой политики, положения в мире труда, условий труда и жизни работников. Каждое государство представлено на Конференции четырьмя полномочными делегатами с правом решающего голоса: двумя от правительства, одним делегатом от трудящихся и одним делегатом от предпринимателей. Все делегаты пользуются равными правами.

Принцип трипартизма лежит в основе организации и деятельности Административного совета, региональных конференций (совещаний) МОТ, различных комитетов и комиссий. Он находит широкое проявление в конвенциях и рекомендациях МОТ и других актах, применяемых Организацией. Трехстороннее представительство способствует достижению социального мира, объединению и координации усилий двух главных факторов производства – труда и капитала, обеспечению демократического контроля за деятельностью МОТ.

Нормотворческая деятельность Международной организации труда является главным средством осуществления ее политики, реализации целей и задач. ***Разработка, принятие и применение международных трудовых норм (конвенций и рекомендаций) представляет собой важнейшую функцию МОТ.*** Почти за девять десятилетий деятельности МОТ правительствами государств – членов Организации совместно с организациями работодателей и трудящихся создана система международных норм, регламентирующих основные области социально-трудовых отношений и направленных на улучшение условий труда и жизни работников, обеспечение основных прав человека и гражданина.

Всего за период с 1919г. по 1 января 2006г. МОТ были приняты 185 Конвенций и 195 рекомендаций.

Наиболее распространенной формой трудовых норм МОТ являются конвенции и рекомендации – основной источник международно-правового регулирования труда. Несмотря на одинаковые процедуры принятия, конвенции и рекомендации МОТ как источники международно-правового регулирования труда имеют различный правовой статус и юридическую силу.

Конвенции – это многосторонние международные договоры, вступающие в силу после их ратификации как минимум двумя государствами-членами МОТ и открытые для ратификации другими странами. После вступления в силу конвенция налагает определенные обязательства как на ратифицировавшие, так и не ратифицировавшие ее государства. Однако каждое отдельное государство-член МОТ, которое ратифицирует конвенцию, заявляет о своем полном признании ее положений и принимает обязательства о привидении в соответствие с нею национального законодательства, т.е. *положения конвенции становятся юридически обязательными только после ратификации конвенции высшим органом государственной власти страны.* Конвенции часто дополняются рекомендациями, которые детализируют и развивают их основные положения.

Рекомендации МОТ являются также актами международно-правового регулирования труда, содержащими во многих случаях трудовые нормы по тому же кругу вопросов, что и конвенции, но, в отличие от последних, они ратификации не подлежат и для государств – членов МОТ юридических обязательств не создают. Они разрабатываются в случае необходимости дополнить и развить положения конвенций и определить конкретные мероприятия по их применению; в случаях, когда отсутствуют веские причины для установления твердых конвенционных норм или принимаемые положения подвержены частым изменениям. Рекомендации могут служить ориентирами при разработке государствами-члена-

ми МОТ национального трудового законодательства и осуществлении практических мероприятий.

Согласно Уставу, принятие государством конвенции или рекомендации ни в коем случае не может рассматриваться как затрагивающие более благоприятные условия, установленные действующим в стране законодательством.

Уровень ратификации ряда конвенций МОТ в настоящее время достаточно высок, что является результатом успешной деятельности МОТ в этом направлении. Также увеличился объем работы контрольных механизмов МОТ. Для повышения уровня исполнения государствами своих международных обязательств Организация оказывает техническое содействие по выполнению государствами своих обязательств по ратифицированным конвенциям.

Важнейшей тенденцией международно-правового регулирования труда, характерной для последнего времени, направленной на защиты прав человека, улучшение условий труда и жизни людей, является **концентрация усилий Организации и ее трехсторонних участников на ратификацию и применение восьми основополагающих конвенций.** В их число входят *Конвенция 1948 года о свободе ассоциации и защите права на организацию (N87); Конвенция 1949 года о применении принципов права на организацию и на ведение коллективных переговоров (N98); Конвенция 1930 года о принудительном или обязательном труде (N29); Конвенция 1957 года об упразднении принудительного труда (N105); Конвенция 1958 года о дискриминации в области труда и занятий (N111); Конвенция 1951 года о равном вознаграждении (N100); Конвенция 1973 года о минимальном возрасте для приема на работу (N138); Конвенция 1999 года о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда (N182).*

Кампания за более широкую ратификацию основополагающих конвенций дала положительные результаты. **По состоянию на 1 января 2006г., из 178 государств – членов Организации 117 стран ратифицировали все 8 основополагающих конвенций, 20 стран ратифицировали семь конвенций** и поступление ратификационных грамот продолжается. Что касается Республики Армения, то наше государство ратифицировало шесть из восьми основополагающих конвенций (Конвенции N100 и N111 в 1994 году, Конвенция N98 в 2003 году, Конвенции N29 и N105 в 2004 году, Конвенция N87 в 2006 году).

Помимо указанных основных направлений деятельности МОТ, в настоящее время также уделяет внимание вопросам социального обеспечения (в частности, принята Целевая программа «Экономическое и социальное обеспечение в XXI веке»), борьбы с эпидемией ВИЧ/СПИД в сфере труда (МОТ была принята программа «ВИЧ/СПИД в сфере труда»), различным видам отраслевой деятельности (среди таковых наибольшее внимание уделяется труду моряков и рыбаков), региональной деятельности.

Деятельность МОТ не исчерпывается только разработкой и принятием международных конвенций. Ее усилия, особенно в последние годы, направлены на оказание помощи своим участникам путем предоставления информации и специальных материалов по проблемам труда и занятости.

МОТ оказывает содействие в привлечении экспертов из правительственных учреждений, представителей неправительственных организаций, научно-исследовательских центров для выработки социальной политики и разработки трудового законодательства с учетом геополитических, географических, экономических и других факторов определенного государства. Так, при разработке Трудо-

вого Кодекса РА его проект был представлен МОТ для проведения экспертизы и получения заключения экспертов[6].

При МОТ создан международный институт социально-трудовых отношений, который и проводит встречи представителей государств со специалистами в области трудовых отношений[7].

Что касается нашей страны, то Армения в настоящее время создает новую систему охраны труда и налаживает координацию между различными элементами этой системы. Трехсторонние партнеры работают в духе сотрудничества. Однако в стране существует нехватка современной практической информации и материалов по охране труда, требует улучшения также система практической подготовки специалистов в этой сфере.

При поддержке МОТ в Ереване был создан Информационный центр по охране труда, который предоставляет учебные материалы и публикации, а также проводит консультации для работодателей[8].

Таким образом, сотрудничество с МОТ в области профессиональной подготовки, консультаций по вопросам охраны труда и подготовки кадров является необходимостью и важным условием для успешного развития охраны труда, а также решения таких проблем, как создание системы страхования от несчастных случаев, внедрение системы управления охраной труда, совершенствование законодательства по вопросам охраны труда, создание учебных и информационных систем по охране труда, развитие социального партнерства и координации действий между государственными органами управления охраной труда.

1. Международная организация труда: конвенции, документы, материалы: справ. пособие / [сост. и авт. предисл. и вступ. ст. З.С. Богатыренко]. М., 2007. С. 3.
2. Там же. С. 7.
3. *Бякишев Д.К.* Международное трудовое право: учеб. пособие. М., 2008. С. 27.
4. Там же.
5. *Киселев И.Я.* Трудовое право России и зарубежных стран. Международные нормы труда. М., 2006. С. 534.
6. *Атовмян М.* Некоторые вопросы формирования трудового законодательства Республики Армения. Ер., 2003. С. 50.
7. *Федосеева Г.Ю.* Международное частное право. Учеб. М., 2007. С. 11–12.
8. http://www.oit.org/public/russian/region/eurpro/moscow/areas/safety/armenia.htm

ОБЩЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЕГО РОЛЬ В ИНТЕГРАЦИОННОМ СБЛИЖЕНИИ РОССИИ И ЕС

Серегин В.И.

Установление официальных отношений между Россией и Евросоюзом стало исторически важным событием, сигналом существенных перемен, как на европейском континенте, так и в глобальном масштабе, процессом, который содействовал переходу к рыночной модели экономики в России.

Европейский союз за чуть более чем десятилетний период превратился в стратегического партнера России. Учитывая политическое взаимодействие, оказывающее судьбоносное влияние на судьбы Европы, и объем торговли, превышающий половину российского внешнеторгового оборота, определение путей политико-экономического взаимодействия с ЕС приобретает для России первостепенное значение.

Первоначально отношения России и ЕС основывались и по-прежнему основываются на Соглашении о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между Российской Федерацией и Европейскими сообществами (Европейское Сообщество, Европейское Объединение угля и стали и Европейское Сообщество по атомной энергии) и их государствами-членами, которое было подписано 24 июня 1994 года на острове Корфу и вступило в силу 1 декабря 1997 года. СПС было заключено сроком на 10 лет, после чего предусматривалась ежегодная автоматическая пролонгация документа[1].

Структурно Соглашение о партнерстве и сотрудничестве состоит из следующих основных компонентов: Общие принципы интеграции (Раздел I); Политический диалог (Раздел II); Торговля товарами (Раздел III); Положения о предпринимательской деятельности и инвестициях (Раздел IV); Платежи и капитал (Раздел V); Конкуренция, охрана интеллектуальной собственности, сотрудничество в области законодательства (Раздел VI); Экономическое сотрудничество (Раздел VII); Сотрудничество по предотвращению противоправной деятельности (Раздел VIII); Культурное сотрудничество (Раздел IX); Финансовое сотрудничество (Раздел X); Институциональные, общие и заключительные положения (Раздел XI)[2].

Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Россией и Европейским союзом создало правовую и политическую основу для развития более тесных взаимоотношений между партнерами. Цель заключалась в создании основ для экономического, социального, финансового и культурного сотрудничества, содействии развитию гармоничных экономических отношений между Россией и ЕС, основанных на принципах рыночной экономики, обеспечении устойчивого развития, укреплении политических и экономических свобод, поддержке усилий России по завершению перехода к рыночной экономике, в обеспечении необходимых условий для постепенной интеграции между Россией и ЕС и дальнейшего движения в направлении создания Зоны свободной торговли[3]. Оно значительно приблизило стороны, предоставив необходимую основу отношений России и ЕС, заложив первую стадию интеграционного процесса, которой является Зона преференциальной торговли. В результате некоторые торговые барьеры были сняты путем отмены количественных ограничений на российский экспорт и распростра-

нения статуса страны, пользующейся режимом наибольшего благоприятствования на Россию. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве создало основу для прогрессивной интеграции России в открытую международную торговую систему.

Со временем произошли огромные изменения как в России, так и в Европейском союзе. Разумеется, эти изменения повлияли на развитие отношений России и ЕС. Расширение 2004 года еще больше трансформировало ЕС и сделало более важным пересмотр характера двусторонних отношений[4]. Структура СПС шаг за шагом становилась слишком узкой для процесса развития отношений Европейского союза и России, она обеспечивала несколько едва функционирующих органа и некоторые формальности. Несмотря на значительное количество вопросов, в основном посвященных секторальному сотрудничеству, которые все еще очень эффективны, Соглашение о партнерстве и сотрудничестве чаще рассматривается сторонами как уже устаревший документ. Например, оно не дает достаточного стимула для инвестиционной деятельности, дальнейшего устранения препятствий в торговле, особенно во внутриотраслевой торговле и т.д. Оно не включает механизмы решения торговых споров, борьбы с организованной экономической преступностью. В связи с ожидаемым членством в ВТО главные принципообразующие статьи Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (статус страны, пользующейся режимом наибольшего благоприятствования, устранение торговых квот и т.д.) теряют значение (в этом случае, они будут установлены нормами ГАТТ/ВТО). Кроме того, существуют некоторые исключения из СПС, создающие более предпочтительный статус для ЕС в торговле услугами, которые могут быть отменены в связи с вступлением России в ВТО. Следовательно, необходимо было разработать новую модель отношений России и ЕС.

В результате долгих поисков компромиссного решения, которое соответствовало бы целям сотрудничества России и Европейского союза и предоставило бы сторонам инструмент для эффективного взаимодействия без ущерба основным интересам друг друга, в мае 2003 г. на саммите в Санкт-Петербурге ЕС и Россия договорились усилить двустороннее сотрудничество путем создания в рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве четырех Общих Пространств – Общего экономического пространства (ОЭП), Общего пространства свободы, безопасности и правосудия, Общего пространства внешней безопасности и Общего пространства науки и образования, включающее культурные аспекты[5]. В рамках Общего Экономического Пространства в мае 2004 года было подписано соглашение о двусторонних переговорах о вступлении Российской Федерации в ВТО. Заключение данного соглашения значительно приблизило Россию к вступлению в ВТО и способствовало дальнейшему развитию торгового и экономического сотрудничества между ЕС и Россией[6].

Для воплощения в жизнь программы Общих пространств на московском саммите в мае 2005 года были одобрены «Дорожные карты», устанавливающие конкретные цели для каждого из Общих Пространств[7].

«Дорожная карта» по общему экономическому пространству утверждена 10 мая 2005 года в Москве президентом России В. Путиным, премьер-министром Люксембурга Ж.-К. Юнкером, председателем Комиссии Европейских сообществ Ж.М. Дурау-Баррозу и Верховным представителем ЕС по внешней политике и безопасности Х. Соланой[8]. В документе, в частности, целью Общего экономического пространства провозглашается создание открытого и интегрированного рынка между ЕС и Россией. Задача заключается в том, чтобы создать условия, которые:

- будут способствовать расширению возможностей для субъектов хозяйственной деятельности;
- будут содействовать развитию торговли и инвестиций;
- облегчат создание и деятельность компаний на основе взаимности;
- будут укреплять сотрудничество во многих секторах экономики – таких, как энергетика, транспорт, информационные и телекоммуникационные технологии, сельское хозяйство, космонавтика, исследования и разработки, макроэкономическая политика, финансовые услуги, права интеллектуальной собственности, госзакупки, инвестиции, стандарты и охрана окружающей среды;
- будут укреплять экономическое сотрудничество и процесс реформ;
- повысят конкурентоспособность ЕС[9].

Кроме того, Общее экономическое пространство формируется с целью укрепления экономик ЕС и России на основе принципов недопущения дискриминации, прозрачности и эффективного управления с учетом диалога деловых кругов, ведущегося в рамках Круглого стола промышленников ЕС и России. При реализации мер в рамках Общего экономического пространства также будут приниматься во внимание приоритеты, определенные совместно в рамках региональных организаций и инициатив – таких, как Совет государств Балтийского моря, Северное измерение, Черное море[10].

Ключевую роль в реализации задач создания Общего экономического пространства Россия-ЕС играют отраслевые диалоги, которые формируются российскими федеральными министерствами и ведомствами с профильными подразделениями Еврокомиссии. Цели и основные направления диалогов определены в соответствующих разделах «Дорожной карты» по Общему экономическому пространству[11].

В настоящее время в наших взаимоотношениях развиваются двенадцать отраслевых диалогов: энергетический, транспортный, регулятивный, по промышленной политике, по информационному обществу, по сотрудничеству в области космоса, в сфере сельского хозяйства, по окружающей среде, по финансовой и макроэкономической политике, по региональной политике, в сфере рыболовства, в области здравоохранения. В рамках каждого диалога по согласованию сторон созданы и на регулярной основе действуют рабочие группы и подгруппы по конкретным направлениям взаимодействия. Для обсуждения значимых вопросов сотрудничества и согласования планов действий проводятся встречи координаторов диалогов (руководители или старшие должностные лица соответствующих российских министерств и Гендиректоратов Еврокомиссии). Стратегические задачи развития диалогов определяются на заседаниях профильных Постоянных советов партнерства на уровне министров и руководства Еврокомиссии[12].

Сотрудничество в экономической сфере стало основным компонентом, направленным на создание благоприятной среды для развития стратегического партнерства между ЕС и Россией посредством дальнейшей интеграции России в мировую экономику. В конечном счете, конкретным результатом создания Общего экономического пространства должно стать заключение Соглашения о свободной торговле между ЕС и Россией на основе полного соблюдения принципов ВТО[13].

ОЭП сфокусировалось на устранении преград и создании благоприятных условий в основных сферах экономической деятельности, таких как приграничная двусторонняя торговля, соответствующие регулирующие стандарты и требо-

вания, учреждение и деятельность компаний, вопросы, касающиеся движения капитала, стандарты окружающей среды и хорошая корпоративная политика. Основной идеей было создание таких условий, которые будут увеличивать возможности экономических акторов, поддерживать торговлю и инвестиции, усиливать сотрудничество в таких сферах, как энергетика, транспорт, сельское хозяйство, макроэкономическая политика, финансовое обслуживание.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что сердцевиной идеи Общего экономического пространства Россия-ЕС является формирование открытого и информированного рынка между Россией и ЕС, основанного на общих или совместимых правилах, административной практике и призванного содействовать торговле и инвестициям между Россией и ЕС, способствующего повышению их конкурентоспособности. Сотрудничество в этой сфере должно было стать основой развития двусторонних отношений через дальнейшую интеграцию России в мировую экономику одновременно с подготовкой России к вступлению в ВТО так же, как и с возможным заключением расширенного соглашения о свободной торговле с ЕС.

Однако следует помнить, что экономическая интеграция, т.е. слияние экономик методом устранения барьеров для свободного передвижения товаров, услуг, капитала и труда, проведение общей политики, а также объединение полномочий по принятию решений, предполагает значительные изменения в структуре экономической деятельности в странах, участвующих в этом процессе. Интеграция изменяет политические и экономические условия производства и экономического обмена. Она перерисовывает границы между государством и рынком в целом и порождает определенные выгоды и потери для экономических групп в каждой стране. Предприятия столкнутся с приведением в соответствие цен, часть которых, вероятно, будет переложена на потребителей. Принимая во внимание положение с противоречивым толкованием перспективы интеграционного сближения между Россией и ЕС в российских общественных, политических, административных и деловых кругах, поддержка или оппозиция по отношению к дальнейшей интеграции будет зависеть от ожиданий баланса между выгодами и потерями, которые прогнозируют различные экономические группы.

Например, газовая промышленность является одной из наиболее активных сторонников дружественных и динамично развивающихся отношений с Европой на основе долгосрочной стратегии и взаимозависимости. Тем не менее здесь могут быть конфликты, касающиеся роли государства в регулировании внутренних и внешних цен на энергоносители[14].

Нефтяная промышленность России также поддерживает более активное сотрудничество с ЕС, она также заинтересована в привлечении инвестиций и капитала. Но стратегические приоритеты в этой отрасли принадлежат в основном Азии и США. Кроме того, политическое влияние нефтяной отрасли значительно ниже, чем «власть» газовой промышленности[15].

Электроэнергетика также поддерживает концепцию более эффективного сотрудничества между Россией и ЕС, хотя и имеет значительные интересы на азиатских рынках[16]. Атомная энергетика включает две элиты – тех, кто по-прежнему разделяет идеи государственного контроля, и новое поколение, которое уже приняло рыночную экономику. Атомная энергетика не против общих рынков с ЕС, но она испытывает трудности с барьерами в торговле, потерей позиций в Восточной Европе и отрицательным отношением европейского общественного мнения к ядерной энергии[17].

Это означает, что для России и ЕС интеграционное сближение связано с противоречием интересов ряда «игроков», следовательно, более тесная интеграция между Россией и ЕС может встретить серьезные трудности в связи с созданием групп победителей и проигравших в рамках интеграции.

Резюмируя общее воздействие ЕЭП Россия-ЕС на экономику России, можно утверждать, что главными победителями могут быть конкурентоспособные предприятия, которые в состоянии использовать сравнительные преимущества и создать экономические связи (торговля, производственные цепочки, инвестиции) с ЕС. Они расширят доступ на рынок в результате устранения нетарифных барьеров. Предприятия, которые продолжат получать государственную поддержку, будут терпеть убытки, хотя это будет в большей степени результатом их привилегированного положения, которое должно быть отменено, независимо от интеграции.

Можно выделить, по крайней мере, три основных сценария развития Единого экономического пространства Россия-ЕС на этапе создания Зоны свободной торговли при вступлении в ВТО.

Оптимистичный сценарий среднесрочного воздействия Зоны свободной торговли Россия-ЕС исходит из того, что существующие протекционистские меры не являются достаточно эффективными. Они поддерживают коррупцию и переносят бремя ответственности на конечного потребителя. Отмена или, по крайней мере, сокращение этих протекционистских мер дадут импульс национальным товаропроизводителям. Рост импорта приведет к росту конкуренции на внутреннем рынке. Создание прозрачного механизма расчета импортных тарифов повысит сбор налогов и уровень защиты рынков. Улучшение инвестиционного климата позволит привлечь прямые иностранные инвестиции. Это будет способствовать модернизации производственного потенциала российской промышленности, повышению качества российских товаров. Конкурентоспособная российская продукция без дискриминации получит доступ к иностранным рынкам.

Пессимистичный сценарий исходит из предположения, что развитие промышленного производства в России является экономически менее привлекательным, чем в Азии. Это означает, что в этом случае Россия не должна рассчитывать на увеличение иностранных инвестиций в промышленное производство. Россия останется периферийным производителем сырья. Зависимость от колебания рынков сырья не позволит России адаптироваться к условиям ВТО. Производство сырья будет расти за счет сокращения перерабатывающих отраслей производства. Рост тарифов на энергоресурсы приведет к массовому закрытию производств различных отраслей, увольнениям и разрушению сельского хозяйства в условиях отсутствия государственных субсидий. Социальная стабильность будет нарушена. Рост транспортных тарифов может даже привести к фрагментации страны. Окончательным результатом будет существенное ослабление государства.

Реалистичный сценарий предусматривает, что в течение первых 3–4 лет после вступления России в ВТО и создания Зоны свободной торговли в рамках ОЭП Россия-ЕС, экономика России получит определенные выгоды в связи с отменой некоторых дискриминационных мер в отношении российских экспортеров сырья на международном рынке. Отмена санкций предоставит возможности для создания новых рабочих мест и увеличения потенциала производственных единиц, которые терпят убытки в настоящее время (по данным Министерства экономического развития России, прямые и косвенные потери российских пред-

приятий-экспортеров в настоящее время составляют от 2,5 до 4 млрд. долларов США в год)[18]. Переходный период от 3 до 8 лет, в течение которого тарифная защита будет временно сохранена, будет использован для модернизации производства. Так, на первом этапе поток импортной продукции высокого качества может привести к экономическому спаду, росту безработицы, но в перспективе приток прямых иностранных инвестиций будет способствовать росту рабочих мест, налоговым поступлениям и платежеспособному спросу, что будет стимулировать экономику.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Модель Общих пространств является наиболее подходящей для дальнейшего практического углубления интеграционного процесса Россия-ЕС, который можно считать компромиссным решением, отвечающим интересам сторон в настоящее время. Кроме того, Общее экономическое пространство дает России возможность совместить стремление войти в ВТО и развивать сотрудничество с ЕС на гибкой основе без членства в Союзе. В то же время следует помнить, что, с другой стороны, эта модель сотрудничества также создаст определенные трудности для России. Первая из них заключается в том, что, в конечном итоге, Общее экономическое пространство потребует распространения правил Общего рынка ЕС и, возможно, даже элементов общего свода законодательных актов на территорию России, а это означает, что Россия должна будет выполнить это законодательство, не участвуя в процессе принятия решений. Еще одна проблема может возникнуть с российскими продуктами и их конкурентоспособностью: если российский рынок открыт для европейских товаров, то устранение тарифных барьеров может повредить некоторые сектора российского бизнеса.

2. Главная роль Общего экономического пространства в процессе интеграции России и ЕС должна быть в том, что оно станет инструментом дальнейшего прогресса, который может вырасти на значительно более высокий уровень, чем было первоначально запланировано. Это практически означает, что ОЭП Россия-ЕС может стать уникальным стратегическим каналом гипотетического улучшения уровня интеграции ЕС и России на этапах Зоны свободной торговли, Таможенного союза, Общего рынка, и даже Экономического союза, который, вероятно, может быть практическим пределом этого процесса. Сотрудничество в этой сфере должно было стать ключевым компонентом в развитии стратегического партнерства России и ЕС через дальнейшую интеграцию России в мировую экономику одновременно с подготовкой России к вступлению в ВТО так же, как и с возможным заключением расширенного соглашения о свободной торговле с ЕС. Следовательно, ближайшим уровнем интеграции может стать Зона свободной торговли между Россией и ЕС.

1. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве // http://russia-eu.ru/node/36
2. См.: Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны // http://russianmission.eu/userfiles/file/partnership_and_cooperation_agreement_1997_russian.pdf
3. См.: Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны //

http://russianmission.eu/userfiles/file/partnership_and_cooperation_agreement_1997_russian.pdf
4. См.: Joint Statement on EU Enlargement and EU-Russia Relations. Brussels, 27 April 2004 // http://eeas.europa.eu/russia/docs/js_eu-russia_2004_en.pdf
5. Источник: Центр ЕС-Россия // http://eu-russiacentre.ru/eu/european-commission
6. Источник: Центр ЕС-Россия // http://eu-russiacentre.ru/eu/european-commission
7. Источник: Центр ЕС-Россия // http://eu-russiacentre.ru/eu/european-commission
8. «Дорожная карта» по общему экономическому пространству // http://www.ln.mid.ru/brp_4.nsf/sps/53E27F55C080EB47C325700A0035CFAF
9. Общее экономическое пространство ЕС и России. Информационный бюллетень Европейской комиссии // www.climatechange.ru/files/Common_Economic_Space_Info_RUS.doc
10. Общее экономическое пространство ЕС и России. Информационный бюллетень Европейской комиссии // www.climatechange.ru/files/Common_Economic_Space_Info_RUS.doc
11. Отраслевые диалоги // http://russianmission.eu/ru/otraslevye-dialogi#a1
12. Отраслевые диалоги // http://russianmission.eu/ru/otraslevye-dialogi#a1
13. Общее экономическое пространство ЕС и России. Информационный бюллетень Европейской комиссии // www.climatechange.ru/files/Common_Economic_Space_Info_RUS.doc
14. См.: *Кристер Пурсиайнен.* Теории интеграции и рамки отношений ЕС-РФ. Российско-Европейский Центр экономической политики. М., 2004 // http://www.recep.ru/files/documents/Integration_theories_ru.pdf
15. См.: Там же.
16. См.: Там же.
17. Источник: Федеральное агентство по атомной энергии // http://www.minatom.ru/
18. Источник: Министерство экономического развития РФ // http://www.economy.gov.ru/minec/main

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ НЕЙТРАЛИТЕТА ГОСУДАРСТВ

Аветисян М.С.

Геополитику, как правило, определяют как комплексную теорию, объясняющую зависимость государственной политики от таких факторов, как географическое положение страны, размер территории, протяженность границ, количество и состав населения и другие. Современный американский политолог С. Коэн, давая обобщенную формулировку геополитики, определяет ее как «взаимодействие между географичекими условиями и политическими процессами»[1].

Целью данной работы является выявление геополитических факторов, которые обуславливают установление статуса постоянного нейтралитета или приверженность политике нейтралитета того или иного государства. Для решения поставленной задачи считаем целесообразным рассмотрение современных нейтральных государств, которые признаны международным сообществом.

Возникновение понятия «нейтралитет» восходит еще к античному периоду. Изначально под ним понималась нейтральность того или иного государства во время войны, и только позднее появились такие его разновидности, как **постоянный**, **традиционный** и **позитивный** нейтралитет. В отличие от позитивного нейтралитета, который является внешнеполитическим курсом того или иного государства, направленное на поддержание мира и безопасности на международной арене, «под нейтралитетом постоянным понимается международно-правовой статус государства, в соответствии с которым оно обязано не участвовать в вооруженных конфликтах, могущих возникнуть между другими государствами, не входить в военные союзы и блоки, не предоставлять свою территорию для иностранных войск и военных баз»[2].

В настоящее время постоянный нейтралитет государства юридически устанавливается либо заключением международного договора, либо принятием закона о постоянном нейтралитете, признанном другими государствами. Этот статус может быть просто признанным или гарантированным. В первом случае договорные страны воздерживаются от действий, которые могут вовлечь нейтральное государство в войну, а во втором случае участники соглашения обязуются вооруженной силой воспрепятствовать покушениям на нейтралитет, фактически выступая в качестве гарантов.

Но бывает и так, что страна проводит политику нейтралитета, не зафиксировав это положение ни в конституционных актах, ни в каком-либо международном договоре. Данную разновидность нейтралитета называют традиционным.

Советский юрист-международник И. Тиунов в своей монографии пишет: «Основной причиной установления статуса постоянного нейтралитета являлись непримиримые противоречия крупных держав, их постоянные споры о праве владения той или иной территорией. Эти противоречия сказывались на положении небольших государств, географически расположенных между великими державами и нередко бывших ареной их столкновений. Компромисс в споре приво-

дил к подписанию договора о постоянном нейтралитете определенных государств, что означало юридическое закрепление равновесия сил великих держав»[3].

Но не надо забывать, что для слабой в военном отношении страны, которая не хочет оказаться в эпицентре конфликтов великих держав, политика нейтралитета способствует сохранению целостности государства, неприкосновенности его границ и суверенитета.

De jure Швейцарию можно считать первой нейтральной страной в мире. По окончании наполеоновских войн, в 1815 году она декларировала статус вечного нейтралитета, гарантированного Заключительным генеральным актом Венского конгресса, и после этого ни разу не участвовала в войнах. Надо заметить, что нейтралитет этой страны является продуктом не только общенационального менталитета невмешательства во внутренние дела других государств, заложенного еще в средние века, но и как средство для консолидации Швейцарской Конфедерации. По этому поводу оксфордский профессор Л. Зидентоп пишет: «...Ее (Швейцарии – М.А.) успех как федеративного государства, по-видимому, в большей степени объясняется сплоченностью маленькой страны, живущей *в окружении мощных и опасных соседей* (подчеркнуто мной – М.А.), чем какими-либо иными факторами»[4].

Но следует отметить, что значимость швейцарского нейтралитета вышла за рамки национального и приобрела важность мирового масштаба, став основной причиной того, что на территории этой страны разместились штаб-квартиры таких международных организаций, как Красный Крест, Всемирная организация охраны здоровья, Международная организация труда, Европейское бюро ООН.

В отличие от Швейцарии, которая обладает статусом постоянного нейтралитета, нейтралитет Швеции является традиционным. Утратив более трети своей территории и столкнувшись с резко изменившейся геополитической ситуацией в Европе после наполеоновских войн, в 1834 году Швеция решила провозгласить о своем постоянном нейтралитете.

С учетом того, что в определенный исторический период Швеция была одна из самых воинственных стран Европы, трудно согласиться с мнением многих западных политологов, которые считают, что, кроме сложившейся геополитической ситуации, важную роль в принятии этого решения сыграл «миролюбивый» скандинавский менталитет[5]. Хотя провозглашенная политика нейтралитета всегда пользовалась большой поддержкой со стороны народа и как бы стала неотъемлемой частью национального самосознания, думается, что в психологическом плане Швеция стала чувствовать себя в роли второстепенной страны на периферии Европы, и именно поэтому решила остаться в стороне от кровопролитных войн.

Следующей европейской страной, объявившей о своем постоянном нейтралитете, стал Лихтенштейн. После роспуска армии в 1868 году, эта страна, чья территория составляет примерно 160 $км^2$, начала придерживаться политики нейтралитета, считая ее наилучшим альтернативным средством обеспечения безопасности.

Британский исследователь Е. Карш пишет: «Каково бы ни было точное определение маленькой страны, существенным фактом с точки зрения этого исследования является то, что малость территории, то есть *ограниченная мощь* (подчеркнуто мной – М.А.), порождает существенное различие между проблемами и ограничениями, альтернативами и политическим курсом, с которыми сталкиваются малые государства, в отличие от больших»[6]. Действительно, страна, которая не обладает большой территорией и населением, не имеет возможности

стать сильной в военном плане. Более того, если «для великой державы нейтралитет часто является задачей простых затрат и выгод, то для малого государства это может быть вопросом существования»[7].

Именно поэтому, когда началась Вторая мировая война, правительство Ирландии также решило, что будет сохранять нейтралитет, надеясь таким способом добиться объединения страны. В это время премьер-министр Великобритании действительно обдумывал вопрос о присоединении Северной Ирландии к Ирландии, чтобы обеспечить поддержку последней в войне, но не смог добиться согласия самой Северной Ирландии.

Вслед за Ирландией о своем желании придерживаться политики нейтралитета заявила Финляндия, что было признано в 1948 году Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Финляндией и Советским Союзом. Инициатива заключения договора принадлежала советскому правительству, «принимая во внимание стремление Финляндии оставаться в стороне от противоречий между интересами великих держав и выражая стремление к сотрудничеству в интересах поддержания международного мира и безопасности»[8]. Хотя эта политика практически удостоилась признания и со стороны других государств, но все же на Западе курс Финляндии на поддержание добрососедских отношений с Советским Союзом считался принудительным.

Несмотря на то, что Финляндия по сей день продолжает придерживаться политики неприсоединения к каким-либо военным и политическим блокам, в стране уже достаточно много сил, желающих вступить в Северо-Атлантический Союз. Сторонники этой позиции уверены, что этот шаг еще более подчеркнет независимость Финляндии на международной арене и избавит Хельсинки от ощущения исторического давления со стороны Москвы. По нашему мнению, причиной этого является тот факт, что сегодня территориальное измерение этой страны несколько изменилось, поскольку мы можем ее воспринимать и как отдельное независимое государство, и в качестве члена Европейского Союза.

В 1949 году, упразднив армию, о своем постоянном нейтралитете провозглашает Коста-Рика – одно из самых маленьких государств в Центральной Америке. Закрепив этот статус Конституцией, единственная нейтральная страна Америки заявила, что останется безоружной и воздержится от участия в вооруженных конфликтах. Это объясняется тем, что Соединенными Штатами Америки географическое положение Коста-Рики всегда рассматривалось в качестве стратегического моста для распространения своего влияния на Центральную Америку. Штаты старались использовать страну в борьбе против соседнего Никарагуа, что привело к ухудшению отношений между этими странами. Однако Коста-Рика вовремя прекратил враждебную политику против Никарагуа, что вызвало напряженность в отношениях с Вашингтоном[9].

План мирного урегулирования центральноамериканского конфликта, принесший президенту Коста-Рики Оскару Ариасу Нобелевскую премию мира, создал надежную основу для того, чтобы покончить с внутренними конфликтами, достичь национального примирения и демократизации общества и усилить экономическую интеграцию внутри региона[10].

После Первой мировой войны распалась Австро-Венгерская империя, и перед ее немецкоязычной частью встал вопрос новой самоидентификации. Многие считали новопровозглашенную Австрийскую республику нежизнеспособной. В этой связи широкое распространение получили идеи пангерманизма, и это начало тревожить держав-победительниц. Однако австрийские патриотические силы начали предпринимать попытки посредством провозглашения нейтралитета

спасти новое государство от привязки к Германии. За создание независимой и нейтральной республики по швейцарскому образцу выступал даже бывший глава последнего правительства Австро-Венгерской монархии Ламмаш[11].

А после Второй мировой войны в процессе урегулирования австрийского вопроса западные державы начали распространять свое военно-политическое влияние на оккупированную ими совместно с Советским Союзом Австрию. Советский Союз, внесший решающий вклад в освобождение Австрии от германского нацизма и возрождение ее государственности, естественно, не желал, чтобы эта страна снова стала на сторону недружественных сил. Австрия же боялась «советизации» и видела в западных державах гарантию своего суверенитета. Однако когда пришло понимание, что в руках великих держав Австрия является лишь «разменной картой» в большой геополитической игре, австрийская дипломатия стала принимать самостоятельные меры. В результате интенсивных внутриполитических дебатов и непростых переговоров с заинтересованными сторонами австрийцы сделали выбор в пользу постоянного нейтралитета. Это доказывает, что австрийский нейтралитет не был полностью принудительным со стороны Советского Союза.

После вступления в силу Государственного договора о восстановлении независимой и демократической Австрии 1955 года, и завершения вывода оккупационных войск из страны, австрийский парламент принял конституционный закон о постоянном нейтралитете, получивший международное признание.

В ходе Женевского совещания по урегулированию Лаосского вопроса, созванного по инициативе Советского Союза, была принята Декларация о нейтралитете Лаоса. В ней было включено заявление от 9-го июля 1962 года о нейтралитете, выражавшее интересы трех влиятельных политических сил страны – Патриотического фронта Лаоса, нейтралистов и правых.

Однако Лаосу не удалось воспользоваться плодами нейтралитета. Соединенные Штаты, начав войну против Вьетнама, уже с середины 1964 года начали совершать разведывательные полеты над территорией страны, а затем для подавления национально-освободительного движения и превращения Лаоса в американский плацдарм, приступили к бомбардировке и обстрелу военных и гражданских объектов, которые находились под контролем Патриотического фронта[12]. Но следует отметить, что нарушение постоянного нейтралитета агрессором еще не означает, что договор о нем перестает действовать, именно поэтому *de jure* Лаос и по сей день является нейтральной страной.

В 1980 году Мальта приняла закон о постоянном нейтралитете, а в 1983 году заключила договор с Италией, гарантировавшего этот статус[13]. Это решение было принято по геополитическим соображениям. Это островное государство в Средиземном море имеет стратегическое географическое расположение, которое можно рассматривать в качестве форпоста для любой страны, которая хочет распространить свое влияние не только на Западную и Восточную Европу, но и от Северной Африки до Ближнего Востока. Именно поэтому Великобритания всегда была заинтересована в Мальте, и в начале XIX века добилась того, чтобы этот остров вошел в состав Британской империи и стал ее военно-морской базой.

Постоянный нейтралитет Камбоджи нашел отражение в законе, вступившем в силу еще в 1957 году, однако нейтральный статус этой страны, расположенной на полуострове Индокитай, был определен Заключительным актом Парижской конференции по Камбодже, созванного только в 1991 году[14].

Индокитай является важнейшей географической и экономической зоной Юго-Восточной Азии. Здесь сходятся многие важные транспортные артерии, а

недра полуострова богаты полезными ископаемыми. Многие десятилетия перед Второй мировой войной, когда Индокитай был собственностью французов, Соединенные Штаты не раз выступали за осуществление в этом районе принципа «открытых дверей» и «равных возможностей»[15]. А после Второй мировой войны, стремясь превратить Юго-Восточную Азию в плацдарм открытой борьбы против социализма, американское правительство бросило в Индокитай огромные военные силы. Война в Индокитае была самой продолжительной, дорогостоящей и кровопролитной войной в истории Соединенных Штатов. Понятно становится, почему только после окончания «холодной войны» стало возможно признание нейтрального статуса Камбоджи.

Чешский политолог Я. Шир пишет: «Появление на постсоветском пространстве номинально нейтральных государств – факт вполне объяснимый. Исчезновение биполярного разделения мира, символически выразившееся в развале советской империи, привело к коренным изменениям геополитического ландшафта Евразийского континента. Крушение некогда великой державы оставило после себя «вакуум власти», охвативший территории ряда вновь образованных независимых государств»[16].

Конституция Молдовы была принята в 1994 году, где страна провозгласила о своем постоянном нейтралитете, которым она не допускает присутствия иностранных вооруженных сил на своей территории. Это государство не имеет военной истории, и нейтралитет рассматривается в качестве альтернативы сильной армии, то есть доступным и удобным средством для защиты суверенитета и независимости. Видно, что соседство страны с Россией сыграло важную роль в принятии такого внешнеполитического курса. Однако утвердиться в этой роле на практике Молдове все-таки не удалось[17].

А вот Туркменистан в этом деле более чем преуспел. В 1995 году выступая на саммите Организации Экономического Сотрудничества, президент Туркменбаши заявил, что на азиатском континенте никогда не было центра, где можно было бы решать острые международные проблемы без каких-либо конвенций. Признавая вклад в историю международных отношений таких политических и миротворческих центров, каковыми являются Австрия и Швейцария, он подчеркнул, что новые политические реалии диктуют необходимость создания таких центров в том числе и в Азии[18].

В настоящее время эта азиатская страна является единственной в мире, чей нейтралитет признан Организацией Объединненых Наций. В ходе 50-ой Сессии Генеральной Ассамблеи была принята резолюция, в которой был зафиксирован этот статус. Конечно, были определенные основания для принятия этого документа. По мнению аспиранта Одесского государственного экономического университета Р. Бахтыева, «Туркменистан, в отличие от других бывших республик Советского Союза, не имел какие-либо внутренние противостояния на национальной, религиозной, социально-политической почве. Ни одно из *соседних с ним государств* (подчеркнуто мной – М.А.) ... не имело территориальных претензий к Туркменистану. Туркменский народ отличает стремление к добрососедским отношениям, гармония межгосудартвенных, межрелигиозных, межнациональных отношений»[19].

Завершая анализ опыта современных нейтральных государств, следует обратить внимание еще и на тот факт, что в изменяющихся геополитических условиях не всем нейтральным странам удается сохранить свой статус, и на решающих этапах истории они иногда вынужденно совершают действия, противоречащие их нейтральной политике. Более того, временами мировой порядок подвер-

гается таким метаморфозам, что некоторые страны бывают больше не в состоянии следовать политике нейтралитета, потому что это противоречит интересам великих держав.

Например, страны Бенилюкса, которые вели политику нейтралитета с 1839 года, фактически отменили свой статус Брюссельским пактом 1948 года. Созданный пактом оборонительный Западный Союз, в который входили еще Франция и Великобритания, был направлен «преимущественно против угрозы германского реваншизма»[20]. Та же участь ожидала и страны Прибалтики, которые заявили о своем нейтралитете в конце 1930-х годов, но легитимность их статуса была поставлена под большой вопрос Советским Союзом и Германией. За этим последовала оккупация Латвии, Литвы и Эстонии со стороны Советского Союза в соответствии с секретным протоколом пакта Молотова-Риббентропа 23 августа 1939 года[21].

Подытожив, можем сказать, что причинами нейтральной внешней политики стран могут служить разные геополитические факторы. Нейтральные государства являются важными политическими центрами, которые в основном имеют *стратегическое географическое расположение*, тем самым играя весомую роль в формировании систем региональной безопасности. Поэтому в основном установление нейтрального статуса отдельных государств является следствием внешнего давления (то есть компромисса между мощными державами, имеющими относительно равную мощь), направленное на поддержание определенного баланса сил в разных регионах мира. Именно этим фактом можно объяснить появление сразу несколько новых нейтральных государств в разных регионах мира во времена «холодной войны».

Вместе с тем, надо отметить, что статус нейтралитета является продуктом не только давления извне, но может быть и результатом собственного волеизъявления отдельного государства, в целях обеспечения своей национальной безопасности. Но в этом случае данный статус должен устраивать не только провозгласившую о своем нейтралитете страну, но и тех государств, которые заинтересованы в том, чтобы она стала нейтральной. Если одно из мощных держав имеет большее политическое и экономическое влияние на отдельную страну или регион в целом, то вряд ли статус нейтралитета будет признан.

Интересен тот факт, что нейтральными становятся те страны, которые обладают *небольшой территорией*, что в основном воспринимается как немощность. Действительно, малые страны не могут быть достаточно сильными в военном плане, потому что данная малость ограничивает не только территорию и полезные ископаемые, но и человеческие ресурсы. Именно поэтому для малых стран правовой статус нейтралитета рассматривается основной альтернативой обеспечения национальной безопасности.

1. *Cohen S.B.* Geopolitics: The Geography of International Relations. Rowman & Littlefield, 2009. P. 12.
2. Дипломатический словарь // Под ред. А.А. Громыко. Т. 2. М., 1986. С. 272.
3. *Тиунов И.О.* Нейтралитет в международном праве. Пермь, 1968. С. 9.
4. *Зидентоп Л.* Демократия в Европе. М., 2004. С.15.
5. См., например, *Rolenc J.M.* The Relevance of Neutrality in Contemporary International Relations. Адрес документа в Интернете: http://www.allacademic.com/meta/p253774_index.html

6. *Karsh E.* Neutrality and Small States. Routledge: 1988. P. 4.
7. Там же. С. 4.
8. Дипломатический словарь // Под ред. А.А. Громыко. Т. 3. М., 1986. С. 321.
9. *Mitchel M.T., Pentzer S.* Costa Rica: a Global Studies Handbook. ABC-CLIO, 2008. P. 214.
10. См.: *Meyer P.J.* Costa Rica: Background and U.S. Relations. Congressional Research Service. February 22, 2010. P. 4.
11. *Кружков В.А.* Как Австрия стала нейтральной. Международная жизнь. N 8. Сентябрь 2008. С. 161—175.
12. См.: Дипломатический словарь // Под. ред. А.А. Громыко. Т. 1. М., 1985. С. 366.
13. См.: *Woodliffe J.* The Peacetime Use of Foreign Military Installations Under Modern International Law. Martinus Nijhoff Publishers, 1992. P. 99—100.
14. Международное право. Учебник для вузов // Под ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунова. М., 1999. С. 37—38.
15. См.: *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. Vintage Books NY, 1989. P. 246–247.
16. *Шир Я.* О некоторых аспектах «позитивного нейтралитета» постсоветского Туркменистана. С. 467. Адрес документа в Интернете: www.espi.ru/Content/Conferences/Papers2005/razd5/ShirYan.pdf
17. См.: *Marandici I.* Moldova’s Neutrality: What is at Stake? Адрес документа в Интернете: http://www.viitorul.org/lib.php?l=en&idc=296
18. См.: *Shikmuradov B.O.* Positive Neutrality as the Basis of the Foreign Policy of Turkmenistan. Адрес документа в интернете: http://www.sam.gov.tr/default.php
19. *Бахтыев Р.А.* ООН и нейтралитет Туркенистана: феномен в международных отношениях. Грани. N 5(67) сентябрь-октябрь, 2009. С. 145.
20. *Шемятенков В.Г.* Европейская интеграция. М., 2003. С. 29.
21. См.: Всемирная история // Под ред. Г.Б. Поляка, А.Н. Марковой. М., 2001. С. 449.

О СПЕЦИФИКЕ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫМИ КОНФЛИКТАМИ В РА

Аствацатуров С.В.

Процессы коренных общественных преобразований в Армении и модернизация ее социально-экономической системы предполагают формирование эффективной модели управления конфликтными проявлениями в сфере социально-трудовых отношений. Наличие же многообразных социально-трудовых отношений и конфликтов, адекватных характеру реформ, требует их рассмотрения в рамках целостной теоретико-методологической модели управления социально-трудовыми конфликтами армянского общества, обеспечивающей возможности успешного исследования их функциональных особенностей и факторов сотруднических и конфликтных взаимодействий в различных подсистемах жизнедеятельности общества. При этом, на наш взгляд, как в теоретическом, так и в практическом плане, речь должна идти о такой модели управления социально-трудовыми конфликтами, которая структурно включает как механизмы урегулирования этих конфликтов, так и способы предупреждения рисков возникновения и их негативных последствий.

Таким образом, исследование модели управления социально-трудовыми конфликтами позволяет уточнить содержание и этапы трансформационно-модернизационных процессов (в том числе, трансформации самих конфликтных процессов) в армянском обществе, а также выявить взаимосвязь между первой и вторыми. Кроме того, модель управления социально-трудовыми конфликтами дает возможность углубить характеристику предлагаемой нами экономико-конфликтной модели трансформирующегося армянского общества[1].

Представляется очевидным то, что по своему типу модель управления социально-трудовыми конфликтами (как развивающейся двухуровневой системы различных форм проявлений индивидуальных и коллективных конфликтов, имеющей специфические особенности на различных этапах трансформационно-модернизационных процессов и в различных сферах жизнедеятельности общества) соответствует типу модели трансформирующегося общества или общества переходного типа. Поэтому данная модель может быть понята и с точки зрения отношения трансформирующегося общества к социальным конфликтам и способам их урегулирования. В этом плане, социальная система переходного типа находится между двумя типами социальных (твердо-жестких и мягких) систем, предложенных Л. Козером[2]. На наш взгляд, общественную систему трансформирующегося общества, а стало быть и тип модели управления социально-трудовыми конфликтами, можно считать разновидностью смешанной системы и назвать «твердо-мягкой системой», обладающей свойствами обоих систем. С одной стороны, она формирует правовые институты и механизмы урегулирования социальных, в том числе, социально-трудовых конфликтов, а с другой стороны, в ней отсутствуют традиции демократических способов урегулирования последних и сохраняется опасность их подавления. В этом смысле, данные проведенных нами социологических исследований доказывают правомерность подобной характе-

ристики. В соответствии с ними, в современных условиях манифестирующее конфликтное противостояние в сфере социально-трудовых отношений характеризуется применением сторонами жестких стратегий поведения[3].

В практической плоскости, на особенности модели управления социально-трудовыми конфликтами в Армении повлияли специфические процессы приватизации и появление предприятий малого и среднего бизнеса, а также такие факторы, как Спитакское землетрясение, война в Нагорном Карабахе и связанная с ней блокада страны. В этой связи, на первом этапе реформирования открытое и острое противостояние между работодателями и работниками было незначительным, а латентные по характеру конфликты были связаны с проблемой задолженности и повышением заработной платы работников, не вызывая акций социального протеста. Подобная картина отличалась от ситуации в других странах и, в частности, в России, где в 90-ые годы прошлого столетия наблюдался неуклонный рост забастовочного движения и других акций против проводимой правительством социально-экономической политики[4].

В дальнейшем, специфика социально-трудовых отношений и конфликтных взаимодействий в Армении была связана с двумя обстоятельствами: 1) новым этапом реформирования, который в современных условиях сопряжен с воздействием мирового финансово-экономического кризиса и 2) действием таких процессов, как: а) процессы образования и становления разветвленной сети экономических группировок, сопровождающиеся экономико-конфликтными процессами между и внутри интегрированных социально-экономических образований, б) процессы изменения в формах функционирования государства и частного сектора, приводящие к экономико-конфликтным процессам между государством и крупным бизнесом, в) экономико-конфликтные процессы, возникающие во взаимоотношениях между субъектами монопольных и немонопольных рынков.

В целом, социологические данные позволяют охарактеризовать многомерную, многоэлементную модель управления социально-трудовыми конфликтами, имеющую экономический, социальный и правовой аспекты. Анализ результатов проведенных социологических исследований конкретных форм проявления социально-трудовых и организационно-административных конфликтов на 20 предприятиях 9 отраслей народного хозяйства (включая методы глубинных интервью, экспертных оценок, традиционного анализа документов, контент-анализа печатных СМИ, кейс-стади, а также вторичный анализ результатов исследований), а также функционирующих механизмов их урегулирования с учетом критерия принадлежности к частному или государственному типу организации, а также критерия размера предприятия или организации показали, что доминирующей формой экономико-конфликтных процессов в сфере социально-трудовых отношений являются латентные формы их проявлений, которые особенно опасны в связи с увеличивающимся из года в год риском их манифестации в более деструктивных формах. Кроме того, латентный характер социально-трудовых конфликтов в Армении не снимает с повестки дня тех рисков, которые имеют экономический характер и обнаруживаются в потерях рабочего времени и снижении эффективности производства.

Отметим, что трудовые и социально-трудовые конфлиты на крупных предприятиях имеют свои особенности: 1) они реже возникают по причине лучших условий трудового найма и, в частности, достаточной зарплаты; 2) при возникновении же они легко улаживаются, поскольку крупные предприятия имеют больше возможностей исключать возникновение конфликтов или урегулировать их.

Полученные в ходе исследования мнений 300 респондентов социологические данные позволяют выделить такой особый элемент модели управления социально-трудовыми конфликтами, как специфический социальный механизм их урегулирования на малых и средних предприятиях, который характеризуется доминированием неформальных горизонтальных и вертикальных отношений. При этом, с точки зрения стабильности организации, эти социальные практики оцениваются как положительные и руководителями, и подчиненными. Кроме того, как подчиненные, так и руководители, доверие и позитивное отношение друг к другу связывают с личными качествами. Последнее обстоятельство оказывает большое влияние на выбор механизма урегулирования конфликтов. В результате конфликты урегулируются в основном внутри предприятий путем попыток договориться с руководителем, достичь с ним соглашения (по мнению подчиненных и руководителей, соответственно в 67,4% и в 85,7% случаев).

Одной из причин конфликтности в организациях является видимая противоположность установок и восприятий данных групп по отношения к одним и тем же проблемам. Например, если в качестве причины возникновения конфликтов 70% руководителей считает плохое выполнение работы или своих обязанностей со стороны работников, то большая часть работников и малых, и средних предприятий в качестве вообще главной причины возникновения вертикальных конфликтов в трудовых отношениях отмечает: а) плохое отношение руководителя (54,3%); б) низкую зарплату или задержки с выплатами зарплаты (20,6%). О степени конфликтости на этих предприятиях свидетельствует то, что основная часть подчиненных считает, что оплачивается меньше того, чего она стоит или достойна.

Причины возникновения трудовых конфликтов на малых и средних предприятиях различных сфер жизнедеятельности, как правило, практически тождественны. Определенные особенности конфликтов обнаруживаются в зависимости от размера предприятий. В частности, для малых предприятий характерны конфликты, которые возникают вследствие перегруженности подчиненных и нечеткого функционального разделения обязанностей работников. Несмотря на это, конфликты между руководителями и подчиненными, как и сотрудничество, как уже отмечалось выше, в основном носят персонифицированный характер. Кроме того, внутри трудового коллектива в горизонтальных отношениях имеется больше возможностей для возникновения открытых конфликтов, поскольку здесь отсутствует угроза применения административного механизма принуждения.

Принципиальная роль в модели управления социально-трудовыми конфликтами принадлежит социальным структурам и механизмам, защищающим интересы и права участников конфликта. Речь идет, прежде всего, о роли и состоянии профсоюзов. В современных условиях на многих малых и части средних предприятий частного сектора профсоюзы отсутствуют или же, при их наличии, превращаются в чисто формально существующий придаток административных структур. Поэтому роль профсоюзов в деле реализации интересов работников становится несущественной или деструктивной. Согласно данным Конфедерации независимых профсоюзов Армении и Государственной Инспекции Труда РА, в 2010 году в числе поступивших к ним жалоб подавляющую часть составляли индивидуальные заявления (соответственно, 99% и 80%), связанные с нарушениями трудовых прав (задержки с выплатами зарплаты, увольнения с работы, плохие условия труда и т.д.). Однако, по мнению экспертов, многие работники, не имея представлений о сущности трудовых прав, даже не пытаются защитить их по причине страха потерять работу и высокого уровня безработицы в стране.

Одновременно, они избегают способов решения проблем с помощью судебной системы, что обусловлено, прежде, всего неповоротливостью и неэффективностью судебной системы, а также отсутствием доверия к данной структуре, поскольку во многих случаях «закон на стороне сильного». Однако отсутствие конкретных посреднических структур в обществе также влияет на состояние дел в социально-трудовых отношениях. В сложившейся обстановке принятие поправок к Трудовому законодательству, в соответствии с которыми предусмотрено создание структур представителей работников (которые, по существу, являются альтернативой профсоюзам на предприятиях и в организациях), кажется преждевременным шагом, не способствующим формированию субъективных основ рациональной модели управления социально-трудовыми конфликтами, и поднимает проблему их легитимности. В условиях, когда на определенной части предприятий и организаций республики не заключается коллективных договоров, наличие подобных структур вместо обеспечения консолидации работников в защите своих прав и интересов распыляет потенциал конструктивного сотрудничества, а диффузный характер интересов делает невозможным успешное урегулирование конфликтов.

Решение отмеченной проблемы видится на путях развития механизмов реального социального партнерства как одного из основных аспектов формируемой модели управления социально-трудовыми конфликтами. Поэтому, на наш взгляд, важным становится повышение роли уже заключенных коллективных договоров, упорядочивающих различные аспекты трудовых отношений. Вместе с тем, система социального партнерства должна включать взаимосвязанный и согласованный механизм функционирования разнотипных коллективных договоров, который обеспечит реализацию интересов работников. Одновременно, отсутствие соответствующих традиций и культуры договорных отношений в Армении приводит к тому, что логика силового давления остается господствующим способом урегулирования уже протекающих современных трудовых конфликтов. В таком случае социально-трудовые конфликты приобретают черты так называемого реалистического конфликта, т.е. такого конфликта, который исчерпывает себя, если индивид находит альтернативные пути, позволяющие достичь той же самой цели. В реалистическом конфликте имеются функциональные альтернативы в отношении средств, а участникам всегда потенциально доступны механизмы, реалистичные по эффективности, но иные, чем продолжение конфликта[5]. Поэтому специфика «реалистичности» социально-трудовых конфликтов в Армении состоит в том, что при наличии сформированных и существующих институциональных и, прежде всего, правовых механизмов, реальными и функциональными становятся неформальные средства и механизмы их урегулирования.

Отметим также, что поправки к Трудовому законодательству РА не содержат положений о предконфликтной ситуации, а также о предупредительных мерах и превентивных механизмах в социально-трудовых отношениях, что и, наряду с другими факторами, способствует сохранению возможной напряженности в имеющихся социально-трудовых отношениях. Кроме того, в условиях отсутствия единой терминологии в характеристике и критериях переговорного процесса Трудовое законодательство должно содержать не только пункты о переговорах по поводу различных аспектов трудовых отношений, но и включать конкретные положения о переговорном процессе по урегулированию социально-трудового конфликта.

Представляется, что, в модели управления социально-трудовыми конфликтами необходимо повышение роли государства. В этом смысле, особая роль госу-

дарства уже проявилась в связи с негативными последствиями мирового финансово-экономического кризиса, ударившего, прежде всего, по горно-металлургической промышленности Армении. Сложившаяся динамическая ситуация потребовала выработки и применения новых подходов, когда, благодаря своевременным шагам и реализации антикризисной программы, правительству удалось предотвратить массовые увольнения и способствовать началу модернизации предприятий отрасли. Вместе с тем, активная роль государства должна и может проявиться в плане содействия реальной институционализации социально-трудовых конфликтов с помощью конкретных практических мер по созданию условий для повышения уровня организованности их сторон, а также посредством внедрения и развития посреднических структур и конфликтологических служб в сфере социально-трудовых отношений.

Внедрение эффективной модели управления социально-трудовыми конфликтами в Армении делает целесообразным сбор и анализ официальной статистики относительно характера и количества социально-трудовых конфликтов, а также стимулирует углубление и продолжение научно-исследовательской деятельности и подготовку кадров в данной области. Поэтому сегодня приобретает актуальность разработка основных показателей конфликтно-протестной активности, методики и научного аппарата для расчетов рисков и возможного ущерба от социально-трудовых и организационно-трудовых конфликтов и экономической эффективности от их своевременного урегулирования. Одновременно следует обратить особое внимание на механизмы предупреждения социально-трудовых конфликтов, на осуществление мониторинга и сбор информации о положении в сфере социально-трудовых отношений для выявления и оценки риска возникновения конфликтов.

1. *Аствацатуров С., Баблоян А.* Типология форм проявления социально-экономических конфликтов в современной Армении: теория и реальность // Ежегодник факультета социологии ЕГУ 2008 года. Ер., 2009. С. 98.
2. *Бачинин В.А., Сандулов Я.А.* История Западной социологии: Учебник. СПб., 2002. С. 264–265.
3. *Аствацатуров С.* О социологическом анализе социально-трудовых конфликтов в Армении // Сборник материалов конференции «Трудовой кодекс РА, как эффективный механизм, способствующий гендерному равенству» (18 ноября, 2008г.). Ер., 2009. С. 78–79.
4. *Козырев Г.И.* Введение в конфликтологию. М., 2001. С. 104.
5. *Бачинин В.А., Сандулов Я.А.* История Западной социологии: Учебник. СПб., 2002. С. 65.

ФИЛОСОФИЯ И НАУКИ О ФИЛОСОФИИ

Оганесян С.Г.

В статье излагается новый подход к исследованию природы философии, который, на наш взгляд, на современной стадии развития методологии науки почти что самоочевиден, но странным образом остался незамеченным исследователями философии, что в значительной степени затрудняет правильное понимание природы такого сложного и противоречивого феномена, который, по крайней мере, в западной культуре, начиная с Древней Греции, называют философией[1]. По-видимому, главной причиной такого «странного» положения является то (на что были свои основания), что за более чем, двухтысячелетнюю свою историю в содержание этого феномена входило большое множество духовных ценностей, которые, строго говоря, не относились к философии в подлинном смысле этого слова. Однако, к сожалению, в дальнейшем, когда философия постепенно очищалась от ненужного ей «балласта», философию продолжали и продолжают исследовать не в ее «чистом» виде (как это делается на теоретическом уровне исследования в подавляющем большинстве наук, в которых в процессе научного исследования исследуемый объект мысленно отделяется от всего, что в реальной действительности имеется в его структуре, но имеет иную, отличную от него природу, т.е исследуемый объект берется в его чистом виде), а в совокупности, вместе со всем тем не философским содержанием, которое еще осталось в структуре феномена, которую продолжают называть философией.

Речь идет об игнорировании различия между **философией**, как одной из форм духовной культуры (наряду с религией, искусством, моралью, мифом, наукой), и **науками о философии**, в которых сама философия становится предметом исследования. Из сказанного не трудно сделать вывод, что необходимо различать саму философию от наук о философии[2]. Иначе говоря, философия, будучи одной из форм духовной культуры, как и другие формы духовной культуры, может стать и становится объектом исследования науки, в данном случае – науки о философии[3]. Все объекты действительности, как материальные, так и идеальные (в том числе и все формы духовной культуры), в принципе, могут стать и, как правило, становятся объектами исследования тех или иных наук[4]. Этой участи не могла и не избежала и философия, хотя, как это ни странно, в научной литературе о философии различия философии от научных исследований философии,

и тем самым философии от наук о философии, не проводится, что и является, на наш взгляд, причиной многих недоразумений и непониманий истинной природы и сущности философии.

Те, кто творят философию, создают философские системы, то есть философы в строгом смысле этого слова (договоримся называть их «подлинными» философами), как правило, занимаются и анализом философских учений других философов, и эти мысленные действия, по существу, являются не философскими, а научным исследованием философии, ибо по своей природе это иного рода мысленная процедура, чем та, которая применяется при создании самой философии. Если у кого-то сказанное вызывает сомнение, тот может легко в этом убедиться, прочитав практически любую философскую работу подлинных философов. Почему подлинные философы занимаются и не свойственной для философии мысленной деятельностью в виде научного исследования самой философии, — это другой вопрос, от ответа на который мы пока воздержимся, ибо изложение этого вопроса можно провести только после пояснения ряда положений, что потребует значительного места и уведет нас от решения нашей основной задачи.

Но, кроме подлинных философов, есть и ученые, которые, не создавая и не «сотворяя» собственные «философии», ограничиваются лишь научным исследованием философских учений подлинных философов, иначе говоря, являются не подлинными философами, а учеными (назовем их учеными-философами) и занимаются только тем, что для подлинных философов является только частью (и при этом не самой главной) их философской деятельности. Для ученых-философов мысленная деятельность подлинных философов (т.е. сама философия), и все философии, которые созданы в результате такой деятельности, становятся предметом их научного исследования, объектом их познания, а сама их мысленная деятельность по исследованию философии является научной мысленной деятельностью, наукой, которую, с нашей точки зрения, следует называть методологией философии, наподобие методологии науки. Полученные же посредством этой деятельности результаты в виде мысленных конструкций, отражающие свойства подлинной философии, есть научное знание о философии. Как об этом пишет Н. Бердяев, «... исследования по истории философии перестают быть познанием философским, становятся научным познанием... Если вы пишите прекрасное исследование о Платоне и Аристотеле, Фоме Аквинском и Декарте, о Канте и Гегеле, это может быть очень полезно для философии философов, но это не будет философия»[5].

Из сказанного следует, что тексты подлинных философов являются эмпирическим материалом исследования для ученых философов. Не трудно заметить, что материал для исследования ученого философа в некотором смысле схож с эмпирическим материалом ученого, занимающегося исследованием других форм духовной культуры (художественной литературы, мифологии, религии и т.п.) и отличается от эмпирического материала исследования естественных наук. Если эмпирический материал естественных наук существует до возникновения этих наук и независим от них, то материал исследования наук о формах духовной культуры возникает только с появлением этих форм духовной культуры и не существует вне этих форм. Материал науки о художественной литературе — литературоведения, появляется только с возникновением художественных произведений и существует только в самой этой литературе, в то время как материал науки химии — химические элементы, существовали задолго до возникновения самой науки «химия». Таково же положение с наукой о философии. Ее мате-

риал – тексты работ философов и рассматриваемые в ней проблемы возникли только с появлением философии: «Фундаментальные вопросы философии возникают вместе с самой философией, и это специфическим образом характеризует философское знание»[6].

При этом, если ученый рассчитывает получить правильное представление о философии и создать научную теорию о философии, которая может претендовать на то, чтобы быть истинной, он должен ориентироваться, в первую очередь, на развитые классические философии, в которых суть философии представлена наиболее адекватно своей природе, а не на неразвитые философские системы, в какую бы эпоху ни творил ее автор. В подобном же положении находится ученый, приступающий к исследованию природы науки, для которого эмпирическим материалом могут быть, в первую очередь, работы классиков науки. «Основным эмпирическим материалом, на который опирается методология при анализе структуры теоретического знания, являются тексты исторически сложившихся научных теорий, причем методология ориентируется, в первую очередь, на высокоразвитые в теоретическом отношении научные дисциплины, поскольку в них легче проследить особенности строения теории, чем в науках, только приступающих в полосу теоретической обработки фактов. Это обусловлено тем, что в развивающейся системе (в нашем случае – теории) принципы функционирования лучше прослеживаются на высших ступенях её развития, чем на стадии эмбрионального состояния. Поэтому в методологических исследованиях строение развитых наук принимается за своего рода эталон, с позиции которого рассматриваются все другие системы теоретического знания»[7].

Правда, возникает вопрос, а по какому критерию исследователю философии до того, как он исследовал философию и не выяснил этот критерий, определить, удовлетворяет ли данная работа философа этому требованию, то есть является ли она классической философской работой, в которой суть философии представлена адекватно своей природе, а не неразвитой философской системой, в которой эта суть завуалирована иными, нефилософскими элементами. По-видимому, здесь может быть только одна возможность – интуиция исследователя и его знания о философах и о философии, полученные от знакомства с имеющимися работами по философии, написанные авторами, признаваемыми сообществом философов подлинными философами и научными работами о философии. Здесь мы имеем дело с аналогичной ситуацией, которая возникает перед исследователем любой другой формы духовной культуры. Например, искусствовед перед тем, как приступить к исследованию природы искусства должен обладать определенной способностью чувствовать искусство, а также знаниями предыдущих исследователей искусства о природе искусства и посредством них интуитивно определить, какие произведения являются классическими произведениями искусства, и тем самым научное исследование именно этих произведений даст ему больше шансов выявить подлинную природу искусства.

Такие же мысленные действия осуществляют и литературные критики, музыковеды и все другие ученые, осуществляющие исследования форм духовной культуры. Но если в этих областях для названия тех, кто создает художественные произведения, имеются одни слова-термины (писатель, художник, скульптор, композитор), а для тех, кто занимается научным анализом их произведений, другие (литературный или музыкальный критик, искусствовед и т.д.), то в философии и тех, кто создает философские системы, и тех, кто только проводит исследования философии или же отдельных философских произведений, называют одним и тем же словом – философ. И Ойзермана, и Канта называют философа-

ми, в то время как первый – крупный ученый, занимающийся научным исследованием философии, в том числе и философии Канта, но не создавший свои философские произведения в подлинном смысле этого слова, а другой – выдающийся философ, создавший свое философское учение, основные положения которого являются не научным исследованиями, а подлинной философией, хотя в его трудах о философии имеется и другой слой в виде научного анализа и научного исследования взглядов прошлых (и современных ему) философов, без чего невозможно изложение взглядов философов о природе философии.

Поэтому, для того чтобы различать эти две на самом деле разные формы мыслительной деятельности, мы предлагаем теоретические мысленные конструкции, которые появляются в результате мысленной философской деятельности по созданию (сотворению) философских систем и философских утверждений, называть подлинной философией (или кратко – философией), а их авторов – подлинными философами, работы же по созданию мысленных конструкций, созданные в результате мысленной научной деятельности по исследованию подлинной философии, называть наукой о философии[8], а их авторов – учеными-философами (подобно ученым физикам или ученым биологам). Но поскольку существует ряд наук, исследующих философию, то, хотя и объект изучения у них один и тот же, – подлинная философия, изложенная в работах философов, – тем не менее они отличаются друг от друга предметами своих исследований и имеют свои наименования.

К числу наук о философии относятся науки «История философии», «Философия» (либо, как мы предложили бы назвать, «Философоведение» или «Теориия философии», чтобы не путать с формой духовной культуры под тем же названием, то есть с подлинной философией), «социальная философия» и т.д. Не трудно заметить, что подобное положение имеет место и в других науках. Например, изучением органического мира занимается ряд биологических наук, которые, имея общий объект познания, отличаются друг от друга предметами своего исследования.

Сказанное является общеизвестным положением, и не столько оно вызывает нашу озабоченность, сколько другое обстоятельство, которое, на наш взгляд, не всегда хорошо понимают, по крайней мере, не всегда учитывают ученые, занимающиеся исследованием истории любой области человеческой деятельности, особенно истории общества. Следует различать реально протекающую историю становления и развития человеческого общества от науки «история общества» (кратко называемой просто историей, что не совсем точно, ибо историю имеет не только общество). Как следует различать, сам реально протекающий материальный процесс по возникновению и развитию биологических процессов, от науки история биологии, исследующей историю развития этих процессов, также соответственно – саму реально протекающую историю философии от науки «история философии». И дело не только в том, что первые, реально протекающие материальные, духовные, социальные процессы, а вторые, нечто существующее в виде идеальных мысленных построений, и не столько в том, что истории науки не учитывают всех подробностей, деталей и индивидуальных особенностей истории в единичной форме существующих материальных или социальных объектов. Главное, если мы хотим выявить особенности исторических наук (если быть точным, наук, исследующих историю материальных или духовных объектов), в том числе и науки об истории, в другом.

Это другое заключается в том, что наука об истории общества не есть

простое зеркальное отражение в идеальной форме и в хронологическом порядке следующих друг за другом исторических фактов и событий, действий отдельных лиц или сообществ людей, объединенных друг с другом на какой-то общей основе и происходящих не как естественные природные явления, а есть созданное учеными историками теоретическое построение, объясняющее историю развития реального исторического процесса, и при этом в таком видении ученым этого процесса, которое соответствует его пониманию исторического процесса. Иначе говоря, научная история общества имеет такой же теоретический уровень в виде мысленной конструкции, как и теоретический уровень любой другой науки, возвышающийся над своим эмпирическим уровнем, каковым для науки истории являются эмпирические факты.

Хотим особо обратить внимание на отличие науки «История философии» от науки «Философия», и объяснить, в чем заключается отличие названных наук от их объекта исследования, ибо, на наш взгляд, не всегда это различие правильно понимается. Самой грубой ошибкой является нередко встречающееся утверждение, что философы прошлого являются объектом познания только науки истории философии, а современные относятся к прерогативе теории философии[9].

На самом деле обе эти науки, как и все науки о философии, имеют общий объект познания, но разные предметы исследования. Их общим объектом познания является (в основном) то, что изложено в работах подлинных философов, независимо от того, идет речь о современных философах или философах прошлого, а предметом исследования – разные аспекты этого объекта. Предметом исследования науки «История философии» является история развития философских взглядов с момента их возникновения до наших дней, а сама эта наука не сводится к авторскому изложению содержания работ философов, взятых в хронологическом порядке, что в лучшем случае можно рассматривать только как эмпирический материал для нее и где является эмпирическим уровнем этой науки. «История философии», как и любая развитая теоретическая наука, а она, бесспорно, имеет этот высокий статус, имеет и свой теоретический уровень знаний, который создается учеными, крупными специалистами этой науки и который представляет из себя мысленный теоретический конструкт, содержащий, как и любой теоретический конструкт гуманитарной науки, **понимание** и интерпретацию исследователем внутренней закономерности развития философии, что никак не сводимо к простому пересказу хронологически следующих друг за другом идей философов и их философских работ. «Всякое изложение не есть дословное повторение написанного тем или иным философом, а есть, по меньшей мере, пересказ, написанного собственными словами. Но кто из серьезных исследователей исторического процесса развития философии может ограничиться только пересказом, который очень далек от понимания? Понимание и интерпретация неотделимы друг от друга, поэтому исследователь истории философии может стремиться лишь к научно-объективному пониманию изучаемого предмета, что совершенно несовместимо с отказом от определенной теоретической позиции»[10].

По существу, ту же самую мысль высказал и ряд других авторов. Так, Ясперс считал, что история философии «не является фактическим состоянием, но есть некоторая идея. ... Ни одна конструкция истории философии в качестве рационально выстроенного ряда позиций не совпадает с исторической фактичностью». Ту же мысль высказали и А.В. Иванов и В.В. Миронов: «История философии – это всегда некоторая интерпретация реального исторического процесса, которая лишь камуфлирует историю идей в предлагаемые самим автором концептуальные одежды»[11].

Предметом же исследования науки «Философия» («Теория философии») являются те общие и существенные свойства, которые присущи прошлым и современным философиям и, в первую очередь, философским проблемам, что и делает их философией (подлинной философией) и отличает их от других форм духовной культуры. Содержание работ философов, созданных в течение всей истории философии, изложенные в них философские идеи, проблемы, утверждения, предлагаемые в каждой из них свои специфические решения и подходы, являются эмпирическим материалом для науки «Философия», эмпирическим уровнем этой науки. А теоретическое построение в виде мысленной конструкции, объясняющее природу, содержание понятий, структуру философии, понимание исследователем общих закономерностей, присущих подлинной философии, анализ ее проблем с позиций соответствующих принципов, признаваемых ценными и приемлемыми авторами этих теорий о философии, являются теоретическим уровнем этой науки, которую мы предлагаем назвать теорией философии.

Как видим, и наука «история философии», и наука «теория философии», как и любая наука, есть нечто в виде мысленного конструкта, что вводится учеными в создаваемый ими мысленный объект, называемый наукой и призванной воссоздать в идеальном виде исследуемый предмет. Этот создаваемый ученым мысленный конструкт (который и является «чистой наукой») есть нечто, не выводимое логическими средствами из свойств отдельных единичных предметов исследования (или их совокупности), есть нечто, вводимое ученым в создаваемую им мысленную конструкцию своей науки своеобразное, признаваемое данным исследователем как истинное, идеальное мысленное образование.

В свою очередь, каждая из названных философских наук может иметь свои подвиды наук, которые можно рассматривать и как самостоятельные науки. Например, подвидами науки «История философии» являются «История западноевропейской философии», «История русской философии», «История индийской философии» и т.д., а подвидами науки «Теория философии» или его разделами могут быть гносеология, онтология, аксиология, социальная философия и т.д., в том числе раздел предмета философии, или наука, исследующая саму философию, изучающая природу философии и философского знания – и назвать его наподобие литературоведения или искусствоведения, философоведением.

Как пишет в связи с этим Т.И. Ойзерман, «Историко-философские исследования весьма разнообразны по своим «жанрам». Существуют работы, посвященные развитию философской мысли отдельных народов, есть исследования развития философии во всемирно-историческом масштабе, в которых философская мысль отдельных народов выступает как один из этапов развития философии. Особой формой историко-философского исследования являются труды, посвященные истории гносеологии, онтологии, диалектики, натурфилософии, этики, отдельным философским направлениям, течениям, школам, направлениям и т.д., перед каждым из этих типов историко-философского исследования стоят специфические задачи, но все они в равной мере предполагают решение теоретических проблем»[12].

Как видим, ни наука об истории философии, ни наука, которую мы назвали «Теорией философии» не представляют из себя простого изложения исторически сменяющих друг друга философий, логически связанных философских учений, или изложение совокупности философских проблем, идей, утверждений, изложенных в работах подлинных философов (это только объект исследования этих наук, материал для их исследования). Они представляют из себя некое теоретическое видение процесса развития философии или процесса становления и

функционирования философских проблем. И в этих науках, как и во всех теоретически развитых науках, теоретический уровень не сводится к обобщению данных о материале исследования, а всегда предполагает и нечто привнесенное ученым, создающим теоретический уровень этой науки.

1. Мы говорим «называют философией», акцентируя внимание на тот общеизвестный факт, что несмотря на наличие существенно общих свойств между философиями разных эпох, между ними имеются и большие различия по природе, особенно между античной и современной философиями.
2. Не путать эту проблему с проблемой различения науки от философии. В данном случае речь идет не о различении двух форм духовной культуры – философии и науки, а о различении философии как самостоятельной, отличной от науки духовной культуры, с одним из **видов** другой духовной культуры – науки, которая, по нашему убеждению, реально существует наряду с такими науками, как физика, биология, социология и т.п., как самостоятельная наука со своим предметом исследования, методами исследования, системой своих понятий, но которая (насколько нам известно) не считается отдельной, отличной от самой философии наукой, предметом исследования которой является философия, а принято считать частью, разделом другой формы духовной культуры – философии.
3. Как мы покажем ниже, имеются подразделы этой науки, которые сами фактически превратились в самостоятельные науки, но чтобы не загружать читателя, мы пока говорим о науке, а не о науках о философии.
4. Когда мы пишем, что идеальные объекты могут стать и становятся объектами исследования тех или иных наук, мы имеем, в первую очередь, объекты, данные исследователю в языковом (тем самым в материальном) одеянии.
5. *Бердяев Н.* О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж. С. 5–11. Цитировано по антологии «Мир философии». Ч. 1. М., 1991. С. 114.
6. *Ойзерман Т.И.* Проблемы историко-философской науки. М., 1982. С. 7.
7. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М., 2000. С. 99.
8. Правда, как мы уже сказали, не принято их различать и употреблять два понятия – «философия» и «наука о философии». В текстах работ о философии и в работах самих философов и то, и другое обозначается одним и тем же термином – философия. Но поскольку мы их различаем и относим к двум качественно разным мысленным действиям, считаем необходимым использовать два разных понятия (см.: об этом подробнее Оганесян С.Г. Философское и не философское в философии // Философские рефлексии. Ер., 2004. С. 24–29). Некоторые исследователи употребляют термин «метафилософия» для обозначения тех разделов работ подлинных философов, в которых рассматривается вопрос о природе самой философии (в том числе и в первую очередь философии самих авторов этих работ), что для нас неприемлемо, ибо этим они по умолчанию относят к философии и такие мысленные процедуры, которые по своей природе не являются философскими, и, во-вторых, это понятие «метафилософия», в том смысле, в котором оно ими употребляется, анализ и критику авторами работ по философии других философов также рассматривают как часть подлинной философии (а не науки о философии), а это, как мы считаем и о чем уже писали, тоже представляет из себя такие мысленные процедуры, которые никак нельзя рассматривать как философские.
9. Трудности особенно часто возникают, когда пытаются выяснить, следует ли анализ и исследование современных философов и философий, или изложенных в работах современных философов отдельных философских утверждений, считать прерогативой науки «История философии» или науки «Теория философии». В результате этого возникают иногда комические ситуации, когда представители этого ошибочного понимания различия между этими науками пытаются выяснить, к какой из этих двух наук отнести двух живших и творивших приблизительно в одно и то же время философов, если один из них жив, а другой недавно скончался. Не редки и случаи, когда научный анализ отдельных положений или проблем, изложенных в работах того или иного философа прошлого, однозначно относят к прерогативе науки «История философии», не учитывая, что эта проблема или тот аспект, в каком она рассматривается в данной работе, этим философом никак нельзя рассматривать

как философские, а то обстоятельство, что она рассматривается философом, и в работе, которая в целом является философской, не означает, что она относится к философской проблематике, и может быть отнесена к науке «История философии».

10. *Ойзерман Т.И.* Проблемы историко-философской науки. М., 1982. С. 10.
11. *Иванов А.В., Миронов В.В.* Университетские лекции по метафизике. М., 2004. С. 30.
12. *Ойзерман Т.И.* Проблемы историко-философской науки. М., 1982. С. 8.

К КОНЦЕПЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО СОЛИДАРИЗМА

Григорьян Э.Р.

Продолжение жизни человечества на уникальном космическом объекте под названием «Земля» поставлено под угрозу новейшими античеловеческими глобальными процессами. Выход из нынешнего кризиса и выработка «проекта будущего» для всего человечества будут происходить по мере новой «сборки», совмещения интересов государств, цивилизаций, наций, народов и отдельных личностей на основе восстановления и синтеза культурного и мировоззренческого ядра каждой из сторон с преемственностью исторического цивилизационного пути, на основе их гармонизации в рамках естественно-исторических законов. Все, что прошло проверку временем, что оказалось устойчивым, инвариантным в разных исторических обстоятельствах, есть достояние культуры всего человечества и должно быть им освоено. То, что способствует совместной, координационной, созидательной деятельности людей во имя их спасения от социальных, экономических, культурных, экологических и прочих катаклизмов – должно получить приоритет.

Законы природы и истории действуют сегодня точно так же, как и тысячелетия назад. Как бы ни были сильны и богаты «нувориши» с их патологической страстью наводить всюду собственный «мировой порядок», им не пересилить мудрость веков, жажду свободы и силу культуры. Это и вечные истины, и вечные ценности, и всеобщие нормы и «золотые правила» нравственности и творческая созидательность – весь тот культурный багаж человечества, который должен быть задействован, чтобы суметь противостоять мировым деструктивным тенденциям, идущим от животной сущности человека, от его биологической составляющей, от его инстинктивно-атавистического «подполья», которое в полубессознательном забытье разметало народы по планете, породив новый Вавилон.

Для преодоления этих тенденций необходимо принципиальное обновление политической системы государств. Частью обновления должно стать появление организационных форм, построенных по более высокому цивилизационному принципу и опирающихся на различные вариации принципов созидательности и солидарности как центральных понятий любой общественно-политической деятельности. Человеческий эгоизм преодолевается общественным характером совместного труда и созидания. Государственный же эгоизм преодолевается осознанием единственности и уникальности человечества во всей космической системе. Если человечество не выживет (благо все средства для этого уже созданы), то природная эволюция завершится горьким итогом напрасности миллионных жертв наших предков, живших и творивших на Земле тысячи лет во имя лучшего будущего. А появление и жизнь человечества окажутся случайным космическим отклонением природной эволюции, сошедшей с механической орбиты.

Но данный человеку разум позволяет надеяться на лучший исход, при условии, конечно, что миллионы людей перестанут бездумно скатываться в грозящую им пропасть – вражду и ненависть государств, алчность и несправедливость отдельных элит, жажду власти и подлые технологии умерщвления целых народов

и т.д. Сегодня дали трещину организационные структуры человечества, но никак не их культуры и цивилизации; произошла серьезнейшая «коррозия» организационных механизмов. Из обслуживающих структур они превратились в паразитические и начали уничтожать свое тело, двигаясь тем самым к самоуничтожению. Можно с полным правом сравнить состояние человечества с возникшей на нем раковой опухолью. Но как можно остановить течение этой, смертельной для человечества, болезни?

Общеинтеграционная межцивилизационная философия как поле новых взаимоотношений между государствами, народами и элитами должна стать архитектором особой атмосферы в мировом сообществе, насыщенной прежде всего разумными, продуманными решениями, а не животной борьбой за финансы и инвестиции. Необходим особый дух взаимодействия между нациями и государствами, который был бы основан на стимуляции творческого, социального и организационного интеллекта и, одновременно, большей теплоты, сердечности и человечности в межчеловеческих отношениях. Социальный интеллект, не отрицая должной нормативности, смог бы воспринять каждую культуру и каждого человека личностно, со всеми их особенностями и нюансами, порой не укладывающимися в прокрустово ложе законов.

Целью этой общеинтеграционной и межцивилизационной философии должно быть принятие и признание каждой культуры, каждого народа и каждого человека, независимо от его материального, политического, финансового или статусного положения. Главным критерием должен быть нравственный статус. На Земле хватит места всем. Но только при условии, что будут обузданы алчные животные инстинкты, что будут подавлены агрессивные поползновения к убийству себе подобных, запрещены милитаристские лозунги и военные компании по уничтожению других стран и народов и т.д. Подобный подход давно назрел, общее недовольство народов, проявляющееся в мировых социальных протестах, свидетельствуют о надвигающихся переменах, которые, если не будут проведены в соответствии с волей народов, рискуют быть затоплены реками крови, пролитой агонизирующей животной сущностью человека, не желающей подняться на ступеньку выше в интеллектуальной эволюции разума. Главным принципом станет убеждение, что обо всем можно договориться. Отношения солидарности, провозглашаемые этой новой философией, вовсе не требуют уступок или жертв с какой-либо стороны, как это иногда трактуется. Компромисс и согласования интересов происходят не для пользы одной только стороны, но для взаимной пользы. Всякий компромисс – это сложная интеллектуальная и социально насыщенная разработка и открытие порой единственного возможного условия или решения, при котором стороны соглашаются на общую норму, не теряя ничего из своих преимуществ. Более того, от правильного компромиссного решения должны выиграть обе стороны.

Теоретическим основанием неизбежности компромиссов, приходящих на смену животной агрессии и развязывания войн, является та вечная истина, что люди живут друг для друга, что смысл всех деяний человека в служении другим, что вне этого смысла нет самого человека. Смысл всех деяний человека содержит предпосылку, что другой человек существует. Еще в древности поняли, что самым сильным наказанием является «отстранение» человека из общины. Лишенному социальности ничего не оставалось, как броситься в пропасть.

Наличие оголтелой варварской силы отменить в ближайшее тысячелетие невозможно. Но культурные народы могут изощрить и обострить свой разум и свою способность к компромиссам. Поэтому уступка или жертва со стороны

«культурного» разума есть свидетельство его интеллектуальной слабости, неумения проникнуть во все обстоятельства ситуации и найти достойное для обеих сторон компромиссное решение. Уступка есть отсроченное приглашение к реваншу. История красноречиво свидетельствует, что агрессивные инстинкты «близоруких» государств и народов обязательно заканчивались обратной реакцией возмездия со стороны ущемленных в своих правах народов.

Если компромисс достигается между двумя сторонами и в тайне от других, то такой компромисс можно приравнять к неявному заговору против остальных. Можно только приветствовать акцию Викиликса, выводящего из келейного междусобойчика эту дипломатическую практику заговоров против общества и приглашающего всех к участию в принятии жизненно важных общественных решений.

В социальной сфере компромисс должен выражаться общей для всех нормой, а не скрытым разделом присвоенного. Единственно возможная и необходимая всем уступка – это понимание того, что всякое подчинение компромиссу или общей норме основываются на сознании, что подчинение личного блага общему приносит и общественные выгоды, и потому только и совершается в целях и в пределах этой общей выгоды, что она приносит и личные приобретения. В этом случае, когда выгода целого является выгодой и отдельного лица, оно готово поступиться частными интересами, чтобы достичь главной цели. Более важной цели, чем торжество социальности, у человечества нет. Поэтому все частные интересы (наличие собственности, политической организации, иерархии власти, территориальной целостности, финансовых преимуществ, рыночных систем и т.д.) мгновенно обнуляются вне этого контекста. Именно на этой почве, достигаемой высокоинтеллектуальными усилиями креативно образованных специалистов, вырастает структура гармоничных социальных систем, а также психология соподчинения нормам всеобщей солидарности.

Учитывая законосообразность социального мира, можно сказать, что все социальные структуры, пережившие века истории и исправно служащие и сегодня, были сконструированы в русле солидаризма. История нещадно треплет и деформирует их, но природная законосообразность делает эти конструкции единственно возможными, и они восстанавливаются при ближайшей возможности. Прежде всего, это традиционные общества, в фундамент которых заложены высокопродуманные творческие достижения гениальных мыслителей, затем присущие всем народам обычаи и устойчивая практика взаимовыгодных взаимоотношений, которую не могут поколебать даже революционные бури. Любая культурная норма – это мост между различными миросозерцаниями, которые она примиряет, и в силу этого принадлежит одновременно стольким культурам, сколько представителей таковых принимают это средство коммуникации. Релятивность и различие культур сильно преувеличены, в основном теми силами, которые боятся их гармонизации.

Солидаризм создает условия для максимального проявления креативности народов и их общего интеллекта в принятии социальных решений, формирует базу для последующих конституционных основоположений и общественно принимаемой справедливости. Солидаризм не принимает никакой догмы: ни рыночной, ни планово-государственной. Более того, он вводит совершенно новый критерий социально-организационного строительства. Социальный порядок должен строиться исходя из того, что он является наиболее оптимальным для проявлений креативности. Все остальные эффекты – экономичность, энергосберегаемость, технологичность, конкурентоспособность, мобилизационность, высоко-

нравственность и т.д. автоматически следуют отсюда. Этот критерий является ключом и к глобальному управлению через стимуляцию локальной активности, хотя он отрицает необходимость принудительного управления другими. Конечно, пусть каждый управляет самим собой, но успешность самоуправления зависит и от совокупности применяемых принципов, поэтому те нормы и методы, посредством которых оно совершается у новаторов, вызывают интерес и желание их перенять.

Солидаризм, как глобализационная стратегия, не навязывает социальным субъектам тех целей, которые чужды им, и не приносит их индивидуальные интересы в жертву «общему благу», если только это не вознаграждается выгодами для участников солидарной группы. Но, с другой стороны, осознание того, что государства, элиты и народы, равно как и индивиды, не в силах обеспечить свои интересы без скоординированных и продуманных сообща усилий, заставляют их подчиняться тем требованиям мирового порядка, без соблюдения которых они оказались бы беспомощными в борьбе за существование.

В новой философии нормы взаимоотношений между народами и государствами устанавливаются как результат соглашения двух правовых субъектов при максимальном соответствии целям и задачам сторон. Любое навязывание своих норм более слабому субъекту, если тот не нарушает общепринятых норм взаимодействия, есть открытый призыв к войне и побуждение населения к социальным протестам.

Солидаристическая организационная структура вносит организующее начало не путем подчинения выработанному в центре плану, а содействием в сфере однородных интересов, сотрудничеству, взаимопомощи и взаимосогласованию. Построенный на началах солидаризма мировой общественный порядок должен быть проникнут духом взаимности и учета интересов всех участников мирового соглашения. Его особенность – кооперация солидаристически построенных общественных организаций, которые, охватывая по возможности все население и представляя его интересы, стремятся не к поглощению одних другими или к пресловутому «объединению», но к согласованному сотрудничеству в высшем, общепланетарном единстве. Место дикой конкуренции и пресловутых рыночных отношений, плодящих вражду, ненависть и поляризацию этносов и классов, заступает разумная координация, моральное обоснование и учет интересов. Согласование предполагает самодеятельность тех, чье поведение не противоречит интересам всего человечества и условий его существования. Государство не выдвигает свою волю как какую-то особую верховную волю, не считающуюся с волей граждан. Солидаризация проводится при наличии, если не противоположных, то, во всяком случае, разнородных групп и течений, за каждым из которых признается право на существование.

Общая воля рождается из стремлений и задач самостоятельных участников мировой и государственной жизни. Организовывать не значит регламентировать, а находить сбалансированные, иногда единственно возможные решения, удовлетворяющие всех участников. Организатор ускоряет движение к более прогрессивным формам взаимодействия.

Солидаризм отрицает и религиозную замкнутость одних и мессианистическую экспансию других. Множественность религий существовала всегда, так же, как и коммуникативная потребность в их трансценденции. Ни одна из религий не может заявить о себе как о венце эволюционного развития, не вступая в противоречие с другой религией и наукой. Следовательно, впереди еще много новых открытий, обновляющих ветшающие представления. Солидаристическая

оргструктура, примиряя в более высокой социальной трансценденции взгляды, ценности и интересы противодействующих и сопряженных групп, ограждает интересы более слабых не с целью перераспределения материальных средств, а в целях сохранения социального мира и его прогрессивных элементов.

Аморально и расточительно для культурных наций держать свой культурный и социально-психологический арсенал вдали от широких масс и других народов. В отличие от финансов, передача социальных знаний обогащает обе стороны, так как нельзя творить в варварском пространстве. Культурные нации содержат неоценимый и не всегда востребованный ценный резервуар и богатейшую кладезь проявлений солидаризма, в том числе и сопутствующие им личностные и социальные качества. Находясь в иных странах, многие армяне встречаются с серьезными трудностями, которые выковывают их боевой характер, прививают им полную самостоятельность и психологическую гибкость, которая сопровождается развитием сопряженных дипломатических способностей. Поэтому обе стороны — и из Армении, и представители диаспоры – должны делиться своим богатым опытом и направлять свою общую конструктивную деятельность в правильное русло. Люди делятся не по местам рождения или проживания, а по уровню и глубине знаний и нравственным качествам.

Актуальнейшая для армян проблема — создание условий для более быстрого интеллектуального развития, раскрытия всех своих способностей и переход к активному формированию окружающей социальной среды. Концепция солидаризма как нельзя лучше отвечает поставленным задачам.

Те же, кто под видом знаний распространяет лживые теории, в том числе и социального дарвинизма, уже исчерпан, достиг пределов своих интеллектуальных возможностей, и должен снова обратиться к источникам более высоких знаний. Только так могут создаваться условия для более быстрого интеллектуального развития, раскрытия всех своих способностей и перехода к активному формированию окружающей социальной среды. Описанный тип мирового и государственного устройства и общественных институтов может, как нам кажется, примирить интересы государств и народов и обеспечить плодотворное их сотрудничество во благо целого.

Необходимость подъема самосознания народов для принятия и освоения этой новой общеинтеграционной и межцивилизационной философии не вызывает сомнений. Вместо призывов к миру, единству и морали, надо дать людям знания о достоинствах их культуры, о заслугах их представителей перед всем человечеством, об особенностях их личностного сознания, о вековечном стремлении всех народов к свободе, созидательности, творчеству и об умении лишь некоторых брать на себя ответственность, в том числе и в кризисные моменты.

ПРОБЛЕМЫ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ПРОБЛЕМА СОЧЕТАНИЯ ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

К постановке проблемы

Аветисян П.С.

В условиях коренных преобразований, происходящих в сфере высшего образования на современном этапе, и обусловленных глобальными процессами развития мирового сообщества, актуальной становится проблема построения эффективной системы высшего образования, ориентированной на обеспечение высокого качества человеческого капитала страны и наиболее полное удовлетворение потребностей национальной экономики и общества в квалифицированных специалистах.

В странах, где процессы трансформации сферы высшего образования начались искусственным путем, т.е. посредством механического внедрения болонской модели, а не закономерным историческим развитием этой сферы, эти процессы носят более масштабный характер, затрагивая все области функционирования данной системы[1]. В особую группу таких стран входят страны с переходной экономикой, где перестройка касается всех сфер функционирования народного хозяйства. В этих странах существует проблема не просто внедрения новых подходов к управлению системой высшего образования, организации учебного процесса и обеспечения качества, а построения новой системы, наиболее эффективно сочетающей национальные особенности и традиции в сфере высшего образования с инновациями в процессе ее модернизации.

Сказанное в первую очередь касается стран постсоветского пространства. «Закрытость» образования в советском обществе имела свои последствия. Образование в постсоветских странах отстало от мировых стандартов информатизации и дистанционного обучения, а расхождения в учебных программах исключали возможность конвертируемости дипломов. Все это затрудняло доступ граждан постсоветских государств к возможностям обучения и трудоустройства за рубежом, что, в конечном итоге, могло бы привести к международной изоляции на-

циональной системы высшего образования. Преобразования в сфере образования осуществляются по сценарию «догоняющей модернизации», воспроизводства норм, образцов западной системы образования[2].

Модернизацию образования мы рассматриваем как качественное обновление образования на основе оптимального сочетания традиций и инноваций. Основной целью данного исследования является выявление и раскрытие приоритетных направлений развития национальных образовательных систем постсоветских стран и построение такой модели реформирования сферы высшего образования (на примере РА), которая на основе оптимального сочетания в ней традиций и инноваций позволит обеспечить адекватные ответы вызовам современного мира.

Модернизация образования предполагает действия в трех измерениях: структурном, институциональном и содержательном. В связи с этим, задачи исследования исходят из такого варианта развития системы высшего образования, каким оно должно стать, чтобы соответствовать: инновационной модели развития экономики, задаче консолидации армянского общества, требованиям конкуренции на глобальных рынках труда и образования. При решении поставленных задач мы будем исходить из того, что обсуждение перспектив высшего образования в Армении, России и других странах СНГ будет вестись с учетом мирового контекста.

В конце 90-х годов образовательная система почти всех постсоветских стран, в том числе Армении и России, объективно начала интегрироваться в европейскую систему мирового образования, что привело к определенным структурным и институциональным изменениям. Подобно многим другим социальным институтам, образование не было готово к кардинальным переменам. Необходимость модификации сложившейся к тому времени системы образования в значительной мере обуславливалась и кризисом общественного строя[3].

Сегодня образование во всем мире находится в процессе модернизации, обусловленной глобализацией образовательного пространства. В связи с глобальными изменениями социокультурной среды меняются и качественные (целевые, содержательные, процессуальные) характеристики современного образования. В то же время образование, являясь инструментом взаимосвязи социокультурной идентификации личности и общества, в своем развитии также реализует стремление к диалогу при сохранении и возрождении локального, национального, традиционного. Поэтому при реформировании сферы образования и при формировании различных концепций единого образовательного пространства системно взаимодействуют три тенденции:

– Модернизация образования, прежде всего, посредством его европеизации, для достижения открытости и достижения соответствия требованиям глобального мира;
– Поиск баланса между традициями и инновациями как фактор устойчивости и идентичности в динамично развивающемся глобальном мире;
– Налаживание и осуществление диалога культур в образовательном пространстве, реализующиеся через процессы интернационализации образования.

Нелинейность развития современного мира может привести как к повышению разнообразию, так и к нивелированию этого разнообразия, стиранию различий, поэтому, имея в виду универсальность концепции единого образовательного пространства, каждая из образовательных систем стремится к выбору своего социокультурного пути, к реализации максимальной свободы в создании своей не-

повторимой культуры. Процесс модернизации сферы высшего образования и формирование различных моделей интеграции в единое образовательное пространство для каждой из образовательных систем оказывается проблемой выбора, постоянной оценки возможных позитивных результатов и негативных последствий[4].

Последствия присоединения к болонскому процессу в Армении, России и в других странах-участницах этого процесса, в частности, в странах СНГ, неоднозначно оцениваются общественностью. Вопрос чаще всего принимает такую форму: в какой степени традиционная система образования, сложившаяся в течение длительного периода существования СССР, должна быть модернизирована или ее следует заменить новой, и является ли эта новая система, принятая странами учредителями болонского процесса, более эффективной.

К сожалению, часто споры по этим вопросам носят эмоциональный, тенденциозный характер и не основываются на спокойном, трезвом рассуждении, и большей частью основываются на личных наблюдениях, а не на объективных данных, бесстрастных наблюдениях или научных исследованиях. Многие из затронутых нами проблем отражены в научных исследованиях как отечественных, так и российских и других зарубежных авторов. В РА основные разработки по представленной теме принадлежат автору, где изучаются вопросы влияния и роли традиционных, инновационных и интеграционных факторов в формировании единого образовательного пространства СНГ в условиях глобализации, рассмотрены процессы европеизации и интернационализации образования как инновационные и интеграционные факторы формирования единого образовательного пространства[5].

Проблемам сочетания традиционных и инновационных факторов в развитии современных систем высшего образования посвящено большое количество работ зарубежных авторов. Так, А.И. Субетто, Н.И. Селезнева и В.И. Байденко в ходе исследования представили национальную концепцию государственной политики качества высшего образования, основанную на сочетании современных вызовов и запросов общества, предъявляемых к высшему образованию, и формировании национальной модели «качества человека», исходя из приоритетов развития, а также национальных, исторических, культурных особенностей государства[6].

Вместе с тем, недостаточно изученной остается также задача формирования в новых условиях системы управления качеством высшего образования в контексте синтеза «старой» и «новой» моделей этой системы, сочетания их элементов и составляющих. Частично подобная модель представлена в работе «Вопросы формирования и развития системы управления качеством высшего образования»[7], где сделана попытка определить основные элементы и структуру данной системы для Республики Армения. Вместе с тем, решение проблемы обеспечения качества в сфере высшего образования РА может быть более полным, если будет изучен опыт и других стран с переходной экономикой, в которых также происходили либо происходят коренные реформы по всем направлениям функционирования системы высшего образования. Однако проблема достижения баланса традиций и инноваций в сфере образования, необходимого для дальнейшего развития, мало исследована в Армении и в других странах постсоветского пространства. Ее решение имеет принципиально важное значение для построения эффективной системы высшего образования.

Основными целями подобного исследования являются:

– выявление и раскрытие приоритетных направлений модернизации национальных образовательных систем постсоветских стран, в том числе РА;
– построение такой модели реформирования сферы высшего образования, которая на основе оптимального сочетания в ней традиций и инноваций позволит обеспечить адекватные ответы вызовам современного мира.

Реализация же поставленной цели предусматривает решение следующих исследовательских задач:

1. раскрыть социально-философские основания и характеристики процесса модернизации сферы высшего образования на основе соотнесения традиционных и инновационных факторов в странах постсоветского пространства;

2. обобщить теоретические выводы и обосновать приоритетные направления реформирования национальных образовательных систем постсоветских стран с учетом императива интеграции в единое образовательное пространство, сохраняющее традицию при внедрении инноваций;

3. отразить модель сочетания традиций и инноваций в деятельности современных университетов;

4. создать модель системы управления качеством высшего образования с учетом вызовов современного рынка труда и образования;

5. рассмотреть и проанализировать проблему непрерывного и дистанционного образования в контексте сочетаний традиций и инноваций.

Мы исходим из того, что развитие Армении, России и других стран СНГ должно определяться не просто заимствованием и копированием существующих (апробированных) моделей, а трансформацией и адаптацией их в соответствии с традициями, историей, менталитетом каждой конкретной страны. Поэтому нужно сочетать традицию и инновацию. Их синтез (который, например, мы наблюдаем в Китае, Индии, Сингапуре, Японии и Великобритании), на наш взгляд, может стать основной предпосылкой для развития и конкурентоспособности образовательной системы нашей страны.

1. См.: Tendencies Towards Renovation of Higher Education Systems and Educational Standards of the CIS Countries Within the Context of the Bologna Process: итоговый аналит. докл. // Байденко В.И. и др. М., 2006; *Սարգսյան Յու.Լ., Բուդաղյան Ա.Ս.*, Բոլոնիայի գործընթացը Հայաստանում. Ուղեցույց, Բարձրագույն կրթության ռազմավարական հետազոտությունների ազգային կենտրոն, Եր., 2008:
2. См.: *Попков Ю.В.* Интернационализация в традиционном и современном обществах. Новосибирск, Изд-во ИДМИ, 2000, – 199 с.
3. См.: «Կրթական վերափոխումները Հայաստանում» ՄԱԶԾ, Եր., 2006; *Հովհաննիսյան Հ., Մելքումյան Ա., Մկրտչյան Ա., Շահնազարյան Ն.*, ՀՀ Մասնագիտական կրթության բնագավառում պետական քաղաքականության զարգացման հայեցակարգային մոտեցումներ: ՄԱԿ-ի Զարգացման ծրագրի հայաստանյան գրասենյակ, ՀՀ Կրթության և գիտության նախարարություն, Եր., 2005:
4. См.: *Аветисян П.С.* Формирование единого образовательного пространства СНГ в условиях глобализации (социально-философская концепция): Монография. Ер., 2007.
5. См.: *Аветисян П.С.* Информатизация образования как информационно-технологическая и социокультурная основа формирования единого образовательного пространства стран СНГ // Вестник Российского университета дружбы народов (серия: информатизация образования). М., 2007. N 1 (4). С. 21–37; Его же. Формирование единого образовательного пространства СНГ в условиях глобализации (социально-философская концепция). Ер., 2007; Его же. Философия образования как методологическая основа формирования единого образовательного пространства государств-участников СНГ в условиях глобализации // Вестник общественных наук НАН РА.

Ер., 2007. N 2.(619). С. 42–55. Его же. Философия образования как методологическая основа формирования единого образовательного пространства государств-участников СНГ в условиях глобализации // Вестник общественных наук НАН РА. Ер., 2007. N 2.(619). С. 42–55; Его же. Глобализация и ее воздействие на формирование единого образовательного пространства стран-участниц СНГ // Проблемы экономики и трансформации образовательных систем: Межвузовский сборник научных трудов. Ер., 2007. С. 24–40. *Avetisyan P.* The Issues of Forming Unified Normative-Legal Ground of Distance Education in the CIS Countries // Materials of Thematic Workshop European Area "Excellence Models for a Global University Network", Tischner European University, 21st March 2007, Krakow, Poland, www.guideassociation.org; Его же. Европеизация образования как инновационный фактор формирования единого образовательного пространства СНГ // Вестник РАУ (серия: гуманитарные и общественные науки). Ер., 2007. N 2. С. 81–89; Его же. Современный этап социально-экономического развития общества и новые значения университетов СНГ // Международная научно-практическая конференция под эгидой ЮНЕСКО, РУДН – Знанием объединимся. Итоги 50 лет подготовки кадров для развивающихся стран мира. М., 2010. С. 115–127.

6. См.: *Субетто А.И., Селезнева Н.И.* Государственная политика качества высшего образования: концепция, механизмы, перспективы. Ч. 4. «Академия Тринитаризма». М., 2004 // http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001a/00120200.htm#700; *Байденко В.И.* Концептуальная модель единого макета образовательного стандарта высшего образования стран СНГ // Стандарты и мониторинг в образовании. М., 2005. N 1. С. 3–9.
7. См.: *Галстян В.С.* Вопросы формирования и развития системы управления качеством высшего образования (на материалах РА) // Дисс. к.э.н. Ер., 2010, ЕГАУ.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ

ВРЕМЯ ИННОВАЦИЙ

Выступление ректора РАУ А.Р. Дарбиняна на Международной конференции «Россия и мир: вызовы нового десятилетия»

Сама тема выдвигает ряд вопросов: **когда оно наступило, и правомерно ли считать, что оно наступило сегодня? И в каких случаях говорят о необходимости инноваций?**

Существует три таких случая:

1) Первый – когда страна принимает собственное, независимое, осознанное решение о принятии инновационной модели развития. Это происходит в определенных случаях: либо если она недовольна своим положением в существующей системе общественного и мирового разделения труда (в данном случае это относится и к России, потому что последняя не готова довольствоваться ролью «сырьевой державы» или «бензоколонки», как ее называют американские эксперты, и, видимо, хочет и может сказать свое слово); либо когда страна просто не хочет быть статистом в мировом развитии и вынуждена принимать какие-то экстренные меры по этому поводу. Все Скандинавские страны, Ирландию и Исландию можно отнести к первому случаю: они сделали свой осознанный добровольный выбор.

2) Второй случай – это когда страна просто вынуждена сделать такой выбор, исходя из собственных внешних и внутренних оснований. Вся история послевоенного развития – Германия, Япония, в какой-то степени Италия, Испания, сегодняшний Израиль сделали принужденный выбор в сторону инноваций, потому что иначе выживать было бы невозможно.

3) Третий случай связан с потерей или размыванием национально-государственной идентичности. Пример Греции последних 10-летий развития оказал большое влияние на определение стратегии сегодняшнего Кипра. Потому что полное размывание национально-индустриальной базы и фокусирование бизнеса на туризме сыграло весьма плачевную роль для сегодняшней Греции. И Кипр, кстати, принял достаточно резкую позицию, ориентируясь в своем дальнейшем развитии не только на туризм, но и на инновационное развитие, что сегодня является одним из приоритетов Кипрского государства в качестве составного элемента государственной политики.

Когда же наступило время инноваций? Можно считать, что оно наступило как раз в год дефолта, в 1998-ом году, 12 лет назад. Здесь сыграл второй критерий: когда стране, кажется, некуда деваться и нужно было принимать инновационную модель развития. Благоприятная динамика на внешнем рынке,

конъюнктура мировых цен на нефть, конечно, сыграли свою роль и отодвинули этот процесс на 10 лет. Означает ли это, что Россия опоздала на эти годы? Скорее, нет, чем да, потому что сегодня все-таки абсолютно другие стартовые, исходные позиции и возможности, они несопоставимы с теми, которые были 11 лет назад. С другой стороны, хотелось бы, конечно, начать раньше, с тем, чтобы скорее прийти к какому-либо итогу. Начали бы раньше – и был бы собственный опыт, а не опыт тех стран, которые сейчас изучаются.

На вопрос – **наступило ли время инноваций сейчас**? – ответ двойственный: и «да», и «нет». «Да» – потому что хочется перестать быть просто экспортером нефти и газа, «нет» – потому что это надо было осуществить лет 11 назад.

Дальше встает вопрос: **без чего невозможна инновация?** В сегодняшних условиях есть несколько факторов, которые делают наши возможные стратегии неработающими. Можно выделить шесть таких факторов:

1. Нужна кардинальная модернизация системы государственного управления. Та степень эффективности, которая сегодня присутствует с большей или меньшей разницей почти во всех постсоветских странах, не дает нам оснований полагать, что у нас возможно инновационное развитие.

2. Второй фактор – поддержка частной инициативы. Обычно говорят о свободе частного предпринимательства. Не только свобода, но и государственная поддержка очень важны для создания конкурентных условий, вывода монополий из рыночного пространства и возможности субъектов, существующих на рынке, существовать все-таки в условиях конкуренции. Этого сегодня нет практически ни в одной стране постсоветского пространства.

3. Инвестиции внутренние и внешние. Без инвестиций не бывает инноваций – это аксиома. Конечно, здесь нужен определенный бюджетный сигнал. В России он уже подан: 318 млрд рублей на развитие нанотехнологий до 2015-го года – это неплохой сигнал. Это нужно учитывать всему бизнес-сообществу не только в России, но и в мире. И, естественно, нужно создавать условия для привлечения капитала извне.

4. Равный доступ к информационным ресурсам. К примеру, невозможно в полной мере говорить о перспективах создания инновационной модели в Китае без свободы доступа к информации. То, что делается в Китае, – это, может быть, талантливое копирование западных технологий, но, строго говоря, еще не инновационное развитие. Конечно, происходит модернизация, основанная на некоей конфуцианской культуре, есть феномен, который надо изучать, но копировать его не стоит.

5. Обычно говорят о равных возможностях доступа к информации, к ресурсам, о равенстве возможностей в развитии индивидуума... Надо говорить о неравенстве также, потому что неравенство – это естественный стимул и к развитию, и к саморазвитию общества. Но очень важно, чтобы это неравенство было социально справедливым. Справедливое неравенство – абсолютно важный фактор, без которого развитие инновации невозможно. Добиваться этой справедливости можно определенными общественными шагами, естественно, усилением гражданского общества, но огромное значение имеет правовая система, которая хромает сегодня практически на все ноги. В материалах о судебной реформе 1864-го года был текст судебной присяги, согласно которому судьи должны были держать ответ перед Богом и законом. В течение этих лет Бога мы растеряли, а к закону еще не привыкли. Здесь большой вопрос: сможем ли мы создать эту инновационную среду без соответствующего правосудия.

6. Обязательная ориентация на экспорт. Невозможно говорить об инновациях, если в стране не действует вся система экономического стимулирования экспорта. В стране должна быть экспортно-ориентированная экономика, чего сегодня, исходя из практики ведения денежно-кредитной политики, нет. В той же Армении был даже период, когда национальная валюта была самой стабильной в мире. Но это привело всего лишь к подорожанию рабочей силы, потому что мы потеряли даже в цифрах экспорта программного продукта, который у нас в начале 2000-х годов вроде как начал развиваться. Но дальше мы, к сожалению, это конкурентное преимущество потеряли, «благодаря» не самой умной экономической политике.

На вопрос о том, **в какой стадии имплементации инновационных проектов мы находимся сегодня,** можно заметить, что мы, видимо, уже «заболтали» инновации. И в этом смысле хочу предостеречь своих российских коллег: будьте бдительны, пожалуйста, потому что такая опасность, исходя из нашего общего опыта, существует, не дайте «заболтать» этот процесс и превратить его в очередное «ускорение».

Следующий вопрос: **что может помешать реализации инновационной политики?** Отмечу четыре противоречия, которые существуют в уже ставшем притчей во языцех переходном периоде:

1. Первое противоречие, которое опять же существует практически во всех странах, которые пытаются реформироваться, — это противоречие между ценностями демократии, рыночной экономики и интересами элиты. Интересы элиты направлены на то, чтобы воспроизводиться. Главная опасность заключается в том, что в общественном сознании именно этот интерес воспроизводства элиты уже становится превалирующим над интересами демократии и интересами свободного рынка. Это очень опасная тенденция.

2. Интересы частной собственности, которая стала, казалось бы, превалирующей формой собственности, и текущая, даже развивающаяся, усиливающаяся монополизация основных системообразующих секторов экономики. Это глубокое противоречие, которое существует сегодня практически во всех постсоветских странах.

3. Интересы класса частных собственников и интересы класса бюрократии. Бюрократия ни в одной стране не заинтересована и не мотивирована на инновации. Это надо учитывать особенно тем странам, где бюрократия даже численно увеличивается — количество людей во власти, при «кормушке» становится больше, чем их объективно нужно для нормальной экономики, не говоря уже об экономике инновационной.

4. Императив интеграции. Без интеграции, без взаимопроникновения экономик и культур невозможно говорить о современном обществе. Приветствуется осознание важности интеграции в сегодняшней России, но, с другой стороны, практически по всему периметру бывшего Советского Союза существует замкнутость экономического пространства. У нас есть огромные ограничения на допуск западного или ненационального капитала в определенные сектора экономики, что просто связывает эти сектора по рукам и ногам. Например, в Армении сегодня не существует сколь-нибудь значимого участка экономики, в котором бы доминировал частный капитал армянской диаспоры: развитие национального олигархата сделало просто бессмысленным участие диаспоры в экономических проектах в стране. Такая же опасность есть и в России, потому что государственный капитализм имеет, конечно, свои позитивные черты, но здесь очень важно не переборщить. Мне кажется, что мы сегодня находимся как раз у этой опасной черты.

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО И ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РФ И СТРАНАХ СНГ
(обзор конференции)

Саркисян О.Л.

15–16 декабря в Москве состоялась 3-я Международная научно-практическая конференция «Государственно-конфессиональное партнерство и институализация духовного образования в РФ и странах СНГ». Конференция была организована Московским государственным лингвистическим университетом при поддержке Государственной Думы и Министерства образования и науки РФ. В работе конференции принимали участие более 85 участников из РФ и стран СНГ: ученые, деятели культуры и образования, представители государственных органов, религиозных организаций. Были представлены и обсуждены более 30 докладов. Российско-Армянский (Славянский) университет был представлен автором данных строк.

Цель конференции – обмен опытом в сфере взаимодействия светских и духовных образовательных учреждений, определение задач и перспектив сотрудничества, рассмотрение духовно-нравственных аспектов развития личности в поликультурном пространстве СНГ.

В ходе конференции прошло обсуждение следующих вопросов:

- Идеология, доктрина и практика мультиэтничности и поликонфессиональности в странах СНГ;
- Духовно-нравственное развитие личности в поликультурном пространстве СНГ;
- Духовное образование в странах СНГ: общее и особенное;
- Диалектическое единство и противоречивость процесса государственно-конфессионального партнерства и институализации духовного образования;
- Цели и задачи религиозного и светского гуманитарного образования;
- Межнациональное и межконфессиональное согласие и пути его достижения совместными усилиями государства и церкви;
- Воспитание уважительного отношения к представителям различных народов и религий, иммунитета против этнического и религиозного шовинизма;
- Роль Межвузовского совета по духовному образованию как научно-методического объединения вузов государств-участников СНГ;
- Язык, его роль и место в современном духовном образовании.

Участников конференции приветствовал Председатель Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками Государственной Думы РФ А.В. Островский. Затем с докладом выступила ректор МГЛУ, академик РАО И.И. Халеева. Она подчеркнула актуальность духовно-нравственных аспектов воспитания и образования, как существенных элементов национальной безопасности РФ и стран СНГ. Она предложила духовное образование понимать не как сугубо религиозное, а более широко. Докладчица подчеркнула, что для конструктивных межнациональных и межконфессиональных отношений необходимыо: 1) хорошо

знать не только свою религию, культуру, но и чужую; 2) видеть то, что объединяет культуры и народы, а не то, что их разъединяет. Она предложила также разработать нравственный кодекс гражданина страны.

Русскую Православную церковь представлял на конференции председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин. Он выдвинул тезис, что духовное образование, знание людьми своей веры – это основа мирной жизни. А религиозное невежество крайне опасно. Докладчик подчеркнул, что духовное образование должно быть непрерывным (от детского сада до вуза и дальше).

На конференции были широко представлены мусульманские общины и исламские университеты РФ и стран СНГ. Она стала своеобразной площадкой для освещения проблем духовного образования в исламских регионах. С докладами выступили Первый заместитель Председателя духовного управления мусульман России, муфтий Чувашской республики Крганов А.Р., представители российских исламских университетов (Раев Р.Р., Денильханов С.А., Муртазин М.Ф., Муслимов А.М. и др.), ректора Таджикского (Назаров У.С.) и Киевского (Хуснутдинов К.М.) исламских университетов. В их выступлениях красной нитью проходила идея о том, что институализация религиозного образования и его поддержка государством сегодня особенно важны для сохранения стабильности в тех регионах и обществах, где религиозный фактор традиционно является одним из главных. Из содержания данных докладов можно сделать вывод, что через удовлетворение духовных запросов людей разных конфессий, государство должно стремиться нейтрализовать религиозный радикализм и национальный экстремизм.

В выступлениях руководителей светских вузов (ректор Пятигорского государственного лингвистического университета Горбунов А.П., проректор Киргизского государственного университета Каниметов Э.Ж., проректор Кубанского государственного университета Иванов А.Г. и др.) рассматривались вопросы взаимодействия светских и духовных образовательных учреждений в области теологического образования. К проблеме университетской теологии и светского религиозного образования обратился в своем выступлении также профессор Кубанского государственного университета Бойко П.Е.

Декан факультета философии и политологии Казанского национального университета Кулсариева А.Т., декан факультета социальных наук Евразийского национального университета Кабульдинов З.Е. и профессор Бэльцкого государственного университета Пэдуряк Л. в своих докладах особое значение придали религиозной и этнической толерантности как важнейшему фактору укрепления общественного согласия и достижения национального единства.

Директор института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ Касюк А.Я. в своем выступлении подчеркнул роль современных информационных технологий в духовном образовании.

Особое значение участники конференции придавали исследованию различных моделей синтеза светского и духовного образования. Частично этой проблемы касался и доклад автора данного обзора («Синтез духовного и светского образования. Опыт армянской действительности: история и современность»). Мы считаем, что как бы оригинальны и сложны ни были современные проблемы, ответы на них очень часто подсказывает обращение в прошлое. В развитии армянской нации система образования традиционно занимала особое место. Особенностью средневековой армянской культуры вообще и системы образования, в частности, является ее синтетичный характер. Речь, во-первых, идет о

том, что с момента своего формирования система образования основывалась на своеобразном синтезе духовного (религиозного) и светского (традиций античной науки и философии) начал, и это при том, что образовательные учреждения содержались за счет церкви, и, как правило, при монастырях. В дальнейшем это выразилось в деятельности армянских средневековых университетов (вардапетаранов), где наряду с теологией преподавались все известные к тому времени светские науки. Другим проявлением синтетичности армянской средневековой культуры (и системы образования) был своеобразный синтез национального начала и общечеловеческого (наднационального).

В дальнейшем в эпоху победы техницисткого разума, ура-сциентизма и воинствующего атеизма по позициям духовного образования был нанесен сильнейший удар. Его элементы были попросту убраны из системы светского образования. Местами обоснованная критика превратилась в полный нигилизм, полное неприятие значения элементов духовного образования. Духовно-образовательные учреждения многие стали рассматривать как пережитки прошлого. Однако, как показал опыт двадцатого века, абсолютизация сугубо светского образования и научно-техницистского мышления не сделала человечество лучше. Многие поняли, что наука не всесильна, она не может решить все проблемы, встающие перед человечеством, и, в первую очередь, проблемы духовного и морально-этического характера. Более того, она, по всей видимости, сделала человека еще более неудовлетворенным. ...Сегодня осознается, что в век бездуховности, преобладания в сознании особенно подрастающего поколения сугубо материальных ценностей, необходимо произвести своеобразный синтез элементов светского и духовного образования.

Теперь, когда составной частью культурной политики государства является политика в области образования, необходимо этот синтез осуществить под покровительством самого государства. Кстати, возврат к духовному началу не означает пропаганды поповщины. Борьба с бездуховностью не должна привести к анахронизму, аскетизму, отказу от достижений науки и технического прогресса. Речь должна идти о плодотворном совмещении этих начал. Необходимо, к тому же, само духовное начало понимать широко: оно налично не только в религии, но и в подлинном искусстве, в гуманистической философии.

В заключение работы конференции были определены задачи и перспективы сотрудничества в рамках Межвузовского совета по духовному образованию государств-участников СНГ, что было отражено в итоговой Резолюции конференции.

ИЗ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ УНИВЕРСИТЕТА

ПО ИТОГАМ V ГОДИЧНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РАУ

6-го декабря 2010 года прошла V Годичная научная конференция Российско-Армянского (Славянского) университета. «Российско-Армянский университет за эти годы по праву стал центром генерирования научных идей, и считаю очень важным то, что мы ежегодно обобщаем таким образом результаты наших исследований и намечаем наши дальнейшие стратегии, – отметил ректор РАУ А.Р. Дарбинян, открывая конференцию. – Без науки, без исследовательской работы, без постоянного генерирования идей, без превращения этих идей в гипотезы, дальше – теории и законы, мы просто не сможем стать той страной, народом, на которые по качеству претендуем».

С приветственным словом на конференции выступил Главный научный консультант РАУ, академик НАН РА С.А. Амбарцумян. «Есть такая пословица – говорят: повторение – мать учения. Но забывают продолжить эту идею. Повторение – мать учения, но мачеха прогресса, – заметил академик. – Наука может развиваться только новыми идеями!»

Научные достижения РАУ перечислил Проректор университета по научному работе П.С. Аветисян, отметив многочисленные научные конференции, совещания и круглые столы, организованные в РАУ за этот учебный год, а также высокие показатели научной деятельности РАУ в рейтингах университетов.

В ходе пленарного заседания конференции прозвучали доклады «Литература и общество (некоторые вопросы современной армянской литературы)» (А.К. Егиазарян) и «Квантовые наноструктуры: классы и некоторые свойства» (А.А. Саркисян, Д.Б. Айрапетян, К.Г. Двоян, Э.М. Казарян).

Конференция проходила в РАУ 6–10 декабря по следующим научным направлениям: физико-математические и естественные науки (математика, информатика и технические науки, физико-технические и биохимические науки) и социально-гуманитарные науки (философские, политические и исторические науки, экономические, юридические науки, филологические и лингвистические науки, социально-психологические науки). Всего на конференцию было представлено 286 докладов. По итогам конференции запланировано издать сборник научных трудов.

А.Р. Дарбинян в своем докладе «Наука должна разграничить цели, к которым необходимо стремиться», отметил, что сам факт очередной конференции и та обстановка, в которой она проводится, многое значат: по уровню цитируемости в армянском научном сообществе «Вестники» университета занимают одно из

ведущих мест в стране. Вообще наука, отметил он, является самой главной, ведущей силой в мировом развитии. Те страны и народы, которые это поняли, имеют сегодня неоспоримые преимущества перед теми, которые этого не приняли. Комментируя слова премьер-министра Армении о том, что мы живем в обществе, которое склонно к феодальному, Дарбинян отметил, что был очень удивлен, потому что никогда не считал себя представителем подобного общества, никогда не принимал по своей внутренней конституции такой постановки, и что пространство, в котором мы находимся, исключает феодализм в принципе. По его словам, мы создали некое сообщество людей, которые двигают друг друга к прогрессу.

Цели, которые были поставлены, аргументированы следующим образом:

1. ***Мирное урегулирование Карабахского конфликта***. Не является общенациональной целью. Мирное или военное урегулирование, урегулирование или неурегулирование – это задача политического руководства, которое должно ориентироваться, исходя из политической и общенациональной целесообразности.

2. ***Вторая задача мимо цели – общемировое признание Геноцида армян***. Долгое время наше государство существовало в рамках идеологии, в основе которой лежал постулат: нужно жить в этом пространстве, надо создавать пространство комфорта вокруг себя. В этом пространстве неминуемо оказывалась Турция, и мы выдвигали, наоборот, тезис о том, что вопрос признания Геноцида – вопрос армянских общин, которые разбросаны по всему миру, и что это они должны контролировать этот вопрос, потому что они являются потомками людей, которые из-за Геноцида оказались на чужбине.

3. ***Укрепление боеспособности и обороноспособности Армении и Карабаха***. Это задача не общенациональная, а государственная. Государство, действительно, должно стремиться к тому, чтобы укреплять национальную обороноспособность. Но у нашей страны элементарно не хватает средств на социальные нужды, на создание реальных гарантий для людей, которые должны жить, а не существовать в этом обществе. Средств не хватает именно потому, что вопросы обороноспособности всегда ставились на передний план. Может быть, вполне естественно, что это является задачей государственной важности сейчас, но возводить это в ранг общенациональной цели действительно не стоит.

4. ***Сохранение армянской идентичности в диаспоре***. О сохранении идентичности в диаспоре необходимо думать в последнюю очередь, и вообще нет такой задачи у армян. Не нужны армянские гетто в Лос-Анджелесе или где-то еще. Нам важно, чтобы армяне, наоборот, вовлекались в общественную жизнь, являлись представителями тех государств, в которых живут, усилили бы свою роль. Никакого значения не могут иметь для американского истэблишмента, для тех людей, которые принимают решения, мнения обитателей армянских гетто.

5. Объединение армянского народа вокруг армянской церкви. Действительно, большинство из нас являются людьми верующими, но объединять народ нужно не вокруг церкви, а вокруг армянского *государства*. И это проблема общемирового армянства – в том, что мы не осознали ценность и самодостаточность армянского государства. Общественная наука должна ставить совершенно иные задачи, и мы должны способствовать тому, чтобы истэблишмент страны осознал, что у нас совершенно другие цели. Цель – создать ***процветающую экономику***, экономику, куда двигается народ, а не покидает страну. По официальным данным, 40 тысяч армян в год покидают Армению. Когда народ уезжает из страны – это голосование ногами, или даже пятками, которые видны. Процветающая экономика – одна из целей; ***свободный гражданин*** – самая большая цель. ***Мотивирован-***

ное общество – общество, которое объединено вокруг других целей. У нас общество абсолютно не мотивировано, дезорганизовано, мы живем как волчья стая. ***Сильное государство*** – всегда понимали сильную репрессивную машину, механизмы принуждения исполнения законов, и мы не всегда понимали механизм защиты свободы гражданина. Мы усилили репрессивную машину и не создали механизмов защиты человека, его прав, свобод и собственности. Сильное государство только тогда сильно, когда может обеспечивать свободы, а не тогда, когда может их подавлять. Мы пока создали государство, которое успешно подавляет эти свободы, и призываем при этом армян объединяться вокруг церкви. И последнее – мы должны стремиться стать ***центром притяжения мирового армянства***, это задача, которая всегда будет стоять перед нашим государством и народом.

В докладе, в частности, декларировалось такое понятие, как переходный период, говорилось о том, что еще Салтыков-Щедрин указал, что в мире есть места, где этот переходный период длится вечно, там всегда какие-то перемены и революции. Это тоже своего рода экскьюз нашим проблемам: то, что мы не успеваем, не можем, не соображаем сделать, мы просто обосновываем тем, что у нас переходный период. Однако переходный период имеет начало и конец. И этот конец, на самом деле, очень близок. Есть такое понимание – *стабильное государство*, стабильная политическая система, стабильная экономика, преемственность власти, стабильный курс драма, – это категории, которые ведут нас совершенно не в ту сторону. Нам не нужна стабильность, нам нужна динамика, нам нужно развитие, динамичное общество, динамичная экономика. Там, где говорят о стабильности, говорят о застоях. Зная это, необходимо противодействовать этому по высшей степени научных возможностей. Об этом и многом другом было изложено в докладе ректора РАУ, члена-корреспондента НАН РА А.Р. Дарбиняна.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамян Э.А. – к. ист. наук, научный сотрудник Института истории НАН РА

Аветисян М.С. – соискатель кафедры мировой политики РАУ

Аветисян П.С. д. филос. н., профессор, проректор РАУ по научной работе

Аствацатуров С.В. – к. соц. н., доцент кафедры социологии ЕГУ и кафедры политической теории РАУ

Барнашов О.В. – аспирант кафедры политической теории РАУ

Григорьян Э.Р. – ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и права НАН РА

Даниелян А.Ж. – соискатель кафедры гражданского и гражданско-процессуального права РАУ

Дарбинян А.Р. – д. эк. н., профессор, член-корреспондент НАН РА, ректор РАУ

Мирумян Р.А. – д. филос. н., профессор кафедры политической теории РАУ

Монета М.Г. – преподаватель кафедры политической теории РАУ

Оганесян С.Г. – д. филос. н., профессор, зав. кафедрой философии РАУ

Сарвазян Л.С. – научный сотрудник Института философии, социологии и права НАН РА

Саркисян О.Л. – к. филос. н., доцент кафедры философии РАУ

Серегин В.П. – зам. директора IV департамента стран СНГ

К сведению авторов

Статьи должны быть в объеме примерно 20–25 тысяч знаков (в пределах 15 страниц, напечатанных в два интервала) и представляться на дискете с двумя экземплярами отпечатанных копий. Статьи на армянском языке должны быть снабжены развернутым резюме(не менее 2 страниц) на русском языке. Ссылки должны быть расположены в конце текста. Авторы ответственны за достоверность приводимых фактов, цитат и ссылок. Позиции авторов не обязательно отражают точку зрения редакции. Рукописи не возвращаются.

Адрес издательства
0051, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123
Российско-Армянский (Славянский) университет,
тел⁄факс: (+374 10) 27-70-52, 26-11-95

Отпечатано в типографии «Пайлун»
0012, г. Ереван, ул. Адонца 14, корп. 7
Эл. сайт: www.payloon.am
Эл. почта: payloon@payloon.am
тел.: (+374 10) 23-08-90
факс: (+374 10) 29-70-90